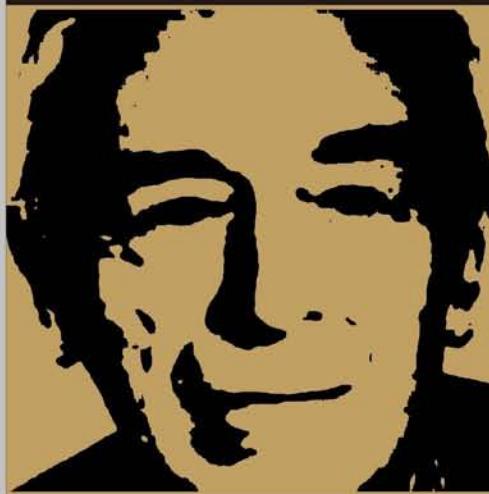

Ak

ЛЕВ КВИН

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

Ak

ЛЕВ КВИН: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

**К 90 – летию со дня рождения
писателя, драматурга,
общественного деятеля
Льва Израилевича Квина**

БАРНАУЛ 2012

ББК 85.3 (2Рос-Рус) 6-8

К-327

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

К-327 Лев Квин: страницы жизни и творчества / Сост. Е.Н. Ишутина. - Барнаул,
2012 г. - 144 с. + 24 с. вкл.

Сборник содержит документы, воспоминания и другие материалы, раскрывающие основные события жизни известного писателя и драматурга Льва Израилевича Квина (1922-1996), внесшего большой вклад в развитие культуры Алтайского края второй половины XX века.

Предназначен для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-88449-293-6

ББК 85.3 (2Рос-Рус) 6-8

© Государственный музей истории литературы,
искусства и культуры Алтая, 2012
© Е.Н. Ишутина, составление, 2012
© КАУ «Алтайский дом литераторов», 2012

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«У меня три дорогих сердцу места. Латвия - земля отцов. Там я родился. Там сделал первые шаги в жизнь. Венгрия, где я служил в армии, обрел новых друзей. И Алтай. Необъятный Алтай с чудесной природой и не менее чудесными людьми...»

Л.И. Квин

Данный сборник посвящен 90-летию со дня рождения писателя, драматурга Льва Израилевича Квина. Он многое повидал, многое пережил. Накопленные жизненные впечатления и наблюдения позволили писателю создать интереснейшие рассказы, повести, романы, пьесы. За годы его творческой деятельности в издательствах нашей страны и за рубежом было издано более пятидесяти книг, на театральных сценах в разных городах с успехом шли спектакли по его произведениям. Хотя интерес к жизни и творчеству Льва Израилевича Квина не угас и ныне. Он остается одним из самых востребованных авторов. В декабре 2011 года среди читателей городских библиотек было проведено анкетирование, которое показало, что книги Льва Квина не залеживаются на полках, их читают дети и с большим удовольствием перечитывают взрослые, впервые познакомившиеся с его произведениями еще в 1960-1980-е годы. Они вспоминают многочисленные встречи с этим талантливым писателем, на которых им посчастливилось бывать. Участники анкетирования отмечают, что все его книги легко и с интересом читаются, они позитивны и воспитывают чувство патриотизма у современного молодого поколения. В них прекрасно раскрыта тема детства и юношества. А проблемы сегодняшних подростков, в большинстве своем, те же самые, что и описаны Львом Квином. Все истины, которые открывают для себя герои писателя и все ценности, которыми они дорожат, актуальны и сегодня. Востребованы и аудиокниги Льва Израилевича. По словам редактора аудиоизданий Алтайской краевой специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих Ольги Васильевны Буриловой, в 2005-2011 годах в звукозаписывающей студии были озвучены три повести Л.И. Квина «Везет же людям!», «Улица королевы Вильгельмины», «...Начинают и проигрывают», их передают из рук в руки, а это значит, что строки, написанные автором в прошлом веке, вызывают интерес, волнуют, заставляют мыслить и сопереживать.

Изучают творчество Льва Израилевича Квина и в школах Барнаула. А чтобы поближе познакомиться с его биографией нередко обращаются к собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. И это

не удивительно. Л.И. Квин был одним из первых фондообразователей музея. Он принимал активное участие в комплектовании фонда и во многих музейных мероприятиях. В 1994-1995 годах Лев Израилевич передал в дар часть материалов из своего архива. На их основе был образован личный фонд писателя, пополнившийся в 2002, 2008 годах материалами, переданными его вдовой Зоей Владимировной. В настоящее время фонд насчитывает около 300 единиц хранения. Значительную часть составляют машинописные рукописи опубликованных и неопубликованных произведений Л.И. Квина с авторской правкой, черновые наброски (1957-1990-е гг.), рецензии, отзывы читателей, стихи школьников, посвященные писателю. Среди печатных материалов книги Льва Израилевича, вышедшие в издательствах Барнаула, Бийска, Новосибирска, Москвы (1955-2006); произведения латышских писателей, переведенные им на русский язык (Москва, Барнаул 1966-1994). В фонде представлены и периодические издания: журналы и альманахи «Алтай», «Барнаул», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», газеты «Литература и дети», «Алтайская правда», «Сталинская смена», журналы и газеты на венгерском языке (1954-1963) с публикациями произведений писателя и материалами о нем. Особо ценными являются театральные программы, афиши к спектаклям по пьесам Льва Израилевича (Барнаул, Новосибирск, Рубцовск), фотографии из семейного архива: индивидуальные фотопортреты и сюжетные фотографии, сделанные во время встреч с читателями, за работой (1940-1980-е гг.), фотопортреты с алтайскими писателями, читателями библиотек (1970-80-е гг.), а также фотопортреты писателя с родителями, женой (1910-1945). Помогают раскрыть страницы биографии Льва Квина хранящиеся в фонде записные книжки, блокноты, письма, адресованные ему из редакции журналов «Сибирские огни», «Молодая гвардия», альманаха «Современная драма», Рубцовского драмтеатра и т.д.

Данный сборник является первой попыткой собрать и представить материалы о жизни и творчестве Льва Израилевича Квина. В нем впервые публикуются фотографии из личного фонда писателя, документы, содержащие сведения о его литературной деятельности, воспоминания о нем вдовы, коллег, а также общавшихся с ним актеров и художников. Тексты дополнены статьями, опубликованными ранее, но представляющими интерес, так как их авторы, лично знавшие Льва Израилевича, писатели и журналисты, рассказывают о различных периодах его биографии. В сборнике также приведены основные даты жизни и творчества Л.И. Квина и краткая библиография. Надеемся, что сборник поможет читателям наиболее полно представить жизненный и творческий путь Льва Израилевича Квина.

Выражаем искреннюю благодарность Зое Владимировне Квин, оказавшей неоценимую помощь в подготовке сборника и предоставившей фотографии из семейного архива.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Л.И. КВИНА

1922, 20 апреля - родился в г. Риге (Латвия).

1935-1941 - учился в Даугавпилсской латышской гимназии.

1937 - вступил в подпольную антифашистскую молодежную организацию Союз трудовой молодежи Латвии (СТМЛ).

1941, январь - вступил в ВЛКСМ.

1941, июнь - эвакуирован в Кировскую область.

1941, июнь - 1941, сентябрь - руководитель художественной самодеятельности РДК в с. Тужа Кировской области.

1941, сентябрь - 1942, февраль - инструктор физкультуры и спорта райисполкома Тужинского района Кировской области.

1942, февраль - 1942, август - курсант учебного батальона 1-го Латышского стрелкового полка Московского военного округа.

1942, август - 1943, май - младший командир, замполитрука 121-го гвардейского стрелкового полка 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии на Северо-Западном фронте.

1943 - кандидат в члены КПСС.

1943, май-1944, июнь - курсант спецкурсов Ленинградского военно-политического училища им. Ф. Энгельса.

1944, май - стал членом КПСС.

1944, июнь - 1945, июнь - инструктор 7-го отдела (по работе среди войск противника) Политуправления на 2-м Украинском фронте.

1945, апрель - награжден орденом Красной Звезды.

1945, 15 сентября - награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

1945, июнь - 1948, январь - инструктор отделения по работе среди населения Венгрии Политуправления Центральной группы войск.

1946, 8 мая - награжден медалью «За взятие Вены».

1946, 11 июня - награжден медалью «За взятие Будапешта».

1946, 6 сентября - награжден орденом Венгерской Свободы Серебряной степени.

- 1947** - специальный корреспондент газеты Советской армии для венгерского населения «Уй Со».
- 1948, январь - 1950, февраль** - корреспондент-организатор, начальник отдела писем и связи с читателями газеты Советской армии для населения Австрии «Эстеррайхише Цайтунг» (на немецком языке).
- 1948, 11 сентября** - награжден медалью «30 лет Советской армии и флота».
- 1948-1950** - студент заочного отделения английского факультета Военного института иностранных языков в Москве (ушел с 3-го курса).
- 1950, 4 апреля** - награжден орденом Заслуг Венгерской Народной Республики Пятой степени.
- 1950, 1 мая** - награжден Почетным Знаком Венгерской Народной Республики Серебряной степени.
- 1950, февраль - 1953, декабрь** - корреспондент-организатор газеты «Зашитник родины» 5-й гвардейской механизированной армии Белорусского военного округа.
- 1953, 3 ноября** - награжден медалью «За боевые заслуги».
- 1953, декабрь** - с семьей переехал в Барнаул.
- 1953, декабрь - 1957, июль** - специальный корреспондент, ответственный секретарь, заместитель редактора газеты «Сталинская смена» (с 1954 - «Молодежь Алтая») в Барнауле.
- 1955** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышла первая повесть «Экспресс следует в Будапешт».
- 1956** - в Москве, в издательстве «Детгиз» вышла повесть в рассказах «В те дни»; в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник рассказов «Мальчишечьи тайны».
- 1957, 17 апреля** - награжден медалью «За освоение целинных земель».
- 1957** - вышли в Новосибирском книжном издательстве сборник рассказов «Озорники»; в Москве, в издательстве «Детгиз» - сборник рассказов «Палатки в степи»; в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве - повесть «Тени исчезают на рассвете».
- 1957, 29 октября** - принят в члены Союза писателей СССР.
- 1958** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве переиздан сборник рассказов «Палатки в степи».
- 1959, январь - 1959, сентябрь** - заместитель директора Барнаульской студии телевидения.
- 1959** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве переиздан сборник рассказов «Озорники».
- 1959, сентябрь - 1961, июль** - учеба на Высших литературных курсах Союза писателей СССР.

1960 - в Ташкенте, в издательстве «Еш гвардия» переиздан сборник рассказов «Палатки в степи»; в Москве, в издательстве «Детгиз» вышла повесть «Город не спит»; в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве - сборник рассказов «Друзья идут в ногу».

1961, июль - 1962, май - главный редактор редакции литературно-драматического вещания Барнаульской студии телевидения.

1961 - в Новосибирском книжном издательстве переиздана повесть в рассказах «В те дни».

1962 - в Новосибирском книжном издательстве вышел сборник рассказов «Привет, Иошка!»; в Москве, в издательстве «Детгиз» - повесть «Что принесет утро?».

1962, 14 октября - на сцене Алтайского краевого театра драмы состоялась премьера спектакля «Угол и овал (Чья вина?)».

1962 - входил в состав редакционной коллегии литературно-художественного и общественно-политического альманаха Алтайского отделения Союза писателей РСФСР «Алтай».

1963-1964 - редактор литературно-художественного и общественно-политического альманаха Алтайского отделения Союза писателей РСФСР «Алтай».

1963 - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве издан роман «Город не спит»; в Новосибирском книжном издательстве - повесть «Икс, Игрек, Зет»; в Москве - драматическая история «Угол и овал (Чья вина?)».

1965 - входил в состав редакционной коллегии литературно-художественного и общественно-политического альманаха Алтайского отделения Союза писателей РСФСР «Алтай».

1965 - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве издан роман «Звезды чужой стороны», а также сборник рассказов «Побег Сани Петушкива»; в Новосибирском книжном издательстве - повесть «+35. Приключения двух друзей в жаркой степи»; в Москве, в издательстве «Детская литература» - сборник рассказов «Семьдесят неизвестных»; в Москве - пьеса «Что будет вчера, что было завтра».

1966-1971 - редактор литературно-художественного и общественно-политического альманаха Алтайского отделения Союза писателей РСФСР «Алтай».

1966 - в Москве, в издательстве «Детская литература» вышел сборник рассказов «Незадача с задачей».

1966 - на сцене Алтайского краевого театра музыкальной комедии состоялась премьера спектакля «Товарищ Икс».

1967, 21 февраля - награжден медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

1967 - на сцене Алтайского краевого театра юного зрителя состоялась премьера спектакля «Что было завтра».

- 1967** - переизданы в Новосибирском книжном издательстве роман «Звезды чужой стороны», в Москве, в издательстве «Детская литература» - сборник рассказов «Семьдесят неизвестных»; вышел в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве сборник повести и рассказов «Сколько осталось до звонка?».
- 1968** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве переиздана повесть «Икс, Игрек, Зет»; в Новосибирске, в Западно-Сибирском книжном издательстве вышла повесть «...Начинают и проигрывают».
- 1969** - в Москве опубликована драма «Кто мне поверит?»; в Новосибирске, в Западно-Сибирском книжном издательстве вышел сборник повестей «Мы, которые оболтусы...».
- 1970, 20 марта** - награжден медалью «50 лет Вооруженных сил СССР».
- 1970, 1 апреля** - награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».
- 1970** - награжден знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
- 1970** - в Будапеште на венгерском языке издан роман «Звезды чужой стороны»; в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник произведений «Толя плюс Катя».
- 1972** - на сцене Алтайского краевого театра драмы состоялась премьера спектакля «Чудак-человек».
- 1972** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве издан сборник произведений «Звезды чужой стороны».
- 1972-1976** - зам. главного редактора литературно-художественного и общественно-политического альманаха Алтайского отделения Союза писателей РСФСР «Алтай».
- 1973** - в Москве издана драма «Чудак-человек».
- 1974** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышла повесть «Было - не было».
- 1974, 16 февраля** - на сцене Алтайского краевого театра юного зрителя состоялась премьера спектакля «Высоко в синем небе».
- 1975, 9 мая** - награжден медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
- 1975** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве переиздана повесть «...Начинают и проигрывают».
- 1976, июнь - 1980, сентябрь** - ответственный секретарь Алтайской краевой писательской организации.
- 1976** - член правления Союза писателей РСФСР.
- 1976** - на сцене Новосибирского театра юного зрителя состоялась премьера спектакля «Везет же людям!».

- 1976** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник пьес «Высоко в синем небе».
- 1976-1990** - входил в состав редакционной коллегии литературно-художественного и общественно-политического альманаха Алтайского отделения Союза писателей РСФСР «Алтай».
- 1977** - в Москве, в издательстве «Детская литература» вышла документальная повесть «Три жизни Николая Струкова».
- 1977** - на сцене Алтайского государственного театра драмы состоялась премьера спектакля «Везет же людям!».
- 1978** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник документальных повестей «Горький дым костров».
- 1978** - награжден медалью «60 лет Вооруженных сил СССР».
- 1978** - избран членом Алтайского крайкома КПСС.
- 1979** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник повестей «Везет же людям!».
- 1979, 21 февраля** - награжден медалью «60 лет Вооруженных сил СССР».
- 1980** - удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».
- 1980** - в Москве, в издательстве «Детская литература» издан роман «Ржавый капкан на зеленом поле».
- 1982, 19 апреля** - награжден орденом «Знак Почета».
- 1982, 6 июня** - награжден медалью «Ветеран труда».
- 1982** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник произведений «Ржавый капкан на зеленом поле».
- 1983** - на сцене Алтайского краевого театра юного зрителя состоялась премьера спектакля «Киднап - игра для крепких нервов».
- 1984** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник рассказов «До шестнадцати...».
- 1985** - переизданы в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве роман «Звезды чужой стороны»; в Москве, в издательстве «Детская литература» - сборник повестей «Везет же людям!».
- 1985, 11 марта** - награжден орденом Отечественной войны I степени.
- 1985, 19 апреля** - награжден медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
- 1986, 6 марта** - награжден значком «Отличник культурного шефства над Вооруженными силами СССР».
- 1988, 18 марта** - на сцене Рубцовского драматического театра состоялась премьера спектакля «Не смирюсь никогда!»

- 1988, декабрь - 1996, 27 февраля** - председатель правления Алтайского краевого отделения Советского фонда милосердия и здоровья.
- 1988** - в Ереване в издательстве «Еревик» издан роман «Ржавый капкан на зеленом поле» на армянском языке; в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник документальных повестей «Характеры и судьбы».
- 1988, 23 февраля** - награжден медалью «70 лет Вооруженных сил СССР».
- 1990** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве издан сборник пьес «Кругом шпионы!».
- 1991 - 1993, март** - входил в состав редакционной коллегии литературно-художественного журнала «Алтай».
- 1992** - в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве вышел сборник рассказов и романов «Избранное».
- 1993 - 1996, январь** - входил в состав редакционной коллегии литературно-художественного и краеведческого журнала Алтайского книжного издательства «Барнаул».
- 1995** - в Бийске, в НИЦ БиГПИ вышел сборник произведений «Живы будем - не помрем!...».
- 1995, 23 марта** - награжден медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
- 1996, 27 февраля** - Л.И. Квин скончался, похоронен на Власихинском кладбище.
- 1996** - в Барнауле в АОЗТ «Полиграфист» вышла повесть «Улица королевы Вильгельмины» (посмертно).
- 1999, май** - в Барнауле, на доме по проспекту Ленина, 80, где жил писатель, установлена мемориальная доска.
- 2006** - в Москве, в издательстве «Вече» вышла книга «...Начинают и проигрывают».

ЧАСТЬ I

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА ПИСАТЕЛЯ Л.И. КВИНА

ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Автобиография Квина Льва Израилевича¹

Я, Квин Лев Израилевич, родился в Риге, Латвийской ССР, 20 апреля 1922 г. Отец - Израиль Абрамович Квин - работал в то время конфетным мастером, затем, в связи с кризисом 30-х годов, счетным работником, инкассатором, бухгалтером. Мать - Ида Евсеевна Квин, до замужества Берковская - была домохозяйка.

Вскоре после моего рождения семья переехала на жительство в гор. Даугавпилс, Латвийской ССР. Здесь я окончил 5-ю основную школу, поступил в 1-ю Латышскую гимназию.

В 1937 году вступил в подпольную антифашистскую молодежную организацию Союз трудовой молодежи Латвии (СТМЛ). Этот Союз под руководством Коммунистической партии Латвии боролся против фашистского режима Ульманиса, за установление в Латвии советской власти. В подполье работал руководителем пионерской ячейки, пропагандистом и руководителем комсомольской ячейки, курьером обкома СТМЛ и секретарем (организатором) 4-го райкома СТМЛ гор. Даугавпилса. Был избран членом горкома СТМЛ. В 1940 году был арестован охранкой, подвергся пыткам и репрессиям, был исключен из гимназии.

После установления советской власти в Латвии был председателем культурно-массовой комиссии Даугавпилсского горкома ВЛКСМ. В 1941 году окончил гимназию.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны вместе с партийным, комсомольским и советским активом Латвийской республики был эвакуирован в Кировскую область. Здесь, в Тужинском районе, несколько месяцев работал в РДК, в райисполкоме, одновременно выполняя обязанности секретаря райкома ВЛКСМ по военной работе.

¹ Копия документа хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ 17276/6.

С февраля 1942 года - в рядах Советской армии. Воевал на Северо-Западном фронте, был ранен. На фронте, в 1943 году вступил в кандидаты партии. В середине 1943 года был направлен в Ленинградское военно-политическое училище им. Ф. Энгельса, где через год закончил специальные курсы и был направлен на 2-й Украинский фронт. Здесь работал в органах по работе среди войск и населения противника Политуправления фронта, в частности, по связи с венгерскими партизанами. После окончания войны был направлен в Отделение по работе среди венгерского населения ПУ ЦГВ. Одновременно ЦК ВЛКСМ назначил меня референтом антифашистского комитета советской молодежи по Венгрии. В качестве делегата советской молодежи участвовал в работе съездов молодежных организаций Венгрии и Австрии, куда меня перевели в 1948 году для работы в газете на немецком языке для населения Австрии.

В 1950 году вернулся из-за границы и продолжал службу в армейской газете Белорусского военного округа. В 1953 году газета была закрыта, и я с семьей, демобилизовавшись из армии, переехал на жительство на Алтай. Работал здесь в молодежной газете «Молодежь Алтая» корреспондентом, ответственным секретарем, зам. редактора газеты. Работал также зам. директора и главным редактором Барнаульской студии телевидения.

С 1950 года стал писать рассказы и повести. В 1957 году принят в члены Союза писателей СССР. В 1961 году закончил двухгодичные Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. За годы литературной работы выпущено разными издательствами страны около 40 моих книг, преимущественно для детей среднего и старшего возраста и юношества, из них 9 книг - в Центральном издательстве «Детская литература» в Москве. Общий тираж моих книг составляет 2,5 миллиона экземпляров, они переведены также на латышский, эстонский, венгерский, немецкий и некоторые другие языки. Пишу также пьесы. Шесть из них ставились разными театрами. Перевожу книги с латышского языка. Выпущено шесть книг в моем переводе (в Москве).

Член КПСС с 1944 года, много времени и сил уделяю общественной работе. В разные годы был длительное время редактором краевого альманаха «Алтай», избирался депутатом Центрального совета депутатов трудящихся г. Барнаула, неоднократно избирался секретарем партийной организации писателей. С 1978 года избран членом Алтайского крайкома КПСС, с 1976 г. - член правления Союза писателей РСФСР.

В 1976 году избран ответственным секретарем Алтайской краевой писательской организации и на этой должности работаю по сей день.

Женат. Жена - Квин (до замужества - Лоткова) Зоя Владимировна, 1925 г.р., живет на моем иждивении. Сын Анатолий, 1946 г.р., является старшим научным сотрудником АНИИТИМа, дочь Наталья, 1952 г.р., преподает английский и немецкий языки.

[1980 г.]

**Отчет о творческой командировке писателя
Квина Льва Израилевича
(г. Барнаул – 15, пр. Ленина, 80, кв. 8)
с 19 мая по 19 июня 1986 г.²**

В январе с.г. я начал работу над новым произведением из времен Великой Отечественной войны, а именно - ее завершающего периода 1944-45 гг. Условно оно названо мною «Лицом к лицу» и задумано в полубиографическом - полудокументальном жанре. Дело в том, что именно в то время я работал на Втором Украинском фронте офицером по работе среди войск и населения противника, и многое из того, что сохранила память, на мой взгляд, представляет интерес для современного читателя.

Однако память такой давности все-таки нуждается в дополнительных стимуляторах, заключенных в подлинных документах. С этой целью при содействии С.В. Михалкова я обратился к начальнику ГлавПУРа Советской армии с просьбой допустить меня к архивам Второго Украинского фронта в Центральном архиве Министерства обороны СССР в Подольске. Это разрешение в конце концов было дано.

Одновременно по заказу театра у меня идет работа над пьесой «Не смирюсь никогда!», прототипом главного героя которой является наш земляк Михаил Иванович Ассельборн, воевавший на территории Латвии в составе партизанского отряда особого назначения и явившийся там командиром разведывательного отделения.

Творческая командировка, в которой я находился с 19 мая по 19 июня, как раз и служила для сбора фактических материалов к этим двум произведениям. Две с лишним недели провел я в Подольском архиве, где делал выписки из документов для будущего романа «Лицом к лицу». Почти все, что мне требовалось обнаружить из числа документов того времени, хоть и с немалым трудом, но было найдено в разных фондах и описях, при активном содействии работников архива.

Неделю провел я в Риге, знакомясь с материалами Исторического архива Латвийской ССР, имеющими отношение к периоду оккупации гитлеровцами. Кроме того, я разыскал и встретился с товарищами, которые по партизанской линии знали о группе, возглавляемой М.И. Ассельборном, и могли сообщить нужные мне детали и подробности о характере ее деятельности. В частности, много нового об обстановке того времени рассказал бывший командир одного из латышских партизанских отрядов И.М. Музыкантик.

Считаю, что каждый день творческой командировки, даже время, потраченное на переезд из одного пункта в другой в поездах прошел не зря, и я многое почерпнул для будущих произведений.

Теперь дело за «малым»: переосмыслить все задуманное в свете выявленных документов и полученных новых сведений и написать хорошие книги и пьесы.

Июнь 1986 г.

² Документ хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

В Алтайский краевой театр юного зрителя от писателя КВИНА Льва Израилевича, Барнаул, пр. Ленина, 80, кв. 8

Творческая заявка³

Предлагаю Алтайскому краевому театру юного зрителя заключить со мной договор заказа на пьесу для старшего возраста, над которой я сейчас работаю.

Условное название пьесы - «Высоко в синем небе». Прототипом ее главного героя является наш земляк, барнаулец, военный летчик Герой Советского Союза Иван Тихонович Гулькин, погибший в возрасте двадцати одного года за два месяца до окончания войны. У меня имеются очень интересные дневники и письма с фронта, отдельные фрагменты которых я думаю использовать для пьесы.

Хочу показать в пьесе цельного, кристально чистого, целеустремленного юношу в самые трудные дни испытаний как для Родины, так и для самого себя. Основная мысль - только тот человек может полностью раскрыться, во всю силу развить свой талант, принести наибольшую пользу людям, своей стране, который всегда видит перед собой главную цель жизни, стремиться к ней, не размениваясь на мелочи, не идя ни на какие компромиссы. Ведь талант - это не только способность, не только труд, не только упорство. Это еще и непоколебимая принципиальность в достижении цели. Без нее талант подобен судну, лишенному компаса: плавать-то на нем можно, но вот куда заплыvешь - неизвестно.

Пьесу в готовом виде представлю театру к 15 мая 1973 года.

5 июля 1972 г.

Лев Квин О чем пишут писатели⁴

Читатели иногда спрашивают меня:

- Вы живете на Алтае, а часто пишите про Латвию. Почему?

Или:

- Вот Вы про Венгрию написали, про венгерских ребят. Разве Вы там бывали?

Я понимаю, почему возникают такие вопросы. Некоторые ребята и даже взрослые считают, что писателю все равно, о чем писать. Сегодня о Латвии, завтра о Венгрии, послезавтра о полете на Марс или о первобытных людях. Ну, в крайнем случае, полистает денек-другой учебник географии или истории, если не очень хорошо знает то, о чем собрался писать.

³ Документ хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

⁴ Публикуется по тексту машинописной рукописи, хранящейся в личном фонде писателя Л.И. Квина в ГМИЛИКА, ОФ. Впервые напечатано в буклете «Лев Израилевич Квин. Памятка читателям 5-8 классов». Новосибирск, 1966 г. - С. 2.

Это, конечно, не так. Писатель пишет только о том, что он очень хорошо знает, что сам пережил, видел или же изучал долгие годы.

И я тоже не случайно пишу часто книги о жизни латышских пионеров и комсомольцев тридцатых годов. Ведь в Латвии я родился (в 1922 году), вырос там. В Латвии принимал участие в работе подпольного комсомола, который вместе с компартией боролся за свержение фашистского режима, за восстановление советской власти.

И Венгрия тоже не потому появилась в моих книжках, что я прочитал о ней в энциклопедии или в учебнике. В Венгрии я воевал в 1944 году, затем долгое время жил и работал в Будапеште. Я полюбил эту страну и ее народ, изучил венгерский язык, у меня много друзей венгров.

На Алтае я живу с конца 1953 года. Написал книжки об алтайских комсомольцах-целинниках, о ребятах нашего края - веселых, бодрых, деятельных, больших фантазерах и немножко озорниках.

О них и для них буду писать и впредь.

Музыкант И.⁵

Отзыв о повести Л. Квина «Дорога через ночь»⁶

Ознакомившись с рукописью повести Л. Квина «Дорога через ночь», считаю, что автору удалось правильно отразить историческую обстановку времен предшествовавших восстановлению советской власти в Латвии.

В повести верно передана атмосфера провинциального города Восточной Латвии, взаимоотношения различных социальных и национальных групп населения города, красочно передан местный колорит.

Верный тон взят автором в изображении подпольной работы нелегальной молодежной организации Латвии, работавшей под руководством компартии.

Мне, принимавшему участие в борьбе молодежного революционного подполья против диктатуры Ульманиса, знакомы и близки герои повести, так как я узнаю в них многие черты товарищей по борьбе.

Я знаком с предыдущим сборником рассказов Л. Квина «В те дни», тоже посвященных борьбе революционной молодежи Латвии.

Считаю, что новая работа писателя является дальнейшим шагом вперед, так как события изображаются достовернее и глубже.

Считаю, что повесть Л. Квина окажет положительное воспитательное и идеологическое воздействие на читателя, особенно молодежь.

22 августа 1958 г.

⁵ Музыкант И. - секретарь партбюро Государственного музея революции Латвийской ССР.

⁶ Текст хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина, ГМИЛИКА, ОФ.

Штейман И.⁷ О повести Л.И. Квина «Дорога через ночь»⁸

Л.И. Квин в повести «Дорога через ночь» повествует о жизни латвийского города в 1939 году и нетрудно догадаться, что основные события, описанные им, происходят в городе Даугавпилсе. Дело не столько в названиях отдельных улиц, пригородов и других специфических фактах, сколько в том, что автору удалось отразить совокупность ряда характерных черт этого провинциального города Восточной Латвии - кустарный характер большинства его предприятий, многонациональный состав его населения, сложные взаимоотношения различных социальных и политических групп, местные особенности быта, речи и даже юмора.

Повесть Л. Квина не документальна - исторически достоверные факты в ней переплетаются с авторским вымыслом. Но этот вымысел не помешал верно отразить местный колорит и особенности исторической обстановки. Порой даже хорошо осведомленному читателю трудно увидеть, где кончаются действительно имевшие место факты и начинается авторская фантазия, так как последняя не выходит из рамок реально возможного в условиях фашистской Латвии 1939 года.

Автор воспроизводит имевшие место события и факты, приводит выдержки из газет тех дней, касается важных проблем, волновавших тогда различные слои общества. Умело показаны условия и методы подпольной антифашистской борьбы, любовь рабочих Латвии к СССР, колебания среди интеллигенции, мужество революционеров.

Повесть Л. Квина не только знакомит читателя с интересными и порой малоизвестными страницами прошлого. Повесть имеет большое воспитательное значение, особенно для советской молодежи. Тема пролетарского интернационализма и преданности революционному долгу делает повесть актуальной, политически острой и целеустремленной.

Повесть «Дорога через ночь» безусловно интересна во многих отношениях. Но рукопись не лишена недостатков.

(...)

Все недостатки легко устранимы. Их устранение еще больше повысит ценность повести Л. Квина.

25 июля 1958 г.

⁷ Штейман И. - доцент Даугавпилсского педагогического института Латвийской ССР, кандидат исторических наук.

⁸ Текст хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

Хавкин О. А.⁹

Лев Квин. «Семьдесят неизвестных». Рассказы¹⁰

О рассказах Льва Квина можно сказать в двух словах так: в них есть авторская целеустремленность, они остро современны, они динамичны по конструкции и характерам. Если еще добавить, что рассказы написаны опытной профессиональной рукой, - то формула одобрения будет в какой-то мере законченной.

Это именно книга рассказов - не сборник, а книга, производящая впечатление своей целостностью и единством - целостностью идеино-нравственного содержания и единством художественного метода - при всех отличиях постройки, характеров, языка, присущих каждому рассказу в отдельности.

О чём же эта книга - где ее живой нерв, где ее главные боли и радости?

Перед нами, в рассказах Квина, - только-только входящие в жизнь молодые люди наших дней: школьники-подростки, почти уже «взрослые» старшеклассники, молодые рабочие и работницы, совсем недавно сошедшие со школьной скамьи.

Как они сталкиваются с живой действительностью, как подготовлены к встрече с неприглаженной, реальной жизнью, как проявляют себя в трудных, горячих, хитрых, сложных житейских обстоятельствах, как и чему они выучиваются в борьбе и раздумьях, - вот что является предметом пристального и зоркого внимания автора, вот в чём главная направленность рассказов, вот где их живой нерв!

В как бы неприметном потоке нашей жизни Квин умело и точно находит жизненные, существенные для времени конфликты, и за событиями, легшими в сюжетную основу рассказов, всегда видишь характер - его победу или его поражение, его рост, его изъяны, его возможности. Мне кажется, что молодой читатель (и не только молодой) с волнением, живым участием и нравственной озабоченностью прочтет эту книгу. Тем более, что Квин умеет увлечь читателя и драматизмом событий, и глубиной переживаний, и острым диалогом, и острым ироническим словом, - а главное, беспокойной ищущей мыслью, горячей заинтересованностью в судьбах героев, заинтересованностью суповой, беспощадной, непримиримой и глубоко доброжелательной. Есть в рукописи рассказы посильнее, сделанные более мастеровито, есть рассказы послабее, но, на мой взгляд, все «годятся», все заслуживают включения в книгу.

(...)

Это будет хорошая, нужная и яркая книга на очень важном и современном материале.

[1965 г.]

⁹ Хавкин Оскар Адольфович (1912-1993) - писатель.

¹⁰ Машинописная рукопись хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

Письмо Л.И. Квина В.О. Лагздыню¹¹

Уважаемый Виктор Оттович!¹²

Вчера получил от редактора Г.Н. Московской из издательства «Детская литература» рукопись моего перевода повести «Цепная реакция» с Вашими вычерками и очень расстроился. Долго думал, как быть. В итоге решил написать Вам это письмо и откровенно все высказать.

У меня довольно большой опыт работы в литературе - и в качестве автора, и в качестве редактора. Художественными переводами я стал заниматься не так давно, и только с латышского: из-за любви к этому языку и тяге к Латвии, своей родине. Перевел несколько книг Эд. Салениека, книгу покойного В. Бранка. И вот Ваша «Цепная реакция».

(...)

Отношения между автором и переводчиком в области художественной литературы я понимаю только как творческие. Перевод литературных произведений - это не буквальное копирование текста, который в отдельных местах может вполне хорошо звучать на родном языке, а при переводе нуждается в каких-то разъяснениях, добавлениях, дополнительных красках - если это не идет, разумеется, против авторского замысла. Я, как автор, как детский писатель, как постоянный редактор многих сборников и книг, считаю, что лучше знаю (должен, обязан лучше знать!) психологию и восприятие русского детского читателя. Иначе я просто не имею права браться за перевод с другого языка на русский: переводчик обязан подсказать автору переводимого произведения те места, которые требуют уточнения и дополнения, иногда даже вплоть до замены имен действующих лиц.

Например, когда я переводил книгу Э. Салениека «Белочка Майга», то с разрешения автора изменил имя маленькой героини. В оригинале ее звали «Эдите», а это не давало возможности склонять имя, утяжеляло текст.

Исходя из этих соображений, и единствено из них, я и работал над переводом Вашей повести. Дополнительная трудность заключалась в том, что из-за больших расстояний между нами не было непосредственного общения. Но я знал, что рукопись будет позднее послана Вам и Вы сможете оценить мою работу как переводчика Вашей повести. Откровенно говоря, я считал, что работа эта мне удалась и даже гордился тем, что смог удачно переложить на русский язык Вашу интересную повесть.

Конечно, как всегда бывает, я ожидал, что без замечаний со стороны автора не обойдется: где-то я мог увлечься и перегнуть палку, где-то у автора могли быть свои соображения, которых я не заметил или не понял.

(...)

¹¹ Текст письма хранится в личном фонде писателя Л. И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ 15474/61.

¹² *Лагздынь Виктор Оттович* (р. 1926 г.) - писатель, автор произведений на латышском языке. Повесть «Цепная реакция» в переводе Л.И. Квина издана отдельной книгой в Москве в 1976 году.

Мною руководило ...только одно: стремление наилучшим образом донести смысл всего происходящего в повести до русского детского читателя, предугадать все вопросы этой дотошной публики, не дать возможности из-за незнания жизни в Латвии, характера латышей неточно истолковать те или иные ситуации или действия героев.

(...)

Итак, жду Вашего скорого и - надеюсь! - положительного ответа.

С уважением

Квин Лев Израилевич

Барнаул, 30 июня 1974 г.

Письмо В.А. Пелихова Л.И. Квину¹³

Уважаемый Лев Израилевич!

Пишет Вам старший научный редактор редакции литературы народов СССР Пелихов Владимир Анатольевич.

Наши внутрииздательские обстоятельства сложились так, что Н.М. Мартынова, которая вела с Вами переписку, связанную с повестью Д. Ринкуле-Земзаре, перешла в другую редакцию, и работать теперь с Вами буду я.

Мы с большой радостью отнеслись к Вашему согласию и Вашей заинтересованности перевести книгу Д. Ринкуле-Земзаре на русский язык, и я лично как будущий редактор этой книги верю, что у нас с Вами получится хороший творческий контакт.

Копии переписки с автором я высыпаю Вам, чтобы Вы были знакомы с состоянием дела. Очень хотелось бы, чтобы Вы сразу же взялись за перевод и где-то к концу лета ознакомили нас с черновиком - это поможет нам скоординировать с Вами диалог и работу с автором, перед Вашей встречей с Д. Ринкуле-Земзаре. Мы, конечно, с автором, перед Вашей встречей с Д. Ринкуле-Земзаре. Мы, конечно, имеем в виду не готовый перевод, а «заготовку», иначе - такой перевод, чтобы мы могли иметь точное представление о повести, внести свои замечания или корректива.

Общий объем повести - 8 а.л. Договор с Вами мы заключаем в ближайшее время.

Жду от Вас вестей. Вся редакция желает Вам творческих успехов.

Ст. редактор

В.А. Пелихов

9 июня 1981 г.

Пожалуйста, когда получите книгу, сообщите нам.

¹³ Текст письма хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

Рецензия на пьесу Льва Квина «Киднап – игра для крепких нервов»¹⁴

Главным достоинством пьесы «Киднап - игра для крепких нервов» представляется перевод на ребячий язык остройших политических и моральных проблем нашего времени. Играя в понятную подросткам веселую увлекательную игру, легко и непринужденно, автор в то же время заставляет зрителей будущего спектакля глубоко задуматься над коренным различием двух противостоящих друг другу мировоззрений современного мира. Мир или война, интернационализм или национализм, коллективизм или эгоизм, широта души или стяжательство - вот вопросы, на которые ребятам в зрительном зале предстоит найти самостоятельный ответ.

Щедрый юмор, основанный на знании ребячей психологии, заострение ситуаций ненавязчиво способствует акцентировке основных авторских мыслей. Усилить эмоциональное воздействие на зрителя должны и тексты, предложенные автором для песен, в которых делается очень точный смысловой упор.

Весьма удачен образ главного героя пьесы Вовки Морковкина, обыкновенного советского школьника, простодушного и лукавого, наивного и озорного, нравственные основы которого, заложенные нашим обществом, помогают ему, а вместе с ним и его сверстникам - будущим зрителям спектакля - безошибочно проникнуть в самую суть уродливого мира стяжательства, щедро разукрашенного всевозможными пестрыми ярлыками для завлечения заблудших душ.

Работа с автором была начата в апреле 1980 года, закончена в декабре 1981 года, спектакль планируется на сезон 1982-83 гг.

Главный режиссер

З.И. Китай¹⁵

Отзы́вы о произведени́ях Л.И. Квина

Читатели детской библиотеки имени А.П. Гайдара г. Новосибирска¹⁶

Ученица 3-го «Б» класса Бурлева Лиза

Я прочитала книгу «Привет, Иошка!». Ее написал писатель Л. Квин. В книге говорится о венгерских ребятах. Главный герой книги Иошка, и он мне больше всех понравился. Потому что он: честный и справедливый. Мне осталось непонятным, почему учитель Медьяши, прочитав записку Иошкого отца, рассердился? Эту книгу я посоветовала прочитать своей подруге.

¹⁴ Текст хранится в личном фонде писателя Л. И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ 15474/32.

¹⁵ Китай Захар Исаакович (1932-1983) - театральный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР.

¹⁶ Тетрадь с отзывами читателей хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

Ученица 4-го «В» класса школы № 73 Реутова Таня

Я прочитала книгу писателя Л. Квина «Привет, Иошк!». Эта книга рассказывала о мальчике Иошке. В этой книге мне понравились все рассказы о Иошке и его товарищах. Особенно мне понравился рассказ «Парень что надо». В этом рассказе говорится, как вместе с классом Иошка поехал на поезде в Артек. На большой остановке Иошка услышал музыку и решил посмотреть где играют. Он вышел из поезда и пошел смотреть, а в это время поезд, в котором ехал Иошка, ушел. Иошка долго сидел на вокзале. Потом он познакомился с пионером Андреем. Иошка ночевал у Андрея. Отец Андрея помог доехать Иошке домой.

Читатели Ребрижинской районной детской библиотеки¹⁷

Ученик 8-го класса Самохин Михаил

Лев Израилевич! Год назад я прочитал Вашу книгу «Звезды чужой стороны». Хотя прочитал я ее давно, а забыть отдельные эпизоды не могу. Меня взволновала история жизни лейтенанта Мусатова. Когда я читал эту книгу, то я забыл, что меня окружает. Я как бы находился вместе с героем, вместе переживал, радовался, смеялся. Это был настоящий советский человек. Он даже мог погибнуть за своих братьев. Я так зачитался, что не слышал, как мама послала за водой. Я люблю читать книги, пусть у нас побольше будет таких интересных книг.

Ученица 6-го класса Борисова Люда

Я прочитала книгу алтайского писателя Льва Израилевича Квина «Палатки в степи». Книга мне понравилась. Понравилось и ее название, очень подходящее «Палатки в степи». С интересом читала я о соревновании друзей с другой группой ребят. Они соревновались кто больше поймает сурчиков, где главным судьей был комбайнер Женя Попов. Я хочу, чтобы Саша Петушкин стал настоящим механизатором-хлеборобом. А еще мне хочется, чтобы было больше книг о деревенских ребятах.

Ученица 3-го класса Рождественская Нина

Мне очень понравился Ваш рассказ «Труба центрального отопления». Здесь ясно показаны отношения Эдика и Вальки. Друг Вальки Эдик плохо влиял на него. Лев Израилевич, а почему Вы назвали рассказ «Труба центрального отопления» а не «Плохая дружба Эдика и Вальки». Это были вымышленные герои этого рассказа или жили с Вами по соседству, может быть это Ваши знакомые?

Ученица 8-го класса Сушко Тома

Дорогой Лев Израилевич! Я закончила 8 классов и вместе с этим закончилось мое детское чтение. За эти годы я прочитала много интересных книг, среди них были и Ваши книги: «Икс, Игрек, Зет», «Семьдесят неизвестных», «Звезды чужой стороны», «Озорники». Из всех прочитанных книг большее впечатление мне

¹⁷ Альбом с отзывами читателей хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, 15474\67 ОФ.

оставила книга «Звезды чужой стороны». В ней рассказывается о советском разведчике, который был заброшен в тыл врага. Главный герой этой книги Александр Мусатов. Это был отважный разведчик, который проводил в Венгрии очень важные боевые операции. Мне очень понравилась эта книга. Лев Израилевич! Спасибо Вам за то, что Вы написали такую хорошую книгу.

Ученик 5-го класса Иванов Андрей

Лев Израилевич! Мне понравилось в Вашей книге «Икс, Игрек, Зет» то, что наши советские пионеры очень волнуются за революцию в Африке. Трое ребят даже организовали тайную организацию. Себе они придумали клички Икс, Игрек, Зет. Мне нравятся эти ребята, потому, что они хотят помочь африканским революционерам.

Ученица 8-го класса Портнягина Оля

Дорогой Лев Израилевич! Недавно я прочитала Вашу книгу «Икс, Игрек, Зет». Интересные поиски, испытания, разные встречи и неожиданная находка Саши Зубавина так интересно описаны в этой книге, что когда читаешь, невозможно оторваться.

Друзьями и верными помощниками были Борька Каменский и Саша Зубавин. А вот Сокол оказался трусом, он струсил при первой же случившейся на пути препятствии, он предал друзей.

Мне очень нравится читать Ваши книги, в них столько юмора и детского энтузиазма. Мне хочется, чтобы у нас было больше вот таких интересных книг.

Ученик 5-го класса Лавренец Саша

Дорогой Лев Израилевич! Я прочитал Вашу книгу «Было-не было». Мне понравился главный герой книги Гешка. Для своего скафандра он не пожалел нового шаровой аквариум. Со своим другом Ленькой он делился всеми замыслами. Мне понравился отрывок, где Гешка и Ленька попадают на Гражданскую войну. Из-за своей забывчивости он говорит белогвардейскому офицеру, что это он отпустил партизанскую разведчицу. За это его привязывают к дереву, но в это время подоспела партизанка с товарищами. Они освобождают Гешку, и тот бежит к Леньке.

Я очень хочу, чтобы Вы писали смешные истории, и чтобы в них была фантазия.

Ученик 8-го класса Штерц Владимир

Я прочитал книгу «Город не спит». Мне понравилась эта книга. Из всех героев мне больше всего понравились Арвид Ваган, Вера Эвдина и Эдик Брусиловский. Это настоящие борцы против латвийских фашистов. Особую ненависть вызывает начальник полиции Штейнерт. Это точный образ рецидивиста. Мне бы очень хотелось, чтобы его не осталось в живых.

Стихотворение Квину Л.И. от пионеров школы-интерната г. Камня-на-Оби¹⁸

ВЕСНА

Звенит весна, шумят ручьи,
Кругом тепло, и снега мало.
Запели первые скворцы,
И вот весна настала.

Разбухли почки на ветвях,
И солнца луч упал с утра,
А ветер носится в оттаявших лугах,
На улице играет детвора.

Вот старый лед трещит, ломаясь,
А над рекой блестят лучи,
И гром, как будто улыбаясь,
Смеется в небе и ворчит.

Давно уж высохли дороги,
Но кое-где есть еще грязь,
А в этой грязи вязнут ноги,
Смотри, дружок, туда не лазь!

Блестит заря, на солнышке играя,
А в небе ветер носит песенку,
Петух взлетел на дверь сарая.
И закричал: «Ку-ка-ре-ку!!!»

Зазвенела песенка в полях,
Расцвели подснежники в лесу,
Ящерицы греются на пнях,
Весна прогнала лютую зиму.

Стихотворение Квину Л.И. от книголюбов АлтайТИСИЗа¹⁹

«Было-не было», «Толя плюс Катя», «Высоко в синем небе», «Везет же людям!», «Озорники», «Город не спит», «Друзья идут в ногу», «Привет, Иошка!», «Звезды чужой стороны», «Ржавый капкан на зеленом поле» - это малая половина того, что написано Квином!

Тонкий юмор, улыбка писателя,
Многоплановость его тем
Импонируют изыскателям
И близки, и дороги всем.
Вот читаем мы его книги...

¹⁸ Текст хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА, ОФ.

¹⁹ Текст хранится в личном фонде писателя Л.И. Квина. ГМИЛИКА , ОФ.

Кто же он? Уроженец Риги,
Где 15-летним подростком
Он с фашизмом вступил в борьбу
И осознанно, строго, непросто
Стал ковать он свою судьбу.

А судьба в охранку бросала,
Из гимназии вон гнала,
И корреспондентом бывалым
По дорогам войны вела.

А потом - Будапешт и Вена -
Много долгих звенящих лет
Был Лев Квин журналист военный,
Принимая судьбы привет.

А когда демобилизовался,
То приехал жить на Алтай.
Ко двору пришелся, остался,
Стал родным хлеборобный край.

Здесь он выпустил первую повесть,
Возмужал здесь талант его,
И герои книг - его совесть -
Чуть похожие на него.

Да, герои книг - его дети!
Всем им отдано столько души!
И за каждого он в ответе.
И опять навстречу спешит
Новым образам, новым событиям
Ненаписанных повестей,
Неожиданным важным открытиям
Мира, сложного мира людей.

Книголюбы АлтайГИСИЗа
Рады встрече с писателем Квином
И желают попутного бриза
Его жизненной бригантине.
Пусть писательская бригантина
Избежит катастроф и интриг,
Пожелаем писателю Квину
Долгих лет и хороших книг.

Л. Сергеева

ЧАСТЬ 2

ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ

Дворцов Н.Г.²⁰

Писатель и жизнь²¹

Все началось с разговора с редактором газеты полковником Смирновым. Привгласив Квина в кабинет, тот сказал:

- Подступает дата восстановления в Латвии советской власти. Может, дашь какой-нибудь яркий эпизод из подпольной борьбы?

Наутро Квин обескураженно докладывал:

- Всю ночь бился... Вот... Только понять трудно...

Редактор забрал листы, исписанные торопливым почерком, со множеством вставок и дополнений. А спустя каких-нибудь полчаса - вышел из кабинета:

- Это же рассказ, и неплохой!..

Рассказ опубликовали. Автора поздравляли. Он смущенный пожимал плечами, отмахивался, говорил, что все это неожиданно, он, мол, вовсе не намеревался. А сам то и дело мысленно возвращался в прошлое. Он описал только один эпизод. А сколько их было? Так появился цикл рассказов под общим заголовком: «В те дни».

Лев Квин родился 20 апреля 1922 года в Риге. Хотя семья состояла из жены и единственного сына, отцу приходилось много работать, но сломить нужду никак не удавалось. Особенно трудно стало в тридцатые годы, когда Латвию охватил острый экономический кризис. Отец подолгу оставался без работы. Приходилось залезать в долги, которые отдавать было нечем. «Самые тягостные воспоминания моего детства, - говорил Л. Квин, - это полицейские и судебные исполнители, описывавшие и продававшие с торгов нашу скучную мебель. Как сейчас вижу стулья, столы, кровать, вздыбленные, прислонённые к стене и тоже опечатанные, чтобы на них нельзя было спать».

Ульманис, тогдашний правитель Латвии, считал Гитлера и Муссолини своими духовными наставниками, шел без оглядки по их стопам. Рабочие, крестьяне, все трудящиеся Латвии год от года испытывали все большие экономические и политические притеснения. Зато кулаки и офицеры пользовались особым расположением фашистского правителя. Но и в народе крепли силы, которые не хотели

²⁰ Дворцов Николай Григорьевич (1917-1985) - алтайский писатель, член Союза писателей СССР.

²¹ Публикуется по тексту: «Алтайская правда». - 1972. - 20 апреля. - С. 3.

мириться с существующими порядками. Был вовлечен в борьбу и Лев Квин. Сначала стал слушать запрещенные радиопередачи из Москвы, читать произведения советских писателей (они передавались друг другу тайком). В апреле 1937 года пятнадцатилетний юноша пришел на свою первую подпольную явку. Вспоминая тот важный шаг своей жизни, Квин говорит: «Больше всего поразило, что с условленным паролем ко мне обратилась молоденькая хрупкая девушка».

Постепенно Лев Квин из референта ячейки становится организатором (секретарем) райкома и членом горкома СТМЛ (Союз Трудящейся Молодежи Латвии - так называлась революционная молодежная организация, фактически латышский комсомол).

В апреле 1940 года Льва Квина арестовала охранка. Первые допросы с пристрастием, следствие. Но суд, однако, не состоялся. Не состоялся потому, что Латвия снова, как и в 1918 году, стала советской.

Долгожданные и незабываемые дни! Новая эпоха в жизни народа!

У восемнадцатилетнего Квина масса неотложных дел, поручений. В том памятном первом году советской власти он завершает прерванную арестом учебу. Он - председатель ученического комитета, член правления молодежного клуба имени Германа, председатель культурно-массовой комиссии горкома комсомола. На концертах художественной самодеятельности Квин в роли конферансье. Он играет на губной гармошке, читает стихи Демьяна Бедного, Владимира Маяковского, которые почти совсем не известны широкой латышской публике.

«А затем - война... - вспоминает Лев Квин. - Мой первый фронт - Северо-Западный. Старая Русса. Латышская гвардейская дивизия. Ранение. Военное училище. И новый фронт - 2-й Украинский. С ним я прошел Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию...».

После окончания войны Квин в составе советских войск остается за границей. Больше четырех лет живет в Будапеште, затем - в Вене. Сотрудничает в военных газетах.

С 1953 года Квин на Алтае. Возвращаться в Латвию было тяжело - там во время войны погибли от рук фашистов родители. Алтай же манил далью, неизвестными горами, тайгой, предстоящими большими делами молодежи на целине. Приехал сразу с семьей. И живет тут уже около двух десятилетий.

Как-то на одном из выступлений перед читателями А.И. Квин сказал: «У меня три дорогих сердцу места. Латвия - земля отцов. Там я родился. Там сделал первые шаги в жизнь. Венгрия, где я служил в армии, обрел новых друзей. И Алтай. Необъятный Алтай с чудесной природой и не менее чудесными людьми...».

Понятно, что эти сердечные привязанности не могли не найти отражения в творчестве А.И. Квина.

Зима 1954 года вспоминается снежной, буранной, а весна - запоздалой.

А.И. Квин в тот незабываемый по напряжению год - заместитель редактора краевой газеты «Молодежь Алтая». Он то и дело «выскакивает» в колхозы и совхозы, а вернувшись, диктует машинистке срочные первополосные материалы, помогает матировать очередные номера, делится впечатлениями.

Так во время срочных командировок возникает замысел книги «Палатки в степи». В книге - восемь рассказов, четыре из них опубликованы в 1956 году журналом «Юность». В 1957 году «Палатки в степи» выходят в «Детгизе», в 1958 году - в Алтайском книжном издательстве.

Созданная с завидной оперативностью книга «Палатки в степи» была одной из первых на так называемую целинную тему. Критика заметила ее. О «Палатках в степи» писали «Литературка» и «Учительская газета», журнал «Сибирские огни», краевая печать.

Живя на Алтае, Л. Квин не порывает связей с Венгрией. Там у него немало друзей по совместной работе в первые послевоенные годы. Владея венгерским языком, систематически поддерживает с друзьями переписку, сам навещает Венгерскую Народную Республику. Каждый такой приезд - событие для него и друзей.

Однажды один из друзей сказал:

- Товарищ Квин! (так именно его называли тогда, когда он приходил к ним в офицерской форме). А почему тебе не написать о нашей совместной борьбе с фашизмом? Молодежь должна знать...

- Я тоже считаю, что должна знать.

Друзья высказали готовность помочь.

Роман «Звезды чужой стороны» впервые был опубликован журналом «Сибирские огни». Затем отдельно издавался в Новосибирске, Барнауле, а в 1970 году - в Будапеште на венгерском языке.

Новосибирскому изданию предпослано предисловие, в котором секретарь Центрального руководства подпольного комсомола Венгрии Иштван Кенде характеризует обстановку, сложившуюся в фашистской Венгрии накануне освобождения ее советскими войсками, кратко рассказывает о борьбе коммунистов и комсомольцев Венгрии с ненавистным врагом, вспоминает, как действовали совместно советские и венгерские патриоты. Это и составляет сюжет романа. Он как всегда у Квина динамичен, изобилует неожиданностями. Автор стремится запечатлеть сложную обстановку того времени, воссоздать атмосферу борьбы, создать запоминающиеся образы. И многое ему удается. Критика и читатели в целом положительно оценили роман.

Лев Квин умеет писать для детей. Свидетельством тому добрый десяток книг - повестей и сборников рассказов с характерными «детскими» названиями: «Семьдесят неизвестных», «Мы, которые оболтусы...», «Озорники», «Икс, Игрек, Зет», «Незадача с задачей», «Побег Сани Петушкова», «Привет, Иошка!», «Мальчишечки тайны» и другие. Лучшие из них опубликованы в издательстве «Детская литература» - мальчишки и девчонки всей нашей огромной страны читают их, пишут автору письма.

Сегодня Льву Израилевичу Квину исполняется пятьдесят лет. По-разному встречают эту пору. Некоторые уже чувствуют усталость. Лев Квин встречает пятидесятилетие энергичным, полным нетерпеливой жажды деятельности. За его плечами немало добрых, полезных дел. Главное из них, конечно, - книги, не одна и не две, изданные в Барнауле, Новосибирске, Ташкенте, Москве, Будапеште... Милионы детей и взрослых читают их.

Лев Квин не новичок в драматургии. У него несколько пьес для взрослых и детей. «Угол и овал» шла на сцене краевого театра драмы, в Прибалтике. В 1971 году Квин написал новую пьесу-драму «Чудак-человек». В ней, на наш взгляд, напряженный сюжет удачно сочетается с яркой, запоминающейся обрисовкой образов. Особенно впечатляющим оказался главный герой Юрич, человек, несомненно, гениальный, точным предвидением опередивший на несколько десятилетий свое время. Недавно в краевом театре драмы состоялась премьера спектакля «Чудак-человек».

Лев Квин не один год редактировал альманах «Алтай», много выступает перед читателями на предприятиях, в учреждениях и школах, организует выступления своих товарищей по перу.

Л.И. Квин никогда не бывает «пустым», свободным от творческих замыслов. А у него, не в пример многим из нас, между замыслом и его осуществлением большого временного промежутка, как правило, не бывает. Поэтому с уверенностью можно надеяться - он порадует больших и маленьких читателей еще не одной интересной книгой.

Юдалевич М.И.²² Не только мальчишечные тайны²³

В 1955 году редактор «Молодежи Алтая» Валентин Пивоваров предложил мне поработать «по старой памяти» хотя бы некоторое время ответственным секретарем редакции (я работал в этой должности, когда газета была только что организована).

С первых дней поразила одна странность. Не успевал я сосредоточиться, как на пороге небольшого кабинетика вырисовывалась чья-нибудь фигура или просто в дверях появлялась голова:

- Уезжаю на завод.
- Иду на отчетно-выборное собрание.
- Разрешите уйти по личным делам.

Я терпел примерно с неделю. А на вторую, после летучки, задал вопрос, что означают эти странные вторжения и когда они прекратятся.

- Как прекратятся?

Газетчики искренне удивлялись. Оказывается, к такому порядку их приучил бывший до меня секретарем Л.И. Квин.

- Разве это не мешало Вам работать? - спросил я его.
- Конечно, мешало. Зато я всегда знал, кто из сотрудников чем занят. Все нити у меня в руках.

Берясь за какое-либо дело, Квин много раз проверит и перепроверит его ход, буквально замучает всех причастных к этому делу телефонными звонками, но дело доведет до конца.

²² Юдалевич Марк Иосифович - алтайский писатель, член Союза писателей СССР.

²³ Публикуется по тексту: Юдалевич М.И. «Однополчане». Книга рассказов-воспоминаний. Барнаул, 1980. - С. 120-124.

Квин высоко ценит не только дисциплину, но и самодисциплину. Он на редкость собран и целеустремлен. Общаясь с ним много лет, я не слышал от него необдуманных слов и не могу назвать ни одного необдуманного поступка.

Правда, однажды, в минуту откровенности, Лев Израилевич признался в одном таком поступке. Но для того, чтобы понять это, нужно кое-что знать о прошлом Квина, полном борьбы и опасностей. Детство и юность Квина прошли в буржуазной Латвии. С гимназических лет он участвовал в революционном подполье, состоял в нелегальном Союзе трудовой молодежи Латвии, который под руководством компартии боролся против фашистской диктатуры Ульманиса. Сидел в ульманисовской тюрьме. Потом была Отечественная война, фронт, служба в Советских войсках в Венгрии и Австрии. Военная газета. А в годы войны в Латвии фашисты расстреляли родителей Квина.

Однажды редактор предложил написать статью о десятой годовщине установления советской власти в Латвии. Нужно было рассказать о перестройке народного хозяйства Латвийской Советской Республики, переходе его на новые, социалистические рельсы, привести цифры и факты роста сельскохозяйственного и промышленного производства, показать достижения национальной культуры. Капитан Квин и совершил необдуманный поступок, более того, нарушил дисциплину, не выполнил приказ редактора.

Сделал он это потому, что в памяти ожили встречи на улицах Даугавпилса, которые именовались явками, нелегальные собрания ячейки, радиоприемники, настроенные на московскую волну, ротаторы, печатавшие листовки. Вспомнилась камера с окном, перечеркнутым толстыми прутьями решетки.

Квин писал всю ночь и к утру был сильно обескуражен: вместо статьи получился рассказ. Рассказ о том, как охранка произвела обыск в квартире молодого парня, пытаясь найти доказательства его причастности к революционному подполью. А выдать парня могла только оказавшаяся у него в квартире листовка. Он выбросил листовку в окно, но это не прошло незамеченным. Один из полицейских видел, как листок бумаги подобрал старый ночной сторож. Позвали сторожа, и герой рассказа приготовился к самому худшему, но стариk вынул из кармана небольшой листочек, на котором был напечатан... новый текст фашистского гимна.

К удивлению автора, редактор не стал выговаривать ему за невыполнение задания, а озаглавил рассказ «Листовка» и сдал в набор.

Как видим, иногда и недисциплинированность идет впрок. Тем более, что вслед за первым рассказом появились другие - всего десять - и все о латышском революционном подполье. Собранные вместе, они составили своеобразную повесть в рассказах.

В отличие от большинства наших авторов Квин начал не с альманаха «Алтай», хотя и в альманахе печатался немало. Вначале у него одна за другой появились две книги - приключенческая повесть «Экспресс следует в Будапешт», изданная в Барнауле, и сборник рассказов «В те дни», вышедший в Москве, в «Детгизе».

Квин первым из послевоенных барнаульских прозаиков опубликовал свою книгу в Москве. Может быть, с легкой руки Маяковского («Я себя советским

чувствую заводом...»), писателя нередко сравнивают с заводом. Это сравнение вполне можно отнести и к Л.И. Квину. Писал Квин много. Это было видно даже по пальцам его правой руки, суховатым, изработанным.

При этом, надо сказать, работал серьезно, добросовестно. Но у писателя, особенно если он много печатается, не может быть все равноценным.

Первые приметные победы Лев Квин одержал на пути изображения детской психологии. Этому много помогли двое детей писателя - молчаливый, больше всего любящий копаться в механизмах и моторах Толя и неугомонная, хорошенская Наташка.

Квин стремился воспитывать детей строго, ни в коем случае не баловать их. Со свойственной ему энергией и последовательностью неукоснительно следил за школьными успехами Толи и Наташи. Толя принимал посильные контрмеры, например, зарывал дневник в снег или аккуратно стирал в нем совершенно излишние, по его мнению, обращения учителя к родителям.

Как человек образованный, Лев Израилевич отдавал дань увлечению различными педагогическими системами.

Но, очевидно, по собственному опыту главным в воспитании Квин считает труд. На каникулах он заставлял своих детей трудиться. Так, устроил Толю помощником осветителя на телестудию. В конце месяца директор студии торжественно вручил мальчику первую зарплату. Правда, в ведомости Толя не расписывался, но не знал о том, что должность он занимал сверхштатную, а деньги на это мероприятие были принесены заботливым отцом.

Детям Лев Квин посвятил целую серию книг - «Мальчишечьи тайны», «Озорники», «Привет, Иошка!», «Семьдесят неизвестных», «Незадача с задачей», «Икс, Игрек, Зет» и другие.

«Мальчишечьи тайны» и «Привет, Иошка!» мне ни раз приходилось видеть в руках у маленьких читателей, слышать, как они, блестя глазенками, захлебываясь от восторга, пересказывали друг другу сюжеты этих книг.

Квин пишет о детях весело, без тени дидактики и назойливой нравоучительности. Тем не менее его произведения не только оказывают воспитывающее влияние на детей, но и взрослых учат глубоко уважать своеобычный мир ребенка, полный чудес и фантазий, чистый, отзывчивый, необычайно легкоранимый.

Много шума среди педагогов, особенно барнаульских, наделала повесть Льва Квина «Мы, которые оболтусы...». В этом произведении писатель смело обрушивается на показуху, привычку прятаться за средней цифрой, формализм, равнодущие и глухоту к детским устремлениям и исканиям.

Дискуссии среди барнаульских учителей подогрелись особым обстоятельством. Учителя 22-й барнаульской школы, где училась Наташа Квин, узнавали в отдельных персонажах книги себя и своих учеников. Многие коллизии напоминали им эпизоды из школьной жизни. А кто знает учительскую среду, тот, при самом глубоком уважении к ней, не сможет не отметить, что критика в этой среде воспринимается без особого восторга.

За острыми кулачными спорами последовала читательская конференция, на которой Л.И. Квин выдержал суровый и бурный натиск многочисленных оппонентов.

Квин широко и разносторонне эрудирован. Владеет несколькими иностранными языками. Но многое достигнуто самообразованием, так как в юности удалось окончить только латвийскую гимназию. Поэтому в его познаниях были и проблемы. И понятно, с каким рвением он бросился заполнять их, как только попал на Высшие литературные курсы.

Но учеба учебой, а работа работой. В 1961 году, когда Квин учился на курсах, мы однажды встретились с ним в Москве. Не помню, по каким делам я туда приезжал, но помню, что был очень занят. Однако Лев Израилевич настойчиво приглашал к себе: «У меня есть для Вас сюрприз».

Сюрпризом оказалась пьеса «Угол и овал», которую Квин прочел мне. Драма воскрешала годы Отечественной войны. Вскоре она была поставлена на сцене Алтайского краевого театра.

Как видим, в годы учебы Квин отважился даже на попытку освоить новый жанр.

Война, фронт нашли отражение во многих рассказах и повестях Квина, в его романе «Звезды чужой стороны».

Но и этим не ограничивается творческий диапазон Льва Квина. Он известен еще и как автор приключенческих повестей, как переводчик.

Не знаю, сколько книг вышло у Льва Квина за четверть века литературной работы, но уверен, что сам он без предварительной подготовки не в состоянии их перечислить.

За пределами края Квин публиковал, пожалуй, больше всех наших писателей. Его книги выходили в Москве, Новосибирске, даже в Ташкенте, две или три книги вышли в Будапеште, в венгерском переводе. Он печатался в «Юности», «Сибирских огнях», «Уральском следопыте», «Крестьянке», «Пионере» и многих других изданиях. В альманахе «Алтай» публиковались его рассказы, очерки, пьесы, переводы с латышского.

Березюк И.И.²⁴ **ЗВЕЗДЫ РОДНОЙ СТОРОНЫ²⁵** **(К 60-летию Л.И. Квина)**

Разум помнит все, память сердца избирательна. Но что помнит сердце - то настоящее.

Со временем тает мнимозначительное, уходит кажущееся. Навсегда остаются лишь действительные горе и счастье, гордость или позор. Остаются, чтобы вести или казнить.

Сердце помнит то, что человека делает человеком. Потому литература и претендует прежде всего на наши сердца. Она знает: душевный опыт - это не только уроки собственной, индивидуальной судьбы, но и уроки сопереживания других, пусть и вымышленных жизней.

²⁴ Березюк Иван Иванович (1935-1992) - член Союза журналистов СССР, директор Алтайского книжного издательства (1977-1983).

²⁵ Публикуется по тексту: «Алтай». - 1982. - № 1. - С.97-102.

Но всякие бывают сердца. И литература бывает всякая.

О целине написано много. Однако, помимо самого факта, что прочитал о ней два пухлых романа и три повести, память ничего не удержала.

А давняя встреча с героями рассказов Льва Квина помнится до сих пор. Цикл рассказов назывался «Палатки в степи» и повествовал, как можно догадаться, о первоцелинниках. Не было в тех рассказах чрезвычайной, но, благодаря бойким перьям, уже привычной героики; были обычные, как и ты, люди; почти обычная работа; были понятные заботы, к примеру, благоустройство «замка грез» - сарайчика... для жилья.

Первой, что удивляло, - о целине, а все буднично и просто.

Но читал, и росло ощущение большого дела этих людей, их нравственной красоты. И вдруг кольнуло мгновенное чувство неловкости, что ли. Твои сверстники не устрашились мытарств в палатах, обыкновенная кровать - для них роскошь, однако не разнюнились, не раскисли... А ты?

Я тогда жил на Украине. Был 1956 год, когда, получив свежий номер «Юности», я принялся за «Палатки в степи». В конце последнего рассказа, выделенное особым шрифтом, стояло «Барнаул». И я, уже искушенный читатель, почти безошибочно сообразил: автор не наездний, а тамошний, из далекого (за тридевять земель!) Барнаула. И, мысленно гордясь пониманием законов творчества, солидно отметил: потому рассказы и хороши, что писал их местный товарищ, возможно, из целинников.

Мне было двадцать лет, и я еще не знал, что всего через три года сам обоснуюсь на Алтае; что, спустя десяток лет, Квин будет одним из любимых писателей моих сыновей; что еще, спустя какие-то годы, я буду чуть ли не ежедневно общаться с Львом Израилевичем Квином, и не просто общаться, а «решать вопросы»: он - писательские, я - издательские.

Неужто с тех пор, как впервые раскрыл журнал с его рассказами, минуло двадцать пять лет? Четверть века! Столько свершилось и столько забылось... На время забылось имя писателя, но жила память об его героях, и трогала сердце живая, настоящая грусть, будто время от времени вспоминал не о литературных персонажах - о реальных людях, с которыми когда-то был рядом, в которых даже немножко влюбился...

Сейчас, когда пишу эти заметки, вдруг подумалось: а может в том, что я давно числю себя в сибиряках, есть какая-то доля «вины» и Л. Квина, его «Палаток в степи»?..

Грех субъективизма налицо - все вертится вокруг автора заметок: то он помнит, это забыл... Между тем есть объективные данные: «целинные» рассказы Л. Квина сразу же получили отклики на страницах центральной прессы; литературные критики тепло отзывались о цикле; сам цикл отдельной книгой оперативно был издан в Москве.

Все это святая правда, и обо всем этом уже писалось. Меня же занимает нечто иное.

Книга издается для многих, но пишется для одного. Издатель адресует ее читательской массе, писатель - массе отдельных читателей. И, в конечном итоге, не

самое ли главное - воздействие художественного слова на отдельную, конкретную душу читающего населения?

Исходя из личного впечатления, свидетельствую: кпд произведений Л. Квина достаточно высок. Это - настоящая литература. Ибо сказано: что помнит сердце - то настоящее.

* * *

Пожалуй, он «самый детский» писатель на Алтае. Увлекательные сюжеты, хороший юмор, живые мальчишечьи характеры - все это присуще веселым, озорным повестям и пьесам Квина. Все это не однажды и справедливо было отмечено литературной критикой.

Да и как же не обратить внимание на искрометное, озорное, «приключенческое» в его произведениях для детей, если об этом уже заголовки, названия книг заявляют со всей определенностью, - «Побег Сани Петушкина», «Мальчишечьи тайны», «Незадача с задачей», «Озорники», «Привет, Иошка!», «Семьдесят неизвестных», «Везет же людям!», «Мы, которые оболтусы...»

Но что это за детство такое - без веселой выдумки, без озорства, без шалости? Без всего этого оно - вне нормы, оно уже как бы и не детство, а некая «Взрослая жизнь в детские годы», т.е. парадокс, исключительность.

Достоинства, которые мы обнаруживаем в произведениях Квина, вытекают из самой природы детского характера. А Квин «всего-навсего» списывает с этой природы, как сказал бы ученый, адекватно ее отражает. Упаси бог, никто не думает принизить роль писателя, ведь литература, искусство только тем и занимаются, что «отражают»...

Речь в том, что в толковании детского писателя Квина специалисты от литературы, кажется, до сих пор пребывают на верхнем, самом доступном уровне его творчества. Бессспорно, это дар божий - написать весело и остроумно о нормальных наших пятиклассниках. Однако же упорно отводить писателю роль лишь певца жизнерадостного детства - не значит ли обеднять и его творчество, и самих себя?

Я вовсе не претендую на особое, более глубокое понимание Квина: они-де проморгали, а я узрел... Вероятно, все проще и сложнее. Всякое достойное, истинное произведение литературы со временем обнаруживает свои неведомые ранее глубины, поворачивается неведомыми ранее гранями. Такое время пришло, кажется, и для детского творчества Квина.

«Мы, которые оболтусы...» - что называется, типичная квиновская повесть. Начиная с заголовка. (Заголовки у него, как правило, изящны, неоднозначны, неожиданы.) Ну, оболтус, он и есть оболтус. Но вот услышали мы фразу: «Я оболтус», - и не враз воспринимаем ее буквально, поскольку знаем, что дурак, оболтус обычно мнит себя кем угодно - талантом, гением, просто умницей, только не дураком. А если фраза во множественном лице («мы»), да еще отличается «солидным» построением («Мы, КОТОРЫЕ...»), тут уж явно дело имеешь с подвохом, если не больше. Они, «которые оболтусы», великолепно осведомлены о нашем к ним отношении, однако, вроде бы соглашаясь с нами (да, оболтусы), не просто ставят

под сомнение наше право так их величать, но даже как бы возвращают нам нами же придуманный для них «титул». Все это прочитывается не впрямую, не так четко, как здесь изложено, а на уровне догадки, чувствования. Это, кстати, и отличает таблицу умножения от искусства.

Итак, уже в названии повести обнаруживается некое противоречие, «неудобство», сложность. Содержание повести подтверждает: «Мы, которые оболтусы...» - в шутку сказано, да всерьез задумано.

Обычная школа, обычные ребята, обычные заботы: учеба, пионерская работа; соревнование за право поездки в Красноярск - соревнование по всем направлениям: успеваемость, сбор металломата, учет «добрых дел». Веселые, беззаботные, более и менее способные, простодушные и хитроватые мальчишки и девчонки.

Читаешь, словно купаешься в детских заботах и радостях, в детских шалостях и смехе. Счастливая, золотая пора...

Но чем дальше входишь в повесть, тем чаще и отчетливее ощущаешь некие толчки, будто укоры совести...

И вот уже идут рядом: детский смех и детская болезнь. Не «двойка» виновата - причина боли, горя, слез исходит из мира взрослых.

Прекрасная Страна Детства - не выдумка, она существует реально. Однако существует в не менее реальной Стране Взрослых. Граница между ними и есть, и почти нет ее. Нет прежде всего в сознании детей. Они обитают и здесь, и там, они все видят, многому подражают, да не все понимают (граница - тоже не выдумка; она незрима, однако подчас крепче настоящих государственных границ).

Иные ошибки взрослых (наши ошибки) тут же отдаются болью в детской душе.

Но вот наши бездушие, бюрократизм, лицемерие, формализм, ложь, очковтирательство - это аукнется потом. Пока же дети весело и беззаботно усваивают наши уроки, наш «опыт». И - параллельно - безошибочно чувствуют искренность, великолепие, чистоту наших помыслов. Чувствуют и тянутся к ним, как растения к свету.

Писатель серьезно и ответственно предупреждает своих юных читателей: вот свет, но есть и мрак, и серость. Не ошибитесь!

Веселая, детская повесть? Да, детская. А что касается веселья, то задумаемся, вслушаемся в ее финальную сцену, в то, что нам расскажет шестиклассник Петя Томилин (повесть - от его лица):

«И вот наступил Новый год. Мы выпили за все хорошее на земле. Но невесело как-то было. Одна Дашка, ничего не понимая, веселилась себе напропалую, потягивая из фужера свой лимонад.

Я смотрел на чистую, нетронутую тарелку рядом с папой, на вилку и нож, аккуратно положенные сбоку...

* * *

Я украдкой выскользнул в переднюю, снял пальто с вешалки, шапку.

Падал легкий снежок. Со всех сторон неслись смех, звуки песен. Только не громкие, режущие ухо, а приглушенные, мягкие.

И ни души на улице. Ни одного человека.

Почему так в кино бывает или в книгах - в последний момент обязательно спасают тех, кто гибнет, находят то, что ищут, приходит тот, кого очень ждут?

А вот Кирилла нет.

Все нет...»

Повесть кончается, не читавшим ее не понять, что случилось с Кириллом, почему его нет.

Однако и несколько заключительных абзацев передают взрослую озабоченность мальчика человеческой судьбой, от повести веет тревогой. Почти сплошь веселая и озорная, под конец повесть начисто исключает даже подобие улыбки - она приглашает задуматься о вещах серьезных и по-серьезному. Пока не ясно, чем завершится событийная сторона повести. Самое главное, важное, так сказать, настоящая жизнь у Пети Томилина впереди. А позади - счастливое, беззаботное детство. Да. Но позади же - напряженная, непростая, не понарошку, а взаправдашняя жизнь.

Мы часто, очень часто говорим: «Дурное влияние улицы. Школа виновата». Конечно, конечно... Прочитайте, однако, повесть. Томилин живет в нормальной, благополучной, почти образцовой семье. Но, может, самый чувствительный урок непорядочности он получает не на улице - дома.

Весь наш уклад жизни, любой наш поступок - главная школа высокой нравственности или безнравственности для Томилина и его друзей. Вот о чем повесть.

И уже вроде бы неловко единственно подчеркивать в квиновских вещах для детей: ах, весело! ах, занимательно!

Так-то оно так, но иногда думаешь: эти бы повести да включить в самую серьезную, солидную книгу для взрослых, в книгу для родителей.

* * *

Очень важно - что сказано, не менее важно - кто сказал. Интерес к личности писателя - в давних традициях читающей публики. Это не праздное любопытство (хотя случается и такое), это проверка нравственных норм учителя.

Теперь, не боясь выглядеть неделикатным, понаблюдаем за Львом Израилевичем в ином вне его рабочего места (таковым условно считается письменный стол).

В последние годы я часто общаюсь с Квином и, надеюсь, в какой-то мере знаю его не только как литератора.

Ну, о том, что его детство и юность прошли в буржуазной Латвии, что он участвовал в комсомольском подполье, участвовал затем в Великой Отечественной войне, - об этом знают многие, поскольку эти факты упоминались его биографами в связи с известными его романами «Город не спит» и «Звезды чужой стороны». Это, как говорится, вехи в его жизни.

А вот небольшие штрихи к портрету.

...Посредственность за что ни возьмется - остается посредственностью. Талантливый человек - талантлив не только в своем деле. Не знаю, каким Лев Израилевич был бы, допустим, сапожником, а художественным редактором мог бы стать отличным. Справедливость моего вывода может подтвердить (или опро-

вергнуть) всякий, кому достанется книга «Ржавый капкан на зеленом поле» Алтайского книжного издательства, год выхода - 1982. Идея художественного оформления переплета целиком принадлежит автору книги - Л. Квину (исполнял, конечно, художник). Что сразу же бросается в глаза? Сложность! А потом присмотришься - да нет же, все очень просто, но... необычно; необычность-то поначалу и принимаешь за сложность. Оформление «Капкана» - не бездумный изыск, не баловство. Главные события романа проходят в современной Австрии, и книга сделана в духе современных тенденций австрийской книжной графики.

...И еще на австрийскую тему.

Летом прошлого года недели две Квин не появлялся в издательстве. Встречаю, наконец, на Ленинском проспекте. «Заработались?» - «Да», - говорит. Оказывается, к нему приехали гости - австрийский антифашист с женой. Мужчины знакомы еще со времен войны.

- Всему удивляются. Даже тому, что барнаульцы ходят в современной одежде европейского покроя. Можно представить, какие на Западе о нас представления...

- А они где живут?

- Мои гости у меня и живут. Дома.

- А переводчик?

- Мы общаемся напрямую, непосредственно.

Так выяснилось, что Квин хорошо знает немецкий язык.

- Но у вас, помнится, есть друзья и в Венгрии. И тоже без переводчика?

Выяснилось, что Квин хорошо знает и венгерский язык.

- А латышский?

- Конечно! Ведь там родился, жил...

Скромность. Да если бы я знал хоть один иностранный язык, об этом и весь Алтай знал бы.

Со своими коллегами, кроме писателей, пишущих на немецком языке, Квин общается только по-русски. С издателями - то же самое. Полиглоты - редкость, моноглоты - увы, в большинстве.

...Об его работоспособности.

Он - автор трех романов, десятков повестей, рассказов, пьес. Он - член крайкома партии, руководитель Алтайской писательской организации.

- Когда Вы отдыхаете? В субботу? В воскресенье? В период отпуска?

- И суббота, и воскресенье, и отпуск, как правило, за письменным столом. Но не спешите удивляться. Всяческие мероприятия отнимают так много времени, что об отдыхе грешно думать.

Конечно, лучший отдых - смена занятий. Может потому Л.И. Квин сделал так много, как никакой другой писатель на Алтае.

...В клубе меланжевого комбината было какое-то культурно-массовое мероприятие. Были речи (выступал и Квин), а затем танцы. Мы с Квином стоим в длинной очереди к буфету, жаждем лимонаду (более крепких напитков Лев Израилевич не признает). Вдруг, перекрывая музыку, а она теперь звучит только громче громкого (фортиссимо!), раздается площадная брань. Квин оставляет меня в очереди,

устремляется на шум. Минуты через три возвращается - бледный, возбужденный, галстук съехал в сторону.

- Что случилось?
- Троих хамов пришлось выставить за дверь.
- Ножом могли пырнуть...
- Сильнее страха - стыд. Столько парней, рядом девушки, но - будто ничего не замечают...

Обычно мягкий, корректный, я бы сказал, исключительно корректный, он не умеет «держать себя в руках», взрывается, когда видит насилие над нормой, справедливостью. Приведенный выше факт - не исключение.

Сейчас мы и обратимся к повести, основная идея которой - нет справедливости для многих, если несправедливость коснулась хотя бы одного.

* * *

Достаточно было мало-мальски знать вкусы читающей публики, чтобы уверенно предсказать: повести «...Начинают и проигрывают» обеспечен широкий успех. По крайней мере, любители детектива нашли в повести все или почти все, что отвечает их читательским симпатиям, - и сложный путь к раскрытию преступления, и убедительность... ложных версий, и, как положено, неожиданная развязка: преступником оказывается... Но детектив есть детектив, и «самое главное» в нем - финал, на суть которого для нечитавших грешно указывать даже намеком.

После столь многообещающего начала даже обидно признаваться, что я не считаю повесть Льва Квина чистым представителем типичной детективной рубрики. Нисколько не отступая от первоначально сказанного, я склонен утверждать, что повесть создавалась не только в соответствии, но и вопреки канонам приключенческого жанра; более того, она задумывалась и творчески реализовывалась не как детектив в том его «классическом» смысле, который где-то ставит упоминаемый род литературы на уровень головоломки или развлекательно-отпускного чтения. «...Начинают и проигрывают» - прежде всего стремление писателя сказать свое слово о вещах гораздо более сложных и в общем, более важных, нежели похвальное, но частное умение распутывать хитросплетения преступников.

...Итак, мы давно знаем Л. Квина как художника, который более чем кто-либо из алтайских писателей, тяготеет к динамичному сюжету, любит и умеет его строить. И не удивительно, по-своему даже закономерно, что «...Начинают и проигрывают» от заголовка и до «несущих» элементов композиции во многом идет в русле детективного жанра. Поставь он рубрику «Приключенческая повесть», это, скорее всего, не вызывало бы возражений, поскольку отвечало бы форме произведения. Но только форме (и только отчасти), а не существу. А посему, казалось бы, простая техническая деталь - отсутствие вроде бы оправданной и в общем-то благодарной рубрики (чего стоят хотя бы вопросы тиража и спроса, как правило, не безразличные автору и издательству) - дело принципа, если хотите, своеобразная декларация о том, что морально-нравственный аспект повести - не некий довесок к острому сюжету, а самое существо произведения, его первопричина.

Об этом же вполне определенно свидетельствует и начало повести. Военная пора, глубокий тыл, госпиталь... Действие развивается в замедленном темпе; почти повторяющиеся события, кажется, способны оттолкнуть нетерпеливого читателя. Ничто не обещает: все последующие главы - раскрытие ловко задуманного преступления, наслоение новых и новых захватывающих ситуаций.

То, что обычно составляет неотъемлемый атрибут детектива, что обычно сразу же включает поверхностное внимание читателя, здесь явно не в интересах автора сдвинуто несколько в глубь повести.

Композиционный просчет? Пренебрежение психологией читателя? Лев Квин - писатель достаточно опытный, чтобы заподозрить его в незнании элементарных правил построения острожетной вещи, того, «что читателю надо». Но в том-то и дело, что автор повести менее всего ориентируется на любителя детективов. И если в «нормальном» приключенческом сюжете интрига, фабула, - так сказать, главнодовлеющая ценность (иначе это уже не детектив), то в «...Начинают и проигрывают» - все это лишь производное ценностей иного порядка; фабула - цепь событий, органично сопутствующих движению героя к усвоению, казалось бы, простых, на виду лежащих, давно усвоенных истин.

«...Быть справедливым! И нужно-то для этого вроде совсем немного: ни специального образования, ни особых навыков, ни умения какого-то - всего лишь понимать других, чувствовать себя на их месте и в радости и в горе. Но, поверьте, нет ничего неважного, когда имеешь дело с людьми. Ведь несправедливость, допущенная даже как будто бы по отношению к одному, в конечном итоге оборачивается угрозой для всех». В этих словах - нравственный аспект повести.

Вынутые из контекста, наполненные реально-конкретным содержанием, эти слова вряд ли произведут на нас должное впечатление. Мудрость, выраженная этими словами, до поры до времени была скрыта и от героя повести Клепикова - списанного по ранению офицера-фронтовика, начинаящего оперуполномоченного угрозыска.

«Быть справедливым» с детства усвоил Клепиков это правило. Усвоил, и старался следовать ему. Но, оказалось, слишком малым был радиус его активной справедливости, он охватывал лишь зону визуального наблюдения. Увидел - вмешался. Ну, а то, что за зоной видимости? Об этом как-то не думалось. Потому что не было иного, глубинного зрения - зрения мудрого мыслящего человека.

Несправедливость к одному - угроза для всех... Может, это просто фраза, ловкий на вид, да пустой, по сути, афоризм? Нет, не фраза - истина, за которую надо горой стоять. Что это так, доказывает вся череда сложных событий, которые не без участия оперуполномоченного Клепикова прошли на наших глазах.

И по личному убеждению, и по служебному долгу (у Клепикова здесь полное слияние) он дрался за справедливость, а чуть было не стал ее врагом. Не по злому умыслу, а по интеллектуальной беспечности, из-за того, что воспринимал человека слишком однозначно; не сознательно, а подчиняясь стереотипу, выработанному механически, без участия анализа, он видел в личности некую замкнутость и в то же время легко познаваемую систему. При этом Клепиков не испытывал

каких-либо душевных неудобств, поскольку не знал за собой такого недостатка - рассматривать человека вне людей. То есть «теоретически» у него все ладилось, он не впадал в упрощения, но не прогретая личным духовным опытом и оттого не ставшая частицей личного мировоззрения «теория» легко взлетела в абстрактные выси, оторванные от земных, повседневных забот. Юношеский максимализм подсказывал Клепикову, что мир человеческих отношений ясен и прост в своей двухцветной градации: или - или. Белое или черное, прекрасное или отвратительное. Отсюда его упрощенное, а потому и далекое от истины восприятие майора Антонова, Фрола Моисеевича Попова и некоторых других, не вписывающихся в одномерную систему отсчета. Отсюда его намечавшаяся было служебная ошибка, грозившая практическими последствиями для справедливости.

Впрочем, не следует думать, будто Клепиков - духовный недоросль, тем более - «отрицательный герой». Он храбр и субъективно честен, он многое видит и правильно ориентируется, но - в пределах более или менее четко означенных явлений и ценностей.

Клепиков какое-то время не замечает, что его работа, как и всякая иная, призванная служить людям, постепенно начала отчуждаться от людей, стремится к некоей профессиональной самоцели. А к чему это может привести, Клепиков не сразу, но все же убеждается на примере прокурора, для которого высокий профессионализм - своеобразная шахматная игра, люди - всего лишь фигуры, которые он переставляет с тем большим азартом, чем сложнее партия.

...Повзрослевший, духовно возмужавший, воспринявший мудрость жизни и старших товарищей Клепиков во многом разнится от того, каким мы его встретили в начале повести. Не потому ли и первые главы так отличаются от последующих, что в них - не только событийное однообразие, но и (прежде всего) одномерность нравственных критериев героя повести? Не потому ли и некоторые фронтовые эпизоды теперь видятся Клепикову не в противоречивой, а в закономерной сложности? Нынешний опыт, накладываемый на ранее приобретенный, корректирует даже воспоминания...

А между тем гремит война. И мир линией фронта - более чем ясной, огненной чертой - разделен на две духовно и физически противостоящие стороны. Или - или. Свобода или рабство. Жизнь или смерть.

Так, может, побоку все эти «сложности», все эти «интеллигентские штучки»? Может не ко времени они и только затмевают великий в своей простоте и справедливости порыв: «Все для фронта, все для победы!»?

Не трудно догадаться, что с такими или примерно такими взглядами пришел Клепиков на страницы повести. Но тот Клепиков, с которым мы расстаемся, уже не приемлет подобной «постановки вопроса».

Идет война. Народ отстаивает свои идеалы, идеалы социалистического общества. Отстаивает коммунизм - высшую историческую справедливость. И потому для коммуниста Клепикова и его товарищей по партии борьба за справедливость в историческом плане и за справедливость в отношении к каждому человеку - в принципе одна и та же борьба. И всем своим строем повесть доказывает: здесь не

может быть расчленения. Так же как без насилия над справедливостью, не может быть расчленения духовного мира человека, сведение его к некоей однозначности. Для по-взрослевшего Клепикова такая сложность - уже не излишняя «философия», а естественное, теперь уже само собой разумеющееся единство, имя которому Человек.

Разумеется, препарируя художественную ткань произведения, стремясь к его «химически чистой» идеи, высветляя ее, невольно ее же и упрощаешь, поскольку уходят на второй план или вовсе отсекаются многие нюансы, передающие ощущение живой жизни, которая ставит и решает эти вопросы.

Будет обидно, если увлекшийся захватывающим сюжетом читатель пройдет мимо нравственного, актуального звучания повести.

И в связи с этим возникает вопрос: выдержала ли ажурная конструкция сюжетных хитросплетений весьма и весьма солидные нагрузки - непростые размышления о сложных вещах? На мой взгляд, более чем вполне. ...

Мастерство построения сюжета, как и всякое настоящее мастерство, достойно и уважения, и внимания.

Тем более, когда сюжет - не для пустого развлечательства. Тем более, когда читатель принимает его с благодарностью. Пусть это будет даже детектив. Но - умный.

Именно такой, умной и нужной видится мне повесть Льва Квина.

* * *

Произведения Л.И. Квина регулярно публикуются в Москве, за рубежом. Его пьесы идут в театрах многих городов страны.

Мы можем лишь догадываться, как широка аудитория писателя Льва Израилевича Квина. (...)

...Один из его романов посвящен советским людям в Венгрии и называется он «Звезды чужой стороны». Но где бы ни были его литературные герои, они помнили о звездах родной стороны. Такой стороной для большинства из них был и остается Алтай...

Мостков Ю.М.²⁶ Писатель и его книга²⁷

Один искушенный читатель о Льве Квине отзывался кратко и весомо:

- У него есть писательское имя.

Общеизвестно: далеко не каждый, кто числится членом Союза писателей, за-служивает столь лестную оценку. Ее суть можно выразить и так: фамилия Льва Квина на книге - надежная гарантия высокого уровня.

Его книги жадно «проглатываются» читателями, независимо от их возраста, от сельской или городской прописки. Об этом хорошо знают библиотекари, для которых читательский успех - категория очень существенная.

²⁶ Мостков Юлий Моисеевич (1921-2007) - критик, член Союза журналистов, член Союза писателей СССР.

²⁷ Публикуется по тексту: Квин Л.И. «Избранное». Барнаул, 1992. - С. 591-600.

При этом не забудем: писатель обращается к разным жанрам - рассказу и роману, очерку и комедии, повести и драме. Еще разительнее контрасты в картинах действительности, изображенных им: герои Л. Квина - представители разных народов - борются в условиях революционного подполья ульманисовской Латвии, сражаются на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу фашистов, поднимают целину в алтайской степи, учатся и работают в послевоенной Венгрии, выдерживают трудные испытания в Австрии, куда приезжают в качестве туристов, посвящают свою жизнь прокладке путей к далеким планетам.

Давно известно, что у одного литератора легко угадывается связь между его биографией и судьбами героев, у другого ее нашупать очень трудно. Лев Квин принадлежит к числу тех, чей жизненный путь многое объясняет в творчестве.

(...)

Начинающему автору всегда необходима дружеская поддержка опытного мастера. И такую поддержку Квин получил совершенно неожиданно для себя. Вот как он вспоминает об этом: «Вилис Лацис²⁸, прекрасный, отзывчивый человек, сыграл можно сказать, решающую роль в моей писательской судьбе. Забавно, что мои первые рассказы (они потом вошли в книгу «В те дни» о событиях в Прибалтике) ему послал не я, а товарищи по армии, тайком от меня, якобы от моего имени. Можете себе представить, с каким удивлением и восторгом я получил первое письмо от Вилиса Лациса...» (Из письма Л. Квина от 11 октября 1981 г. автору этих строк.)

«Уважаемый тов. Квин! - писал В. Лацис. - Получил Ваше письмо и манускрипт рассказов. Я ознакомился с Вашим произведением. Оно оставило приятное впечатление. У Вас, безусловно, налицо определенные данные для того, чтобы стать писателем. Конечно, поработать и поучиться у мастеров советской литературы еще придется - это мы все делаем и всегда. В порядке совета могу высказать, что кое-где в Вашем произведении чувствуются так называемые длинноты. Некоторые места можно было бы безболезненно сократить.

Я дал прочесть Вашу рукопись секретарям ЦК комсомола Латвии. Обещали через неделю сообщить свое мнение и свои впечатления. Как только они это сделают, я напишу Вам об этом.

С приветом В. Лацис.

Riga, 6/12.1952».

(...)

Материал писателя - слово. Каким материалом владел Л. Квин, знание каких языков послужило фундаментом его литературной работы?

Русский язык был для него родным: его мать родилась в России, и в семье говорили по-русски. Латышский язык - язык детства - звучал вокруг и стал вторым языком (совсем не случайно он перевел с латышского на русский книги разных авторов). Немецкий язык он изучал с первого класса, английский - с шестого основной (т.е. начальной) школы. Венгерский - во время войны, общаясь с венгерскими товарищами.

²⁸ Лацис Вилис Тенисович (1904-1966) - латышский писатель и государственный деятель, народный писатель Латвийской ССР.

Без такой «лингвистической базы» Лев Квин вряд ли мог обратиться к жизненным пластам, привлекшим его внимание.

Должно быть, Лев Квин с одинаковой долей вероятности мог в первом произведении опереться на свои фронтовые впечатления, а не на воспоминания о комсомольцах-подпольщиках. И то, и другое навсегда вошло в его память, в его сердце, и то, и другое требовало своего воплощения в слове.

(...)

К автору пришел успех - об этом можно судить по отзыву, который по просьбе «Детгиза» дал Виктор Шкловский²⁹ на рукопись повести Л. Квина «В те дни»:

«...Автор фабулен и изобретателен. Свою изобретательность он правильно применил в показе революционной борьбы.

Книга может оказаться очень полезной. У автора есть литературные способности, есть своеобразный юмор, хороша фигура матери, интересна история, например, о том, как писался революционный плакат и как его буквы оказались написанными на столе, пропитавшись через материю.

Книга выйдет, и автора, вероятно, будут хвалить; между тем, с автора можно получить больше. Он может писать лучше, чем пишет...

Виктор Шкловский

22 октября 1954 г.»

В. Шкловский проницательно оценил и достоинства, и недостатки будущей книги. Еще важнее, что рецензент за рукописью увидел ее автора и предсказал, что он «может пригодиться нам не только для одной книги».

Правоту старого писателя Л. Квин подтвердил довольно скоро. Он задумал полотно, в котором хотел изобразить события 30-40-х годов в Латвии. В 1960 году вышла книга «Город не спит».

(...)

За тем, как в Сибири молодой автор создавал книгу о событиях конца 30-х годов, из Риги внимательно наблюдал Вилис Лацис.

Несмотря на загруженность В. Лациса и литературным трудом, и государственной и общественной деятельностью, он быстро откликнулся на выход книги.

«Рига, 19.II.1961.

Уважаемый Лев Израилевич!

Получил Ваше письмо и «Город не спит». Сердечное спасибо за Вашу любезность и внимание. Я сразу не мог взяться за чтение Вашего произведения: было много неотложных дел, да и здоровье неважное. Наконец, пару дней тому назад, я прочел Вашу рукопись. Прочел ее в один присест с начала до конца - уже это одно говорит о том, как она интересна и хорошо читается. В моей памяти опять возникли образы, переживания и события тех лет, о которых Вы пишете, в которых мне пришлось лично принимать активное участие, только в другом месте и в несколько другой обстановке. В Вашем произведении жив дух того времени. Вам

²⁹ Шкловский Виктор Борисович (1893-1984) - писатель, литературовед, критик, кинодраматург.

удалось создать интересные, правдивые образы молодых подпольщиков и людей старшего поколения с их духовным миром, порывами и устремлениями. Сюжет выработан интересно и убедительно, язык книги хорош, красочен. Я получил большое удовольствие от чтения этой книги. Спасибо!

Вам, видимо, известно, что газета «Ригас Балс» начала печатать другую часть Вашей книги: «Что принесет утро?» Думаю, что она понравится нашему читателю...

Желаю Вам доброго успеха в учебе и в Вашем творческом труде.

С сердечным приветом В. Лацис».

Пока совершили свой путь к читателю произведения Квина, основанные на его латышских впечатлениях, - а этот путь лежал через газетные и журнальные публикации, через корректуры будущих книг, - писатель вступил на стезю «приключенца». Одна за другой выходят его приключенческие повести - «Экспресс следует в Будапешт» (Барнаул, 1955), «Тени исчезают на рассвете» (там же, 1956). Повести завоевали читательское внимание не только благодаря жанру. Квин сразу показал себя приверженцем сюжета, стремительно и в то же время мотивированно меняющего свое прихотливое течение, однако динамичный сюжет для него не становится самоцелью.

В обеих повестях проявились как сильные стороны автора, так и очевидные просчеты, идущие от литературной неопытности.

Вилис Лацис, прочитав книги «Экспресс следует в Будапешт», «В те дни» и «Мальчишечьи тайны», послал А. Квину такое письмо:

«Riga, 22. VIII. 1956.

Уважаемый тов. Квин!

Получил Ваше письмо и три Ваших книги. Большое спасибо за этот подарок. Я уже прочел все три книги и получил большое удовлетворение. У Вас имеются несомненные данные и в приключенческом жанре, который - к сожалению - еще не получил у нас должного развития.

Скоро выйдет в свет на русском языке один из моих старых романов «Семья Зитаров». Я пришлю Вам экземпляр этой книги - там есть кое-что и про Сибирь, и про Барнаул, где я когда-то прожил почти целый год.

С приветом В. Лацис».

Эта оценка В. Лациса - «у Вас имеются несомненные данные в приключенческом жанре» - утвердила писателя в его исканиях.

Рассказы и повести Льва Квина для детей издавались в Москве, Риге, Ташкенте, Новосибирске, Барнауле, Берлине, Будапеште, Софии... Что объединяет эти произведения? Прежде всего, это - занимательные книги. Их, попросту говоря, интересно читать. Даже очень интересно. В литературе, обращенной к взрослым читателям, занимательность - далеко не самое главное достоинство. В литературе для детей увлекательность повествования - основа успеха: если книга не захватит юного читателя, не будет им прочитана, все прочие достоинства книги окажутся бесполезными, останутся вещью в себе.

Квин любит острый насыщенный сюжет, обладает даром увлекательного собеседника. Это подкрепляется пониманием детской психологии и умением воссоздать живые характеры ребят.

Среди многих рассказов и повестей Л. Квина нет таких, которые были бы по своему решению «близнецами»: в каждом свой «секрет». В то же время их сближает уважение к маленькому читателю, пронизывающее каждую страницу.

(...)

О детских книгах Л. Квина хочется сказать многое. Ограничусь цитатой из письма А. Топорова³⁰. (...) Прочитав повесть «Мы, которые оболтусы...», А.М. Топоров писал Л. Квину:

«Спешу поделиться первыми впечатлениями...

Вся книга усеяна самоцветами: умными, остроумными шутками, школьризмами (последними вы владеете виртуозно!!!), над которыми я заливался хохотом, буквально до слез, захлебываясь от эстетического удовольствия! Много раз я ходил к умывальнику - смывать с глаз соленую слезу. И опять читал, и опять хохотал до слез, и снова умывался...

Галерея советских педагогов и школьников прежних лет блестяще представлена в произведениях Макаренко, Огнева, Льва Кассиля, Носова, Пантелеева, Осеевой и др.

А учителя, родители и школьники наших дней классически нарисованы в Вашей книге «Мы, которые оболтусы...». Изумительный язык этой книги - показатель тончайшего знания автором быта современной школы и психологии ее питомцев. Все типы вашей книги стоят передо мной как живые. Я как будто чувствую их теплое дыхание, слышу их голоса...

Все сцены, эпизоды, диалоги, монологи, реплики насыщены глубоким смыслом и имеют определенную социально-педагогическую направленность. В книге нет ни одной пустой строчки, написанной ради художественного орнамента.

Из страниц Вашей книги, дорогой Лев Израилевич, можно извлечь множество воспитательных правил. Они составят подлинный кодекс педагогики, который должны изучить учителя, родители и школьники...»

(Письмо от 21 октября 1969 г.)

(...)

Лев Квин - писатель неравнодушный ко всему необычному, яркому, из ряда вон выходящему.

В любом его произведении - будь то повесть, роман, пьеса или рассказ - мы видим людей, чьи характеры высвечены на резком, крутом выражении их судеб.

Поневоле возникает мысль - не условен ли в известной мере нарисованный писателем мир? Ведь далеко не всегда судьбы людей сотканы из удивительных сиювпадений, редких случаев, ослепительных взлетов духа - существует обыкновенная жизнь, будничный быт.

В документальных повестях «Три жизни Николая Струкова» и «Горький дым костров» автор опирается на факты, сохраняет подлинные имена героев. Другими словами, Лев Квин убежден: в буднях, в самых обычных делах неизменно и даже неизбежно проявляется героическое начало, неотрывное от повседневной дей-

³⁰ Топоров Адриан Митрофанович (1891-1984) - педагог, публицист, писатель.

ствительности. Его писательское зрение устроено так, что он видит необычность обычного, мимо чего мы можем пройти, не заметив сути.

Лев Квин умеет удивляться сам и учит этому нас, читателей. Его документальные повести проясняют эстетику и стилистику квиновского творчества: художник показывает людям высокий смысл их будничных дел, напоминает, что жизнь всегда есть красота сильных характеров, мужество, жажда подвига.

Эту же позицию писатель сохраняет не только в документальных произведениях, но и в своих романах, повестях, пьесах, рассказах: он пристально вглядывается в жизнь, подмечая необычное скрытое в обычном, будничном, повседневном. Это - главное в талантливых книгах Льва Квина, написанных для детей и взрослых.

***Серебряный В.С.³¹
В память людскую³²
О жизни и творчестве писателя
Льва Израилевича Квина***

Раскрыв «Алтайскую правду», я вздрогнул: над непривычно суровым фото-портретом жирные буквы в общей густо-черной рамке собирались в немыслимое: «Лев Израилевич Квин». Немыслимо было, что - в рамке. Что имя Льва Квина - не над его очередным произведением, а над таким текстом: «27 февраля, после полудня, ушел из жизни в вечную память людскую честный гражданин, великолепный писатель, замечательный человек Лев Израилевич Квин...» Незадолго перед этим он показывал главы из последней - тогда еще будущей - книжки; был позыв и у меня посоветоваться с ним на счет своего опуса в не совсем привычном для меня жанре, но решил: неудобно связывать одно с другим, подожду, когда он вернется из санатория. Словом, все было устремлено в безразмерное «завтра»...

«Завтра» оказалось размежевым. «...Ушел после полудня...»

Память, убегая от немыслимого, прянула в далекое «вчера» (впрочем, такое ли уж далекое?)... то «вчера», когда

В издательство пришел неизвестный...

Именно так восприняли мы, тогдашние молодые редакторы краевого книжного издательства, появление этого человека. В самом деле, представьте себе: зима 1953-54 годов. Почти сплошь деревянный, с отдельными островками кирпичных построек, город Барнаул. Центром краевой столицы считалась площадь Свободы, для праздников оборудованная дощатой трибуной. Зимой трамвай (тогда их было всего два или три коротких маршрута) двигался сюда мимо единственного в городе музея и театра, чуть не по тоннелю между завалами снега. Правда, на улице

³¹ Серебряный Виктор Самуилович (1926-2009) - радиожурналист, член Союза журналистов РФ, член Союза театральных деятелей СССР.

³² Публикуется по тексту: «Я оставил мой голос...» Жизнь и творчество Виктора Серебряного. Барнаул, 2011. - С. 193-213.

Л. Толстого снег убирали - иногда до самых мостков из серых вышорканых досок - остатков тротуаров, настеленных явно до 1914 года.

Издательство находилось здесь на втором этаже деревянного здания типографии, соседствовавшего с кирпичным кинотеатром «Октябрь», тоже унаследованного от прошлой эпохи. На пятиэтажном красного кирпича «небоскребе» - на торцовой, почти без окон стене - еще маячила какая-то рекламная надпись с твердым знаком после концевых согласных...

Редакторская. Внизу погромыхивают типографские машины. Репродукторы над входом в кинотеатр сокрушаются на всю улицу

*Валенки, д'валенки
д'не подшиты, стареньки!..*

Радиотехник явно озорует: на другой стороне улицы толпится очередь - «выбросили» валенки. Впрочем, песня эта звучит у него каждый день, и не по одному разу: совсем недавно снят запрет с голоса Л. Руслановой. Так что в старой песне легонько пружинит некий свежий ветер...

И лицо директора, приведшего в редакторскую незнакомого нам человека - очевидно, нового автора - светится той улыбкой, которая обещает интересную свеженьку новость. Это он умел и любил - рассказывать новости. Но на сей раз новостью был сам гость - почему-то ощущалось, что приезжий. На аккуратной шинели - следы погона; почти вызывающе-весёлые острые глаза, приветливая улыбка излучают энергию и собранность...

И вот у меня на столе - папка с рукописью, аккуратно отпечатанной на мелкошрифтовой машинке. На титульном листе - имя неизвестного: Лев Квин. И название повести: «Экспресс следует в Будапешт». Хм, а ведь у такого автора должно было родиться произведение с подобным названием!

Посетитель, между тем, взглянул мельком на часы, и, продолжая улыбаться, деловито спросил:

- Когда мне прийти?

И было ясно, что ответ должен был быть совершенно определенным: через столько-то дней, в такое-то время.

Рукопись читали залпом, по очереди бояя ее на ночь домой (в числе первых в очереди был директор издательства). Увлекали сложные хитросплетения сюжета, звучные названия незнакомых улиц Будапешта, Вены, непривычные имена и множество других вещей, которые мог знать только очевидец, человек, побывавший там, где нам бывать не приходилось, знающий такое, чего мы без него никогда бы не узнали...

В общем, неизвестным наш гость пробыл недолго. Когда книжка вышла, в издательство и на радио повалили письма, авторы которых сообщали, что прочли повесть «Поезд идет в Будапешт»* и интересовались, кто такой Лев Квин и откуда он?

* Такое переименование случалось довольно часто; возможно, объяснялось не только пагубной нашей привычкой к приблизительности, но и тем, что в Москву из Барнаула в ту пору ходил один единственный прицепной вагон - раз в неделю. Так что, «поезд» - как-то привычнее.

**Лев Израилевич Квин,
1970-е гг.**

Ида Евсеевна Квин.
Латвия, 1910-е гг.

Семья Квинов - Израиль, Ида
и сын Лев. Латвия, 1920-е гг.

Лев Квин (второй справа) с сослуживцами в годы
Великой Отечественной войны

Лев Квин - сотрудник военной администрации в Будапеште, 1940-е гг.

Лев Квин (*второй слева*) в составе советской делегации на рабочем заседании конгресса в Австрии по вопросам молодежного движения. г. Вена, 1940-е гг.

Вручение венгерских орденов советским офицерам. г. Будапешт, 1950 г.
(Лев Квин четвертый справа)

Лев Квин, 1945 г.

Сотрудники 7-го отдела Политуправления. г. Вена, 1944 г.
(Лев Квин в третьем ряду третий справа)

Квин Лев Израилевич
и Зоя Владимировна
после свадебной церемонии.
г. Будапешт, 27 ноября 1945 г.

Супруги Квин
с сыном Анатолием.
г. Вена, 1949 г.

Сотрудники редакции газеты танковой дивизии «Защитник Родины».
г. Бобруйск, 1953 г.
(Лев Квин второй справа)

Алтайские писатели Николай Павлов, Марк Юдалевич, Лев Квин на детской новогодней елке. г. Барнаул, декабрь 1958 г.

Алтайские писатели Лев Квин, Марк Юдалевич, Борис Кауров с индийским писателем Навтеж Сингхом. 1962 г.

Писатели Лев Квин и Николай Павлов подписывают книги читателям.
21 марта 1959 г.

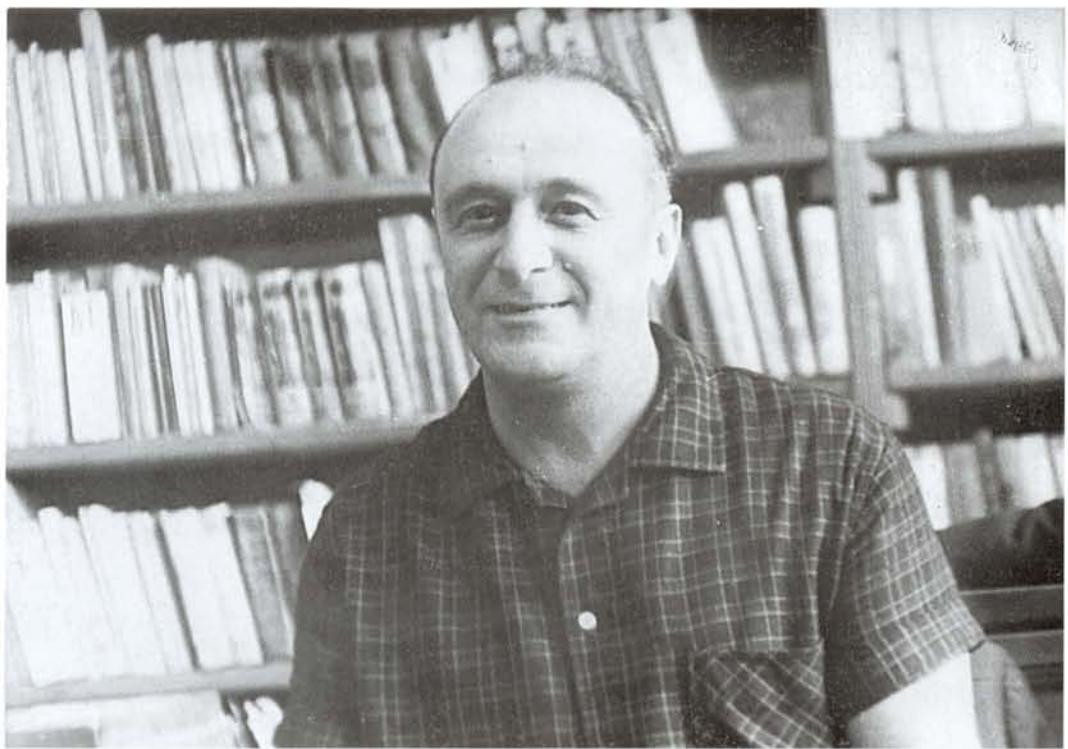
Лев Квин во время встречи с читателями. 1960-е, начало.

Лев Квин. Алтайский край, 1962 г.

Вечер книги. с. Табуны, 19 сентября 1963 г.

**Писатель Лев Квин во время встречи с читателями
детской библиотеки г. Гурьевска. 3 июня 1966 г.**

Писатель Лев Израилевич Квин на встрече с читателями детской библиотеки г. Змеиногорска. 21 мая 1967 г.

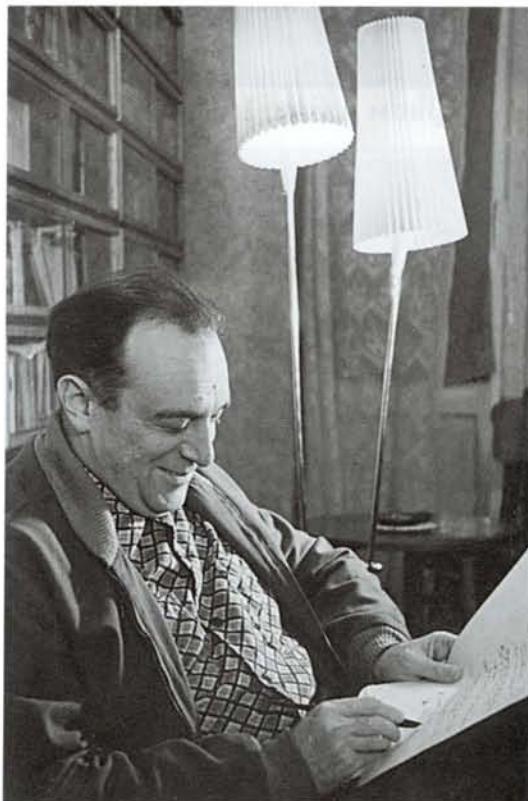
Алтайские писатели с читателями
Ребрихинской районной библиотеки.
р.п. Ребриха, 1970-е гг.

Писатель Л.И. Квин на встрече со школьниками. 1960-е гг.

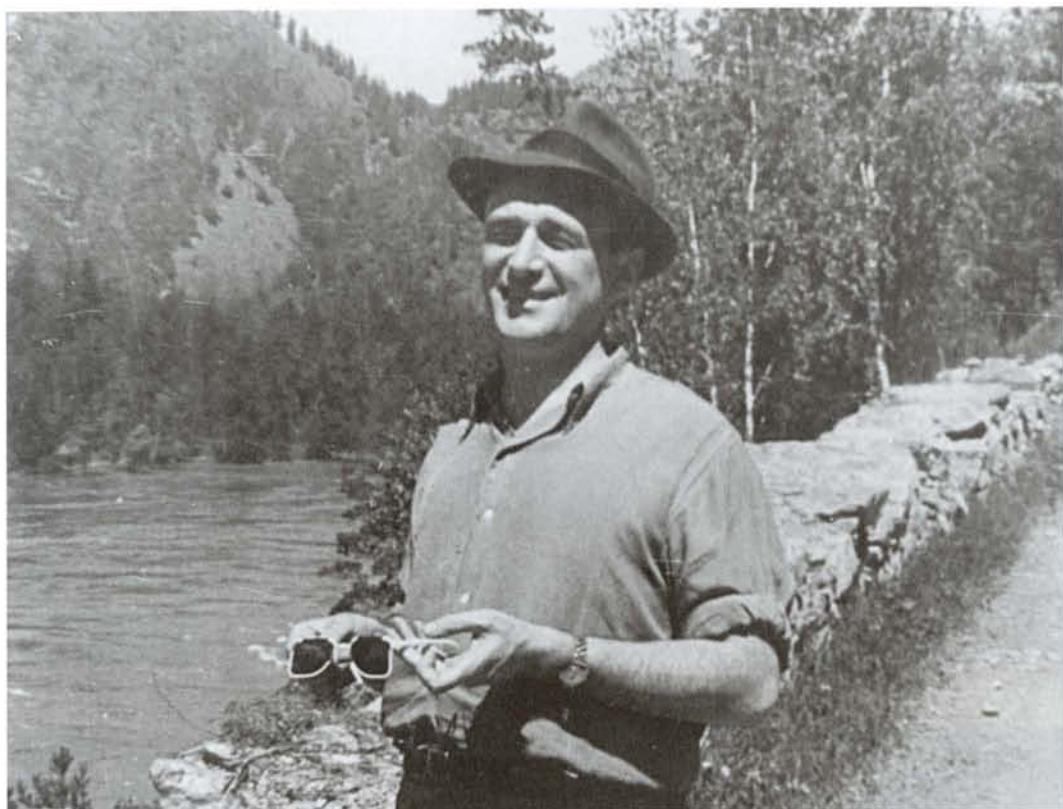
Писатели Лев Израилевич Квин и Николай Григорьевич Дворцов.
г. Барнаул, 1967 г.

Лев Израилевич Квин за работой.
г. Барнаул, 1970-е гг.

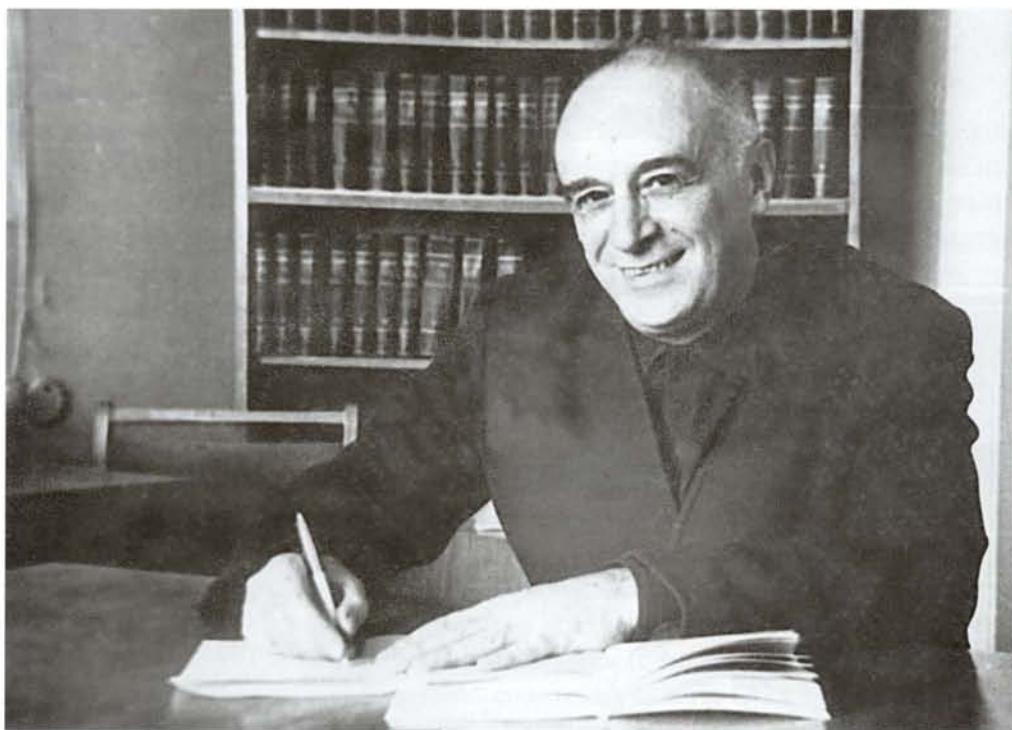
Лев Израилевич Квин выступает
перед читателями библиотеки.
Алтайский край, 1980-е гг.

Писатель Лев Квин на отдыхе в Горном Алтае, 1950-е гг.

Писатели Владимир Борисович Свинцов и Лев Израилевич Квин.
г. Барнаул, 1980-е гг.

Ответственный секретарь Алтайской краевой
писательской организации Лев Израилевич Квин.
г. Барнаул, 1980-е гг.

Писатель Лев Израилевич Квин
и историк Алексей Павлович Уманский.
г. Барнаул, 1980-е гг.

Писатель Владимир Борисович Свинцов выступает на открытии
мемориальной доски на доме, где жил писатель Л.И. Квин.
г. Барнаул. Май, 1999 г.

Кто такой и откуда

Лев Израилевич охотно встречался с читателями, вообще был общителен. На вопросы отвечал с готовностью и прямо (короткие, как бы приглушенные паузы возникали разве что, когда речь заходила о его родителях... Да не очень распространялся о деталях своей работы в Австрии и Венгрии, предпочитая делать это в литературном преломлении). Слушать его всегда было интересно. Многое он, естественно, пропускал: и потому, что не догадались спросить, и потому, что при здоровом честолюбии не был тщеславен, не мелочился. Так что к слышанному от него на счет «кто и откуда» добавлю и вычитанное сейчас из документов, и рассказанное Зоей Владимировной - спутницей жизни Льва Израилевича.

В общих чертах, жизнь Квина до приезда в Барнаул вырисовывается так: родился в Риге, жили потом в Даугавпилсе (с 1924 - Даугавпилс), где население говорило в основном по-русски; а мать у Льва Израилевича и вовсе родом из Витебска.

Город по количеству населения второй в Латвии, имел не только трехсполовиной вековую историю, были у него и особенности политической атмосферы: с 1900 года здесь весьма заметное развитие получает социал-демократическое движение; с ноября 1917 года по январь 1920 года (с перерывом в десять месяцев) в Даугавпилсе-Даунске существовала советская власть. Судя по всему, именно в эту пору вернулся в Латвию и женился будущий отец Льва, ездивший на заработки в Америку (за океаном И. Квин оставил свои зубы, выбитые штрайкбрехерами во время забастовки). Все это, конечно, сказалось на формировании характера общительного, любознательного и редкостно деятельного Льва. Пятнадцати лет его выбирают в гимназии в обычновенный благопристойный ученический комитет, но вскоре он оказывается в правлении городского молодежного клуба, становится членом подпольного Даугавпилсского уездного комитета и Союза трудовой молодежи Латвии, а «по совместительству» - курьером Латгальского обкома этой организации. Ребята собирают деньги в фонд помощи республиканской Испании, распространяют листовки и нелегальную литературу, собирают корреспонденцию для подпольной газеты... Отец - в это время скромный предприниматель - мастер-конфетчик - стал кое-что замечать. Тут выяснилось, что одно дело - рисковать самому, другое - когда рискует твой ребенок. Но единственный «ребенок» уже вышел из поры, когда можно уместиться поперек лавки. И азарт бурной деятельности был слишком увлекательным...

В 1940 году за распространение листовок против ульманисовского режима Лев арестован охранкой, исключен из гимназии; от суда его оградило вступление в Прибалтику Красной армии. Встречали ее доброжелательно. Лев стал работать в райкоме комсомола, в это время и доучивал гимназический курс наук... Может быть, единственное, что его стало смущать в новой жизни - зачем все переименовывать в республике не в честь местных выдающихся людей, а как бы ставя инвентарные номера во владениях свободителя. Ригу, например, уже в январе 1941 года разделили на районы Московский, Кировский, Сталинский, Ленинский, Красноармейский... В Даугавпилсе появились улицы Горького, Сталина, Кирова... Да еще «хапальщики» налетели, взвинтили цены, опустошили прилавки... (потом

4 Лев Квин: страницы жизни...

узнал, что нечто похожее происходило и в освобожденных-воссоединенных западных областях Украины и Белоруссии, Бессарабии, Литве, Эстонии...).

Через много лет подумалось: может, и такие вот огрехи в какой-то мере помогли гитлеровцам уже 17 июля 1941 года учредить на территории Прибалтики и Белоруссии Рейхскомиссариат «Остланд»?..

Но мало ли что осмысливалось через столько лет! А в роковое лето 1941-го думать об этом было некогда. Когда гитлеровцы ворвались в Латвию, райкомовский аппарат в глубокой тайне был срочно эвакуирован в Кировскую область - Лев не смог даже сообщить родителям, что уезжает. Впоследствии узнал: родители двинулись пешком тоже на восток, да старая граница оказалась закрытой. Два дня потоптались тут в надежде, что вот-вот все прояснится и их пропустят, но мысли о единственном сыне - где он, что с ним? - заставили вернуться... - чтобы попасть туда, откуда возврата нет: оставшуюся родню активистов фашисты уничтожили.

В Кировской области Квин проработал некоторое время инспектором физкультуры и спорта в исполнкоме одного из глухих районов; в армию его и товарищей не принимали, не зная как быть с латвийцами. Когда военком получил, наконец, соответствующее разъяснение, направили в Латышский стрелковый полк.

Воевать выпало в болотах под Старой Руссой бойцом, потом младшим командиром. Там был ранен, из госпиталя вернулся к своим, летом 1943 попал на спецкурсы Ленинградского военно-политического училища, и с лета 1944 года он служит в одном из отделов политуправления Второго Украинского фронта. Здесь Льву Израилевичу довелось выполнять сложные задания по работе среди войск противника на территории Румынии, Венгрии, Австрии, а позднее - среди населения освобожденных стран, главным образом - среди молодежи (песенные слова «Я три державы покорил» ему в голову не приходили).

С 1948 года - и до увольнения в запас в звании капитана в конце 1953 года Квин - военный газетчик. «Между делом» прошел в 1949 году два курса английского факультета Военного института иностранных языков.

Такая вот сложилась анкета на тему «кто» и «откуда». Но почему, ради чего - сюда, в Барнаул?

Барнаул

После увольнения в запас, связанного с сокращением численности вооруженных сил, у многих офицеров остро вставала проблема: кем быть теперь, куда приткнуться? Кому удавалось - шли в военкоматы, в милицию, в кадровики, в партийные и советские органы, а позднее - и в гражданскую оборону. Кому-то приходилось осваивать совершенно чуждые им новые профессии. Для журналиста Квина вопросом было лишь - куда? В Москву не хотелось - больно суеверный город, много времени будет пропадать бесполезно. Да и с жильем проблемы... В Латвию не хотела Зоя Владимировна - будешь, как поплавок в воде - вроде и вместе, а все же что-то тебя выталкивает. Когда в Венгрии жили - отношения с местными были хорошие, но постепенно накапливалось чувство стыда за некоторых соотечественников, старавшихся «нахапать», чего дома нет, а дома не было слишком многоного...

Итак, куда же все-таки?

Сложили пополам карту. Сибирь. Обь. Алтай... Нет, наверное, лучше на Волгу, на строительство Куйбышевской ГЭС. Там должно быть интереснее работать. В ЦК ВЛКСМ намекнули по секрету: на Алтае большие дела предстоят!

- Какие? - обрадовался Квин.

- М-м... Молодежные... но пока это секрет, увидите сами.

Молодежные! Молодежные! Новые! Да еще и по секрету!

Географическая сторона последующей жизни была определена. Думалось - на два-три года. (Тогда, в 1953-54 годах, на Алтай приехал не один только Квин. «Оттепель» была явной, люди начинали верить в «большую весну», в себя, им хотелось внести что-то весомое в жизнь страны, полнее реализовать свои внутренние возможности. В те годы пожелали работать на Алтае выпускники университетов Ленинграда, Кишинева, Москвы и других вузов Европейской части нашей страны - среди них были Александр Волков, Виктор Головинский, Глеб Горышин, Борис и Людмила Евладовы, Олег Петров, Борис Сергуненков, Наталья и Георгий Целмы, Юрий Черниченко... Со многими из них Квины подружились семьями, все они оставили на Алтае свой след, а вот укоренились только Наталья Целмы в Горном Алтае да семья Квинов - в Барнауле).

А дальше? - ведь на свете так много интересного!

В будущее его влекли любознательность и неиссякаемое желание действовать. Но ведь и давние привязанности не оставляли... Они-то и повинны в том, что еще в 1951 году случилось с заведующим отделом комсомольской жизни в газете, находившейся в Белоруссии в танковой армии, Л. Квином: он рассказ написал. Собственно, о рассказе он и не думал. Узнал в тот день, что за несколько часов до освобождения Риги был расстрелян гестаповцами его старший товарищ, остававшийся там для подпольной работы. И вот нужно было готовить календарную статью, а в голову ничего не шло - все вытеснила тяжкая весть. В своем интервью радиожурналисту Э. Свиридовой Квин рассказывал: «Я просто не мог спать эту ночь. Я очень любил этого товарища. При Ульманисе его несколько раз арестовывали, мне особенно запомнился его рассказ об одном из таких арестов. И вот этот эпизод я описал. Вместо заказанной редактором статьи. Получилось что-то для меня непривычное. Я подумал, что в газету такое не пойдет. Утром так и сказал редактору. Но тот говорит: «Давай сюда, посмотрим». И послал «эпизод» в типографию. Тогда мне захотелось написать об еще нескольких таких эпизодах. Набралось их десятка полтора. Книжка! Редактор газеты - полковник Леонид Васильевич Смирнов, ничего мне не сказав, отправил рукопись Виллису Лацису. А тот порекомендовал ее издательству «Детская литература» в Москве! Ну, тут я почувствовал, как у меня крылья за спиной растут. И принялся за следующую - о вещах, которые я узнал во время службы в Венгрии и Австрии».

Эта «следующая» и оказалась первой книжкой Л. Квина - она вышла в свет в Барнауле в 1955 году. Тот самый «Экспресс...», который «следует в Будапешт». А книжка рассказов о латышском подполье («В те дни») издана в Москве в 1956 году. В Барнауле в том же 1956 открылись читателям «Мальчишечи тайны» (сбор-

ник рассказов Квина), в 1957 - целый залп: по сборнику рассказов в Москве и Новосибирске, а в Барнауле - «шпионский детектив» «Тени исчезают на рассвете» (повесть)... Словом, «процесс пошел».

Кое-что о «процессе»

Только за 1955-65 годы у Квина вышло 19 книг (в том числе несколько переизданий) и две пьесы. Конечно, чтобы такое произошло, нужен активный интерес читателей. Такой интерес был. Лев Израилевич разделял точку зрения Сомерсета Моэма: «Литературное произведение должно быть занимательным. Без этого никакие другие достоинства не тянут». И что поэтому «автор не копирует жизнь, он перестраивает ее по-своему, чтобы предельно заинтересовать, увлечь, удивить».

Собственно, и по самому складу характера Квин тяготел к остросюжетным приключенческим детективным жанрам. Считалось, что такие произведения воспитывают бдительность. Руководителем краевой писательской организации в то время был А.С. Треков. Однажды у него вырвалось: не бдительность, а подозрительность!

Жизнь подтвердила это положение несколько парадоксальным образом. Когда готовилась к печати повесть «Тени исчезают на рассвете», руководство издательства, редактор и автор были приглашены в некий кабинет, где гостей ожидали, кажется, трое. Гости расселись кто где, на свободных стульях. Лев Израилевич оказался у окна.

- Нет, Вы, пожалуйста, сядьте сюда! - хозяин кабинета показал на стул, обращенный к окну.

Квин, на секунду возмущенно дернувшись, понимающе ухмыльнулся и пересел. Яркое солнце светило теперь прямо ему в лицо. Мне вспомнилось читанное где-то о допросах с яркой лампой, направленной в лицо подследственному.

- Лев Израилевич, скажите, где вы взяли такой материал для своей книжки?

Речь в повести шла о попытке иностранной разведки выкрасть в некоем городе Южносибирске секрет использования солнечной радиации в промышленном производстве, о самых современных хитроумных приспособлениях для проникновения в сейфы, для фотосъемок в темноте и тому подобных вещах...

Прочесть о таких новшествах и поисках можно было в журналах «Знание - сила», «Техника молодежи», «Наука и жизнь»... Квин этого не утаил. Тем не менее, хозяев кабинета тревога не оставила, хотя тональность беседы несколько изменилась.

- Не могли бы вы заменить этот материал другим, а то и так к нам лезут из разных стран.

- Конечно, у нас ничего такого нет, но как бы не навредить соседям. На юге.

- И на севере, - «перевел стрелку» другой.

- И на востоке... - на всякий случай внес свой вклад и третий.

Прощались вежливо, но в глазах тлели вопросительные знаки с отточиями... (вероятно, не без помощи этой встречи впоследствии родилось у него название пьесы «Кругом шпионы»). Отказаться совсем от милого его сердцу жанра и от накопленных жизненных наблюдений Квин не мог - через двадцать с лишним лет

у него вышел даже роман «Ржавый капкан на зеленом поле» (сначала в Новосибирске и в Москве, потом был допущен в свет и в Барнауле). И все-таки околовензурные переживания и стойкость хранителей архивов, долго не подпускавших его даже к тем документам, которые он сам писал в конце 40-х - начале 50-х годов дала ему возможность больше книг посвятить жизни школьников, которых он считал главными своими читателями. Может быть, достаточно громкое имя Квина создали, самую широкую аудиторию собрали, прежде всего, произведения приключенческие. Но я отношусь к той части читателей, кого больше греют, все-таки, детские его вещи. Да ведь и сам Лев Израилевич любил напоминать:

- У Льва Кассиля есть выражение, которое мне очень нравится: «Мальчишки - это авангард человечества!»

Иногда добавлял:

- Ну, тут и девочки не должны обижаться, потому что авангард - это только передовые силы, а главные силы человечества - это, конечно, следующие за мальчишками девочки.

Имя писателя Л. Квина очень скоро стало на Алтае одним из популярнейших. Были у него книги и более, и менее удачные. Но тот же Моэм мудро заметил: «Разумеется, о каждом писателе должно судить по его вершинам». В числе таких вершин у Льва Израилевича книга «Сколько осталось до звонка?» (1967 год), и в первую очередь - включенная в нее повесть «Мы, которые оболтусы...» Вот что говорили восьмиклассники, когда книга обсуждалась в барнаульской 103-й школе:

- Эта книга - одна из тех немногих, которые полно и с настоящим пониманием рассказывают о нас, школьниках. Я даже сначала не поверила, что это писал взрослый человек. Мне казалось, что писатель записал рассказ мальчишки...

- Повесть «Мы, которые оболтусы...» очень интересна и написана нашим языком... Автор призывает к справедливости, к добру, при этом одним из главных значений книги Квина я считаю то, что он заставляет нас не только читать, но и думать.

Это говорят школьники. Но самым темпераментным из читателей оказался знатный толк в литературе 80-летний учитель, писатель, просветитель А.М. Топоров: «Драгоценный подарок Ваш я «проглотил». Спешу поделиться первыми впечатлениями...

Вся книга усеяна самоцветами: умными, остроумными шутками, школьизмами (последними Вы владеете виртуозно), над которыми я заливался хохотом от всего нутра буквально до слез, захлебываясь от эстетического удовольствия! Много раз я ходил к умывальнику - смывать с глаз слезу. И опять читал, и опять хохотал до слез... Давно уж я не испытывал такого пира от чтения книг.

Галерея советских педагогов и школьников прежних лет блестяще представлена в произведениях Макаренко, Огнева, Льва Кассиля, Носова, Пантелеева, Осевой и др.

А учителя, родители и школьники наших дней классически нарисованы в Вашей книге «Мы, которые оболтусы...» (говорю о двух книгах под этим общим названием). Изумительный язык этой книги - показатель тончайшего знания автором быта

современной школы и психологии ее питомцев. Все типы Вашей книги стоят передо мной, как живые. Я как будто чувствую их теплое дыхание, слышу их голоса...

Все сцены, эпизоды, диалоги и монологи, реплики насыщены глубоким смыслом и имеют определённую социально-педагогическую направленность. В книге нет ни одной пустой строчки, написанной ради художественного орнамента.

Из страниц Вашей книги... можно извлечь множество воспитательных правил. Они составят подлинный кодекс педагогики, который должны изучать учителя, родители и школьники...

Для писателей Ваша книга - полезная школа для выработки логической, ясной, музыкальной изящной фразы. А для языковедов она - клад при изучении современной речи молодежи. Книга Ваша по праву входит в золотой фонд советской художественной литературы...

Жму руку и жду новых даров Вашей музы...

А. Топоров».

Трудно пройти мимо заголовков произведений Квина. В них обязательно или интригующая загадка, или азарт борьбы, или вызов на спор, или просто напористый темперамент, а то и неожиданно лирическая подкладка; правда, иногда можно наткнуться и на почти плакатную прямолинейность; но в любом случае заголовки задерживают внимание своей выразительностью, активным «ввинчиванием в жизнь». Так что к первому, широко отмечавшемуся юбилею Л. Квина Комитету по телевидению и радиовещанию Алтайского крайисполкома было из чего сложить традиционный поздравительный «капустник»:

«Сегодня Вам 50 лет.

Но ни один мальчишка или девчонка, нетерпеливо подсчитывающие, «сколько осталось до звонка», чтобы поскорее побежать в библиотеку и захватить очередь на Ваши книжки, не поверят в это. Потому что - кто же еще из взрослых в своем зрелом среднем возрасте так хорошо знает и понимает чем живут в среднем возрасте «Озорники»-мальчишки! Вы раскрыли взрослым много «Мальчишечных тайн». Вам близки и «Палатки в степи», и «Город, который не спит». Вы сумели вычислить, чему равны «Икс, Игрек, Зет», и еще «Семьдесят неизвестных», доказали, что «Угол...» лучше «ovala», вместе с «Мариной...» вступали в «бой...» - и не важно, что «Экспресс...» следовал «...в Будапешт», а «Побег Сани Петушкиова» состоялся в совсем другой район земного шара - на целину - все равно: когда «Друзья идут в ногу», даже «Звезды чужой стороны» могут давать температуру «Плюс тридцать пять градусов» по Цельсию.

Мы не беремся судить о том, «Что будет вчера, что было завтра». Но мы знаем, что «Экзамен» перед читателями Вы выдержали, и что Вы - «Парень что надо».

«...Каким он парнем был...»

После того юбилея судьба подарила Льву Израилевичу еще почти 24 года увлеченной творческой и общественной деятельности, семейных забот и радостей - яркой, насыщенной трудами и впечатлениями жизни.

Конечно, для того, чтобы сделать что-то большое, надо уметь подчинить цели отпущенное тебе время.

Человек организованный и энергичный, в работу он «врубался» легко и полностью, но всегда продуманно. Как рассказывает спутница его жизни Зоя Владимировна:

- Дня два ходит, думает - тут его не трогай; а когда в голове уляжется материал - пишет быстро-быстро, не отрываясь, до обеда; а вторую половину дня я печатаю под его диктовку - по горячему, а то ведь скоропись - это скоропись, за мыслью перу трудно поспевать, через день-два и сам слов не разберет... Главное, очень любил он работу - и писать, и общественные дела - он жил этим, поэтому и успевал так много. И организованность у него европейская... Он Лацису посыпал свои книги про Латвию, тот хорошо относился, хвалил; когда Лев приехал как-то в Ригу, они договорились о встрече. И вот Лев к нему в приёмную пришел - это к председателю Совета министров республики! - видит - на вешалке генеральская шинель! - ну, это надолго... Он говорит секретарю: «Мне, наверное, лучше уйти?» Он говорит: «Вам на когда назначено?» - «На три». - «Значит, в три Виллис Тенисович и примет». - И в самом деле, через пять минут, ровно в три, Лацис выходит с генералом, прощается - и принимает Льва.

Зоя Владимировна смузённо улыбается:

- У нас так почему-то чаще всего не получается. Секретарь по идеологии привгласил как-то Льва по писательским делам - и полтора часа пришлось ждать в приемной. Лев ему рассказал про этот случай у Лациса. Трушин был грубоватый, но порядочный. Говорит: «Вас понял». Мол, критику принял. Но разве сразу наутишься, такое годами вырабатывается... Лев управлять временем умел - как говорится, хоть камни с неба...

Когда получили однокомнатную квартиру и обзавелись телевизором, на просмотр к нам повалили ребятишки чуть не со всего двора. Лев Израилевич и тут графика не нарушал - просто пришлось обзавестись заменяющей письменный стол доской и уединяться в совмещенном санузле, пока какой-нибудь подрастающий телезритель не постучится в дверь: «Дядя Лёва, я хочу пи-пи...».

Жесткий свой распорядок Льву Израилевичу удавалось отстоять и тогда, когда товарищи избрали его руководителем краевой писательской организации.

Раза два мне привелось наблюдать его в поездках по краю с большой группой писателей - и вот что бросалось в глаза: в отличие от многих, он ни на минуту не выпадал из состояния целеустремленного действия. Он мог быть строгим и требовательным, мог шутить, особенно на встречах с читателями, но никогда не отвлекался, не терял времени на традиционный наш командировочный «кайф». И по навыку, обретенному, видимо, в бытность младшим командиром пехоты, умело и заботливо организовывал бытовую сторону командировочной жизни товарищей.

Строго спрашивая с себя, он был требователен и к другим. Однажды мне пришлось видеть, как он, будучи тогда ответственным секретарем «Молодежки», резко распекал редакционного фотографа:

- Вы понимаете, что на этот снимок скучно смотреть?! «Фото обвиняет!» - прочитировал Квин. - Оно же вас обвиняет!

Преодолев свое возмущение бездумно выполненной работой, он стал объяснять:

- Вы просто зарегистрировали факт, а важна его оценка. Знаете, откуда надо это сфотографировать? Из-за этой кучи ящиков дом должен быть едва виден!.. Даю вам еще два часа.

Фотограф понял, не обиделся. Снимок в газете получился более выразительным.

Квину нравилось делиться опытом, знаниями - хоть в бытовом общении, хоть через свои рассказы и повести. Достаточно материалов для этого давали его богатый жизненный опыт, жадная любознательность и острая наблюдательность, каковой он с удовольствием одарял и персонажей своих произведений. Уже в одном из первых его рассказов - «Труба центрального отопления» - дошкольник Боря, увидев из окна промелькнувшую фигуру старшего брата-второклассника, безошибочно определяет:

- Двойка или тройка. Шапка на глаза надвинутая.

Заполучив где-то стихи, сочинённые кибернетической машиной (тогда такое было ещё в диковину), он принёс их не только на литературные занятия в писательскую организацию, но и на радио, чтобы поделиться новинкой с любознательными радиослушателями.

Когда я в одну из в общем-то нечастых встреч заговорил о романе В. Богомолова «В августе сорок четвертого...», рассказывавшем о тяжких, жестоких буднях военных контрразведчиков, Лев Израилевич вдруг заметил:

- А вы не задумывались, что такому человеку делать, когда кончается война? Ведь он ничего другого не умеет, ничем, кроме пистолета и ножа, не владеет...

Это было задолго не только до вывода наших войск из Афганистана, но и до введения их туда - задолго до появления нового, теперешнего значения слова «афганец» - и попыток различных сил использовать их опыт и - часто - неустроенность, сложность включения в нормальную жизнь...

Всем нам всегда было ясно, что излеченные раненые из госпиталей рвались обычно в свои подразделения (кто же не помнит слова из песни: «...Второй стрелковый славный взвод теперь моя семья...»). Квин как-то поделился наблюдением:

- Это все верно. И верно, что те, кто уже повоевал, потом обычно реже попадают под пули - опыт! Но есть и еще одна причина: опытного, успевшего стать своим, больше берегут. Даже в процессе литературного творчества автор легче расстается с менее близкими персонажами...

А ведь и в самом деле - особенно в «приключенческой» литературе... Но прежде всего вспомнилось, как И. Эренбург, читавший в 1947 году на радио по продолжениям из вечера в вечер роман «Буря», склонив своего героя, проглотил ком в горле - и сообщил нам и себе хоть какое-то утешение:

- А Мало осталась живая!

В одной из появляющихся сейчас научно-популярных книжек, связанных с психологией, попалась мне любопытная мысль: «Как говорил бравый солдат Швейк, «люди еще скорее передерутся, если будут заботиться только друг о друге». И первое, что пришло вдруг на память, - был рассказ Квина «Тетушка из Сомбателя». Рассказ с острым сюжетом, с определённым идеологическим зарядом, обусловленным тогдашним нашим мировосприятием. И прекрасное знание детской

психологии: брат и сестра тайно молятся за своих грешных, как им объяснили, родителей и друг за друга - и, когда «тайна» раскрывается, Тибор и Кати доходят до драки:

«- Я ее спасаю, рыжую кошку, я все ваши души спасаю!..

- Ничего ты не спасаешь! Я спасаю! Я!..»

Подсмотренный писателем в венгерской жизни казус зовет к подлинному человеколюбию и щедрости.

При обсуждении на худсовете в издательстве очередного сборника рассказов Л. Квина я, в подкрепление своей позиции по отношению к одному из рассказов, привел в пример эпизод из жизни моего дедушки, долженствовавший оспорить позицию писателя. А в ответ - неожиданная от «обсуждаемого» заинтересованно-доброжелательная реакция Льва Израилевича:

- А вы напишите об этом. Это уже почти готовый рассказ!

«Тогульских «военспецов»» (журнал «Барнаул», №1, 1995 г.) «выжал» из меня в начале восьмидесятых Георгий Егоров. Несколько раз я эти воспоминания переписывал: что-то добавлял, что-то убирал, варьировал композицию. Больше всего помогала мне в этой работе, укрепила в чем-то главном вдумчивая, заинтересованная рецензия Льва Израилевича.

Очень много времени уделял Квин своему, казалось бы, сопернику - «детскому» писателю Виктору Сидорову, стараясь помочь ему и в литературном труде, и в жизнеустройстве. Сознавая свои сроки, жестко отмеренные тяжелой болезнью, Виктор Степанович говорил жене:

- Если со мной что-то случится, обращайся только к Квину. Он добросовестный человек, всю правду честно скажет и всегда поможет.

- Так и было, - сказала об этом пришедшая проводить Квина в последний путь вдова Виктора Степановича Наталья Васильевна.

Конечно, Квин не был всемогущим, как казалось иным его подопечным. Но исключительно старался сделать все возможное, и поэтому мог больше других. А когда не удавалось, это надолго «застревало» в нем. Характерный штрих: когда общественность краевого центра отмечала его семидесятилетие, Лев Израилевич в недлинном «ответном слове» нашел время с горечью вспомнить о заметном, но недораскрывшемся поэте Владимире Сергееве, которому «сломили хребет» проработками и приписыванием поэту именно того, против чего тот пытался бороться (Квин привел в пример стихотворение «Своя рубашка», где Сергеев писал: «Пусть она будет всех ближе к телу, но пусть только к сердцу не прикасается», - конечно же, поэта всерьез обвинили в проповеди лозунга «своя рубашка ближе к телу» - излюбленная в некоторых кругах практика передергивания. «Саморедактирование», воспитывавшееся такими приемами, оскопило творчество многих писателей). Но - уже тогда - не обошел Лев Израилевич в своем слове внимание и другую крайность - беспредельная «раскованность» «часто оказывается на практике той же зашоренностью, только со знаком наоборот».

Непрятязательный в быту и энергичный в работе, Лев Израилевич легче многих приспособливается к меняющимся условиям жизни, находил и реализовывал

решения самых затруднительных обстоятельств, особенно когда это касалось, скажем, писательской организации или других общественных дел. Много лет после того, как Квин оставил пост руководителя краевой писательской организации, продолжалось начатое им сотрудничество литераторов со школами, получившее название «Урок ведет писатель». Активное, хотя и «бесшумное» участие принимал Лев Израилевич в становлении Музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Разумеется, не мог он не оказаться причастным к рождению журнала «Барнаул» в 1993 году - и до последних дней работал в его редакции...

До сих пор в краевом отделении Российского фонда милосердия и здоровья с восторгом и, я бы сказал, умилением вспоминают увлеченную деятельность Льва Израилевича в качестве основателя и президента отделения:

- Это надо было видеть, с какой радостью и каким бескорыстием - «должность» - то общественная - он мотался по детским домам, школам, многодетным нуждающимся семьям, одиноким старикам, инвалидам; как радовался, когда удавалось помочь тяжелобольному получить необходимое лечение в далекой от Алтая больнице... Это он в 1990 году организовал первый в крае благотворительный телемарафон «Поможем солдатским вдовам»; в 1991-92 годах по инициативе Льва Израилевича прошли «поезда милосердия». До последних дней он поддерживал контакты с различными фирмами, которые могли оказать материальную помощь нуждающимся... Мы не знали, как и благодарить его за все, хотели присвоить ему звание почетного председателя, а он отмахнулся: «А зачем эти регалии? Мне приятно дело делать!», и видно было, что это искренне... Как нам его не хватает сейчас, если бы вы знали! В любой ситуации он находил решение!

Но такая, здоровая адаптация никогда не переходила в то, что мы называем приспособленчеством. Мне даже кажется, что принципиальность Квина иногда бывала, может, излишне воинственной. Когда готовились к изданию его первой книжки, главным редактором в издательстве была женщина с очень развитым чувством личной ответственности. Она остро переживала все, что выходило за рамки «положенного». С одной стороны, содрогаясь от опасения заразиться, она, тем не менее, шла навестить инфекционного больного; с другой - страдала от того, что в слухе было коридоре за слухом дверью мимоходом обменивались поцелуями молодожены-редакторы («Правильно запрещают родственникам работать вместе!»). Ходила со мной в райисполком добиваться для меня квартиры - и проверяла по телефону, пришел ли я действительно к цензору, вызвавшему меня для устраниния разногласий: мог ведь по дороге отлучиться, скажем, в редакцию «Алтайской правды»... Что делать, каждая эпоха оттачивает выражющие ее характеры. Проявлялось это, разумеется, и в работе с авторами. И вот Квин в одном из рассказов вложил в уста мальчишки ее подлинное имя: мол, учительница имярек к нему придирается. Главред потребовала имя учительницы заменить. Квин отказался. Книжка вышла без этого рассказа. Думаю, оба они были в чем-то по-своему правы, и в чем-то неправы. Ну да рассказ, по секрету от читателя увековечивший имя главреда, через некоторое время вышел в Новосибирске в сборнике, названном автором «Озорники».

Задиристость Льва Израилевича нашла свое, так сказать, графическое воплощение в названии молодежно-заводского рассказа «Марина вступает в бой». Мне, тогда редактору на радио, показалось, что не стоит заранее раскрывать, что будет с Мариной, и... деликатнее, что ли, было бы «Марина вступает в жизнь», но по ходу разговора стало ясно, что главное для автора то, что его герояня вступает именно в бой. Здесь были и характер Квина, и его принципиальная позиция. По сути, вся жизнь его была незатихающим боем за справедливость. В душе его будто звучала некая постоянно напряжённая струна. Когда мы на краевом радио готовили передачу по случаю его пятидесятилетия, Лев Израилевич из «свежего» предложил отрывок из пьесы «Я», над которой он тогда работал. Пьеса не публиковалась, а текст того отрывка, прозвучавшего на радио, сохранился. Перечитываю и вспоминаю нервные пальцы Квина, его взъерошенно вскакивающий, «спорящий» голос (да там и был спор - между двумя писателями-соавторами, Виктором и Геннадием):

(Геннадий: - Как ты сам не понимаешь, Виктор? Сделать, что требует этот Сенькин, - значит выхолостить наш роман.

Виктор: - Не выхолостить, а несколько смягчить.

Геннадий: - Смягчить... Ведь это все равно, что перед бритьем притупить бритву. Для чего мы тогда писали?

Виктор: - Они порвут договор.

Геннадий: - Будем искать другое издательство.

Виктор: - Ты не понимаешь, что говоришь? Книга, можно сказать, уже на выходе. Ты что, миллионер?.. Из-за двух эпизодов гробить всю книгу?

Геннадий: - Дело не только в эпизоде. Если мы наткнулись на одного дурака и сразу отступаем, значит, мы думаем, что все такие дураки, и что нигде правды не добиться. А если мы так думаем, то какое же мы имеем право доказывать в романе, что правда побеждает?»)

Эта вера, этот деятельный оптимизм, собственно, и поддерживали всегда его задиристую готовность вступить в бой. В 1968 году, когда на телестудии исключали из партии (а затем, соответственно, сняли с работы) одного из основателей студии - режиссера З.Б. Гутчина - Квин, стоящий на учете в этой парторганизации, единственный выступил в его защиту, сочтя наказание слишком жестоким (это было время контрнаступления, политических морозов, против «оттепели», а Гутчин хранил в своей домашней библиотеке среди прочих такие публикации, как письмо Солженицына съезду писателей, автобиографию Е. Евтушенко, его же стихотворение «Наследники Сталина», напечатанное в «Правде»; письмо А. Твардовского съезду...). Квин открыто проголосовал против исключения. В присутствии краевого начальства и необъявленных трех гостей в штатском. Не думаю, что проще, легче было для Квина и публично выйти из редакколегии журнала «Алтай», когда писатель не счел возможным принять взятый тогда редакколлегией курс. Поступать как-нибудь по-другому он просто не мог - ни по убеждению, ни по характеру.

Вот и последнюю вышедшую при его жизни свою книжку (тиражом в 500 экз.) Лев Израилевич назвал не как-то иначе, а «Живы будем - не помрем!».

Всего у него вышло больше пятидесяти книг, не считая зарубежных изданий и переводов. Как говорится, дай бог каждому. Но не все удалось сказать, что хотелось. Не все удалось додумать, не до всего добраться в жизни и в себе, не все в себе достроить, чтобы больше дать людям. Слишком много времени, которое требовалось для этого, приходилось тратить на преодоление чьей-то избыточной осторожности, лени, равнодушия, недоумия, неорганизованности... А самое желанное, заветное из-за них без конца откладывалось и откладывалось: дескать, кто же такое напечатает! Именно поэтому так горячо звучит ночной монолог героя его пьесы «Чудак-человек» Юрича:

- Странное дело. Вот извожу себя, истощаю мозг, и вроде бы никому не нужно! Может быть, в самом деле не нужно?.. Нет! Не может быть! Люди, поймите, это нужно! Стране нужно, вам нужно, всем! Как же вы не понимаете, люди! Я же сердце вам свое отдаю, мозг свой! А вы не берете! Почему же? Почему?

Конечно, завидное трудолюбие Льва Израилевича питалось редкостной его энергетикой. Видимо, сказалось и европейское, все же, воспитание. А в целом - уж такое это было мировосприятие. В майских поздравлениях (по слухам «самого светлого и солнечного праздника в нашем календаре») он мог пожелать, ...чтобы «чертовски хотелось работать», а в Новый год - «365 активных, насыщенных творческих дней»...

Большинство героев произведений Льва Израилевича - документальных или художественных - люди принципиальные, упорные, не просто радеющие за дело, за которое взялись, а готовые именно драться за него, преодолевая все возможные препятствия. Таков барнаулец, герой-летчик Иван Гулькин в пьесе «Высоко в синем небе»; таков инженер Кондратюк (он же Шаргей), известный создатель уникального каменского зернохранилища «Мастодонт» - по его опубликованным в 20-е годы расчетам уже в наше время американцы провели высадку людей на Луну - этому нашему земляку посвящена пьеса Квина «Чудак-человек»; таковы очень многие другие его герои.

Писалось ему легко, он вообще легко увлекался, и в то же время относился к увлечениям, как и к работе, серьезно. Об этом свидетельствовали и его интересная, постоянно пополнявшаяся коллекция почтовых марок; и знание нескольких языков, которое позволяло ему успешно работать в жанре перевода; и изобретательность в подаче и оформлении материалов в краевой молодежной газете, где он некоторое время заведовал отделом и был заместителем редактора; и владение губной гармоникой; и высококлассное умение играть в шахматы... Правда, при всем при этом Квин четко разграничивал, на что ему следует, а на что не следует тратить время. В своей общительности он не умел или не позволял себе просто «проводить время» - время это Лев Израилевич плотно заполнял или тем, что одарял собеседника чем-то интересным, или жадно впитывал интересное от собеседника. С удовольствием водил машину, однако категорически не вторгался в ее внутреннее устройство. Идеи и ощущения, как мне кажется, явно интересовали его больше, чем «вещная сторона жизни» (подозреваю, что и машину он воспринимал скорее как разновидность

кабинета). В интересной, но достаточно компактной личной его библиотеке ведущее место занимали справочная литература, словари и чем-нибудь близкие ему писатели.

Почему лампочка горит?

Вспоминать о Квине, думать о Квине - интересно и поучительно. До последних дней в нем любопытно сочетались деликатная жесткость - и отзывчивость; деловитость, принципиальность многое повидавшего и выстоявшего человека - и юношеская склонность к озорству... Все это присутствовало в самом замысле последней книги Льва Израилевича - «Улица королевы Вильгельмины».

- Вы читали первые мои рукописи, - хочу, чтобы прочли и эту. Это для меня принципиально новое: герой здесь - Лев Квин.

И смотрит на меня весело и испытующее.

Так вот о чем он думал, когда говорил на праздновании его семидесятилетия: «Все откладывают и откладывают: это ведь как голому на мороз!»

Теперь он признался - другая сторона ситуации:

- Никогда так легко не писалось! Буду продолжать в таком же духе.

В папке к рукописи были приложены несколько чистых листков - для возможных замечаний (как всегда, старается все предусмотреть и помочь по возможности!..).

Читалось тоже легко. О политической работе с молодежью отвоеванных в 1944-45 годах у Гитлера стран до сих пор, по моему, никто не писал. Не побоялся автор и того, что многое у его героя получается достаточно хорошо. Ну что ты сделаешь, получается - и все тут! Да и сами события носят такой характер, что так и просится на языки: «Нетипично!» И в самом деле, как поверить, что на свадьбу старшего лейтенанта явились несколько генералов! И сам старлей - молодой тогда Лев Израилевич - глазам своим не поверил, увидев таких гостей. Вскоре, однако, выяснилось, что его начальнику пришлось прибегнуть к этой военной хитрости, чтобы провести необходимое совещание, не слишком настороживая наблюдателей в сложной обстановке послевоенного Будапешта. Да и присутствие в повести открытым текстом самого автора в первом лице (дело в литературе, вообще-то не уникальное) было для Квина, совершенно очевидно, не целью, а средством: это помогало излагать наблюдённое наиболее точно и служило как бы круглой печатью, удостоверяющей подлинность рассказывающего.

В главе «Две встречи в одном и том же месте», посвященной встречам с «вождем народно-демократической Венгрии» (позднее получившим титул «разрушитель завоеваний социализма»), - Матьяшем Ракоши, Квин формулирует, может быть, не только позицию по отношению к Ракоши, но и выкристаллизовавшуюся цель своего писательского труда: «пусть во всех... немыслимых пассажах в судьбе «великого революционера» и «кровожадного властолюбца» разбираются историки. Если смогут. И если захотят. Я же решил только подбросить две свои веточки под кипящий, фырчащий котел истории, который, извергая пар и вонь, должен же

в конце концов выдать (если не нам, современникам, то тем, кто придет после нас) ИСТИНУ...»

Кому-то и сейчас подобный подход захочется обозвать объективным, но ведь все, противопоставляемое немилой объективности, есть не объективность, а по-просту говоря - подтасовка, обман.

Сейчас книга «Улица королевы Вильгельмины. Повесть о странностях времени» (Барнаул, АОЗТ «Полиграфист», 1996) уже вышла и читатели могут проследить, как стремление писателя помочь завтрашним сородичам ИСТИНУ реализуется в этой и других главах повести. Особенно интересными показались мне главы «Черные дары» и «Слово о подразделении Игореве», по времени, проблемам и географии более близкие к нам. Интересны они обретенными автором точностью, узнаваемостью портретов, сочетанием юмора, даже сатиры, с человеческой теплотой, готовностью не оправдать, но понять в общем-то неплохих часто людей, поставленных временем и какими-то собственными слабостями в противоестественное положение (один из таких руководящих работников на мой вопрос о мотивах некоторых его высказываний ответил прямо: «Это не я, это должность моя говорила». Правда, разговор состоялся уже после его ухода на пенсию, когда выяснилось, что на самом-то деле он человек и образованный, и умный).

Лев Израилевич свой путь по странному времени прошел так, как ему диктовали его мироощущение, его характер.

Можно было бы, как сейчас вошло в обиход, поискать корни его жизненного поведения в гороскопах, и подивиться совпадениям его характеристик по самым разным системам исчислений: по одним у него должна была наличествовать склонность к миссионерству (ну, это скорее можно отнести к известному телевизионному журналисту В. Познеру, с которым у Льва Израилевича проглядывало определенное сходство); по другим, третьим, четвертым ему на роду были написаны: талант руководителя, сила, энергия, любовь к действию, неутомимость, обостренное стремление к справедливости, чувство долга, сила воли, быстрота реакции, склонность к рискованным решениям, любовь к новому, ум критический, ясный и проницательный, чувство юмора, любознательность, интерес к людям, оптимизм... и, наконец: «Часто бывает там, где наиболее интересно».

Что же это получается - завели в нем некую космическую пружину и пошел?..

В одной из повестей писателя-барнаульца А. Кирилина жена делится с ним недоумением: понимаю, мол, вроде все про электричество, но не могу понять одного: почему лампочка-то горит? Сейчас, думая о ярком человеке Л. Квине, я невольно вспомнил этот вопрос - и пришел ответ: да от сопротивления потоку разогревается проводник! От неравнодушия писателя протекающей сквозь его сознание жизни, от осознанного личного стремления придать жизни справедливый, разумный, яркий характер, разгорается и светит личность!

Этим, из уважения к оптимизму Льва Израилевича, и закончу.

Возчиков В.А.³³ **Мудрый художник детства**

...В 80-е годы минувшего века по линии Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей я организовывал выступления поэтов и прозаиков, как наших, так и столичных, на предприятиях и в учебных заведениях Бийска. Раза два или три приезжал к нам и Лев Израилевич Квин. Когда он выступал, я с гордостью поглядывал на аудиторию: смотрите, мол, какой замечательный человек перед вами!.. А говорил Квин увлекательно!.. Особенно воодушевлялся он, когда встречался с детьми. Помню, выступая в одной из школ перед младшеклассниками, писатель пошутил по какому-то поводу:

- Меня все уважали, ведь я же все-таки Лев!..
- Ха-ха, - закатились ребятишки, оценивая игру слов: как здорово, что у такого доброго гостя имя - как у Царя зверей!..

Сегодня, когда я давно уже вузовский преподаватель, читаю лекции будущим педагогам, я гораздо глубже, как мне кажется, понимаю суть дарования Льва Израилевича: уже в те годы, когда детей прежде всего готовили к будущей профессии, общественно полезной жизни, он понимал детство как самоценность!.. Квин относился к ребенку как к личности, которой доступны невиданные прозрения, необычайные с точки зрения рационального мышления проникновения в глубины человеческой души... Американский психолог Тобин Харт, к примеру, только в начале XXI века стал во всеуслышание говорить об этом...

В детстве одной из моих любимых книжек была «Привет, Иошка!» Зачитываясь этим небольшим сборником рассказов, не обратил тогда, конечно, внимания на имя автора. Потом попались в руки «Побег Сани Петушкиова», «Сколько осталось до звонка?», «...Начинают и проигрывают» ... Так давным-давно началась и по сей день продолжается моя дружба с книгами Льва Квина.

Когда-то Самеда Бургана на одном из писательских семинаров попросили сделать обзор творчества молодых поэтов. Мэтр называл фамилии, цитировал, анализировал, а вот имени одного из с нетерпением ждущих «упомянутости» не назвал. Оправдывался потом: «Я ведь твои стихи помню, а вот фамилию забыл...» И начинающий (а это был Евг. Евтушенко) утешился: ведь главное - стихи-то запомнил!..

Поколения школьников узнавали сначала творчество Льва Израилевича, а уж потом - его имя и отчество. И, право же, хорошо, что получилось не наоборот, что его светлые, искренние рассказы вошли в жизнь мальчишек и девчонок не через «обязаловку» школьной программы, а ненавязчиво, естественно... Мы можем от души любоваться красивым цветком, отмечал Дж. Китс, но будем смотреть на него совершенно по-иному, если кто-то начнет настойчиво объяснять, почему этот цветок красив и что им нужно непременно восхищаться...

³³ Возчиков Вячеслав Анатольевич - доктор философских наук, профессор кафедры педагогики Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина, член Союза писателей России.

Если счастье - это самореализация личности, то для того, чтобы судьба человеческая состоялась, необходимо лишь наличие этих двух взаимосвязанных составляющих. Казалось бы, просто. Даже слишком просто. Но не верится почему-то, что из попавшего в джунгли или на необитаемый остров может сформироваться кто-то иной, кроме великовозрастного Маугли, какие бы сверхтворческие генетические программы не были в нем заложены изначально. Как ни крути, но прежде, чем человек сам начнет творить свою душу и поступки, он вольно или невольно впитывает дух окружающей его социально-общественной среды. И благо, если нравственные критерии последней окажутся основанными на народных традициях, а духовную ауру составят категории добра, чести, совести...

Думается, произведения Квина по праву - в числе формирующих ту духовную атмосферу, вне которой невозможно становление личности. И дело не только в писательском мастерстве. Талант - прежде всего работа души, и чем богаче, щедрее она - тем более будетозвучна людям. А это значит уже - пройти по земле Мастером, каким бы делом ни занимался...

Тому, что удалось сделать Льву Израилевичу в литературе, могут позавидовать многие авторы. Один только перечень изданных книг занял бы не одну страницу. Здесь и рассказы для детей, и приключенческая повесть «Экспресс следует в Будапешт», и роман «Звезды чужой стороны», и документальная повесть о людях Алтая «Характеры и судьбы»...

Пьесы Квина шли на сценах Барнаула, Новосибирска, Ташкента, Пярну, Львова и других городов. Издательство «Детская литература» выпустило в советское время несколько книг его переводов с латышского.

Квин - яркий очеркист, чьи публикации в журналах и сборниках принимались с неизменным интересом («Счастье - не залетная птица», «Азы науки и уроки жизни» и др.).

Обращение к творчеству писателей Латвии, пропаганда его, конечно же, не случайны. Квин родился в Риге 20 апреля 1922 года. С пятнадцати лет участвовал в работе подпольного Союза трудовой молодежи Латвии, был даже арестован охранкой, исключен из гимназии...

Прошел Великую Отечественную на Северо-Западном и 2-м Украинском фронтах, освобождал Венгрию, где и работал впоследствии. Приехал на Алтай после демобилизации в 1953-м уже с набросками первой повести «Экспресс следует в Будапешт».

Десятилетия творческой деятельности Квина не прошли незамеченными для критики - о его произведениях размышляли известные специалисты В. Курбатов, В. Горн, П. Забелин, С. Леонидов...

В 1995-м году в научно-издательском центре Бийского государственного педагогического института, где я работал тогда директором, мы издали в серии «50-летию народного подвига. 1941-1945» книгу Льва Квина «Живы будем - не помрем!..» О ней-то мне и хочется немного рассказать. В книгу вошел фрагмент из повести «... Начинают и проигрывают», рассказы «Пропавшая делегация», «Моя почетная грамота», «Известный рижский городской сумасшедший». Последний в

этом ряду стоит несколько особняком. И не только потому, что посвящен событиям послевоенным, сугубо мирным, писательским. В нем неизменный квиновский юмор словно пробивается и не может пробиться сквозь плотную пелену грусти, которой окутано все повествование. Здесь писатель по-прежнему мастер диалога, выразительной детали, но за яркими бытовыми сценами, которые в другом контексте вызвали бы веселую улыбку - горькие размышления о доле человеческой, передающиеся не назидательностью авторских отступлений, а через то настроение соучастия к иной судьбе, возникающее в душе читателя, верно уловившего смысловую тональность. И только в конце, словно лопается напряженно натянутая стилистическая струна:

«Напрасно пассажиры троллейбуса, следующего из района Агенскалнских сосен по направлению к центру, ищут глазами привычную массивную фигуру известного рижского городского сумасшедшего.

Его нет и не будет никогда.

Жаркое пламя больше не бушует в остывшей топке».

За три года знакомства с Эдуардом Салениеком - он и есть «известный рижский сумасшедший» - Квин перевел три его романа. Столько же Салениек подготовил новых. Авторская оценка переводчика - «Пальто, сшитое из лоскутов», «Второе пальто, сшитое из лоскутов», «Третье пальто, сшитое из лоскутов».

Это романы-воспоминания, продолжающие друг друга по времени, полные и горя, и смеха, и слез, настоящие шедевры латышской литературы послевоенных лет.

«Четвертое пальто, сшитое из лоскутов» осталось ненаписанным...» - образец концентрированной прозы, где за лаконизмом и отточенностью языка скрывается напряженная творческая работа.

В рассказе «Моя почетная грамота» Лев Квин - еще не уважаемый писатель, а отправляющийся из Венгрии в Москву по вызову ЦК ВЛКСМ - фронтовой офицер. По достоверным слухам - за почетной грамотой. Однако ситуация сложилась так, что вместо награды он едва не уехал назад со строгим выговором комсомольского бюро. А что произошло?.. Рассказ - не газетная статья, его трудно пересказывать!.. Потому лучше узнать обо всем от самого героя событий, попавшего из военной среды, где больше ценились умения и дела, чем красивые слова, на заседание начинающих отечественных чиновников, у которых оказались свои представления о справедливости и «понимании момента»...

Но, думается, главное достоинство рассказа не в сатирических нотках при описании того злополучного заседания - помпезных съездов, пленумов с юбилейно-елейными речами мы вдоволь насладились!.. Пока есть люди, не боящиеся отстаивать честь и достоинство, - всегда останется вера в страну, которую вытягивали и спасут впредь не краснобайственные ораторы и хитроумные комбинаторы, а истинные патриоты Отечества. Такие, как герои отрывка «Живы будем - не помрем!..» (из повести «...Начинают и проигрывают»).

Можно спорить, но мне больше всего запомнился образ доктора Куранова (говорю не о повести в целом - лишь о вошедшем в книгу фрагменте). Не давая воли

⁵ Лев Квин: страницы жизни...

чувствам, скрывая их за подчеркнутой жесткостью характера и обращения, он целеустремленно выполняет свое дело, чтобы поставить на ноги, сберечь жизнь Арвиду Ванагу, Виктору Клепикову и десяткам других молодых парней, оказавшихся в военном госпитале. Лишь через короткие реплики («В палате рядом умирает человек» в эпизоде с невыключенным радио и т.п.) пробивается душа этого человека, вбирающая в себя чужую боль...

Фрагмент о буднях госпиталя и рассказ «Пропавшая делегация» - это эпизоды Великой Отечественной войны глазами очевидца. Они были бы ценные сами по себе, однако Квин-прозаик не упрощает задачу, находя выразительные штрихи, чтобы на ограниченном повествовательном пространстве рассказа создавать колоритные образы подполковника Гуркина, патера Керкаи...

Сегодня, когда книжные прилавки заполнил зарубежный и отечественный ширпотреб, выход книг писателей-фронтовиков - всегда событие. Им, добывшим Победу, есть что рассказать на земле живущим... Уверен, найдется сейчас энтузиаст, патриот российской словесности, который решился бы выпустить в свет собрание сочинений Льва Израилевича Квина - такой предприниматель оказался бы не только в духовном, но и в материальном выигрыше!.. Дай Бог, свершиться такому благому, справедливому делу...

Хомич Э.П.³⁴ Детская проза Льва Квина: чтение для сердца и разума

Писателя Льва Квина мне открыл сам Лев Квин. Он вошел стремительно в студенческую аудиторию, куда собрался наш курс на встречу с писателем. Ироничный и лукавый в общении, Квин сразу завладел вниманием слушателей. Великолепный рассказчик, он сыпал примерами, именами и цитатами, делился замыслами, знакомил с изданными книгами, задавал вопросы, и сам на них отвечал. Ни дать ни взять - алтайский Ираклий Андроников. Сейчас подобный сценический эффект назвали бы позитивной энергетикой. А тогда было понятно всем, что перед нами литературно-образованный писатель и человек с безупречным чувством юмора.

Словно волшебник Квин наполнял обыденные слова особым звучанием, мистифицировал и завораживал, мастерски интриговал и откровенно гипнотизировал. Каждое слово будто смаковал, пробовал на вкус, а потом только произносил его в своей манере, в своей и только в своей неповторимой интонации. Озорно поглядывая в зал, каждое слово, как конфету, заворачивал в красивый фантик и жестом от сердца отсыпал в аудиторию. Может быть, поэтому после встречи на острие любопытства захотелось прочитать его книги немедленно.

³⁴ Хомич Эмилия Петровна - кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания литературы Алтайской государственной педагогической академии.

Сказать, что Квин не был похож ни на одного писателя из тех, кого мы знали, - ничего не сказать. На нем была печать «нездешности», какой-то особой интеллигентности, деликатной воспитанности. В разговоре «о времени и о себе» больше говорил о времени, о литературе, о товарищах по перу, а потом уж о себе. Помнится его байка о том, как распознать, насколько интересен слушателям выступающий перед ними оратор. Вот он критерий Квина: если по ходу выступления оратора вдруг послышится характерный звук падающих гардеробных номерков (в наше время они были достаточно крупными и алюминиевыми) - значит, читатель завоеван. Особенно четко это срабатывает в детской аудитории, - впоследствии я неоднократно в этом убеждалась. Минут через пятнадцать, после того, как Квин это поведал залу, один за другим с незначительным промежутком во времени посыпались наши номерки. Их звук был сопровожден общим смехом: смеялись в зале, смеялись на сцене. Непосредственно и заразительно смеялся автор-рассказчик. «Какой же он все-таки мальчишка», - подумалось наверняка не только мне. Присутствующие на встрече - все! - были в пленах его обаяния. Уверена, такие встречи писателя с читателями множили ряды поклонников его творчества.

Литература знает примеры, когда писатель-автор и писатель-демиург составляли неодолимое противоречие. Совсем другое дело Квин. В его прозе эти отношения более чем гармоничны. Помимо личностного фактора, который в этом случае заявлен очень ярко, это равновесие объясняют главная тема и адресатность его творчества. Квин - по преимуществу писатель детский. Есть такие писатели (например, Маршак), у которых не один, а два возраста. Один по паспорту - взрослый, другой детский - возраст души. Такой писатель должен уметь, как учил К.И. Чуковский, сбрасывать с себя взрослость, «выплеснуться из нее» и превратиться в сверстников тех, к кому он адресуется со своими произведениями. Книжными приемами такой трансформации он как художник слова владеет в совершенстве.

Лев Квин вошел в литературу в 60-е годы, в эпоху ее подъема, связанного с необходимостью решения общественных проблем новой антисталинской эпохи. В ряду первоочередных - воспитание молодежи.

В реформах воспитания власть взяла курс на педагогику, что, кстати, не противоречило природе детской литературы. В глазах руководителей она была единственной панацеей, с помощью которой пытались решить социально важные проблемы. Важные задачи не могли не озадачить писателей. Понятно, что их не могла не рефлектировать «вторая реальность» - литература. Тем более, детская литература, для которой педагогика была главной ее составляющей.

Что касается детской литературы, то она находилась в состоянии кризиса, который разделил писателей на два лагеря: одни, заявив о гражданской позиции, пытались изобразить сложное положение подростков, серьезные противоречия в детской и негативные тенденции в молодежной среде. Другие пошли по пути облегченных развлекательных произведений. «Глухой провинцией» назвал детскую

литературу «оттепели» один из критиков³⁵. «Сорваться эффектнее, чем устоять» - эти строчки поэта-шестидесятника вполне соотносимы с ситуацией, сложившейся в детской литературе. Забегая вперед, заметим, что Квин как раз из тех, кто устоял и нашел свой угол зрения.

Новым аксиологическим моментом для детской литературы стал выход повести М.С. Бременера «Пусть не сошлося с ответом!» (1956). Несмотря на отдельные художественные просчеты, книге суждено было стать заметным явлением литературы. Школьные истории - достаточно привычные истории для детской литературы. Однако в контексте рассматриваемого нами периода школьная тема детской литературы является еще и аналогом производственной темы «взрослой» литературы. Школьная повесть Бременера обнажила пафос ложного лицемерия в известной «совковой формуле» - «счастливое детство», что было как раз одним из моментов, на которые указал при обсуждении повести Л.А. Кассиль. Они, по его замечанию, «позволяют делать серьезные обобщения, идущие за пределы школы». Вслед за этим появилась статья «Воспитывать правдой», опубликованная «Литературной газетой», которая заставила говорить о детской литературе³⁶. Накалит атмосферу дискуссии следующая статья с не менее провокационным названием - «Две правды».

Квин не мог не знать о развернувшейся дискуссии. Не принимая в ней непосредственного участия, он отреагировал как писатель, имеющий свою позицию и лицо «не общего выражения». Одна из первых его книг для детей «Мальчишечьи тайны» (1956) органично вписалась в общий ряд произведений литературной «оттепели», заняв при этом свое индивидуальное место на «золотой полке» Алтая. «Мальчишечьи тайны» представляют собою цикл рассказов, объединенных названием, сюжетообразующим мотивом тайны и типологией персонажей, характерных для Квина. Вся его подростковая проза - художественный материк литературного детства, своеобразная онтология детства, «мальчишечий роман» (метатекст), в котором автор выступает в роли «доверенного лица» своих персонажей, «достоверно записавшего истории героев с их собственных слов, с краткими пояснениями и толкованиями без единой капли выдумки»³⁷.

Адресат «Мальчишечьих тайн» - читатель среднего школьного возраста - читатель-подросток. Совсем не случайно один из сборников писателя называется «До шестнадцати». Гендерная поэтика Квина исключает по отношению к подростку определение «трудный». Мальчишки - дети послевоенного времени - воплощают представления автора о личности ребенка. Знание и понимание детской психологии дает ему возможность проникнуть в секреты и тайны подростков. Война закончилась более лет десяти тому назад, и для подростка военные тайны не утратили актуальности: юных читателей всегда привлекают военные сюжеты. Описываемый Квином экстремальный опыт имеет четкую нормативную систему оценок: «свой»

³⁵ Фатеев А. Детская литература «оттепели»: «Две правды» (Фрагмент монографии «Стализм и детская литература. 1930-е - 1950-е гг.»)/ А. Фатеев// http://scepsis.ru/library/id_435.html

³⁶ Там же.

³⁷ Квин Л. «Было - не было». Повесть. - Барнаул, 1974. - С.3.

и «чужой». Стандарт оценок наследует и послевоенная (в том числе проза Квина) классика детства, в ней все оценки очевидны: кто враг, а кто свой.

Квин отдал предпочтение игровой поэтике детских сюжетов. Его парадигма «счастливое детство» имеет толкование, не совпадающее с общепринятым. Если детство не сохраняется как свойство, эквивалентное искренности, непосредственности и чистоте, то по мере взросления оно мельчает, становится проще и плосче.

Напряженность внутренней жизни подростков в психологическом ракурсе изображения позволяет писателю показать их скрытые достоинства. Они мечтают о подвиге, о возможностях его проявления. По романтической традиции тема подвига окрашена тайной. Масштабность планируемых подвигов иллюстрируют книжные примеры. Их хорошо знают начитанные персонажи. Чтение формирует их характер, при этом приобретенный книжный опыт не вступает в противоречие с повседневностью: детский мир открыт к восприятию и общению.

В подростковый набор литературной «оттепели» вошли книги о героях, мужественных людях и приключениях. Книга, обеспечивая мотивацию поведения подростка, вдохновляла его героическим опытом. Герои Квина - большие книгоочеи. Детство и книга тесно связаны в сознании книгоочеев, а потому мальчишечьи тайны имеют книжный подтекст. Канон детского чтения претерпевает неизбежную смену читаемых книг, дети-шестидесятники читают книги морального воздействия, герои которых являются их реальными современниками. «Я сел против репродуктора и стал слушать. Писатель рассказывал о человеке, который лежит неподвижно вот уже сколько времени, зрение почти совсем потерял, а все равно мужественно борется с болезнью и даже книгу стал писать о своей жизни...»³⁸. Комментарий отсутствует: читателю дается право узнать Н.Островского. Так реалии жизни становятся литературным фактом, книги оказываются источниками фантазий, а «темы» фантазий - продолжениями книг.

Квин - один из тех детских писателей, кто «вышел из школы Гайдара», его рассказы полны аллюзий «военной тайны», реминисценций «Школы», «Судьбы барабанщика», «Тимура и его команды». Писатель не поэтизирует романтику пионерской жизни или военную атрибутику, по этому пути пойдет, например, Владислав Крапивин. Квин и его герои, понимая исключительность экстрима войны, в послевоенных буднях находят другие источники героизма, преимущественно приключенческо-героического характера.

«Мальчишечьи тайны» - тайны самого разнообразного плана: задержание опасного преступника, план разведданных о «тайном незнакомце», разоблачение предателя, план побега на ударные стройки, тайна первой любви и др. «Тайна вертится на кончике языка, как раскаленный камень»³⁹, и не только герои военных сражений занимают их ум. Повод и пример для подражания читающий подросток находит в Записках Шерлока Холмса. На эту тему - «Правдивый рассказ о люби-

³⁸ Квин Л. «Мы, которые оболтусы...» // Квин Л. «Сколько осталось до звонка?». Повесть, рассказы. - Барнаул, 1967. - С. 17.

³⁹ Квин Л. «Мальчишечьи тайны». - Барнаул, 1956. С. 75.

теле приключений мальчике Геше, его верном друге Лене, их враге Тишке-Кишке и таинственном незнакомце «Д.П.». Пятиклассник Геша под впечатлением «Новейших приключений великого сыщика Шерлока Холмса» забывает про все на свете, так как занят разоблачением «одного таинственного человека», «хорошо замаскированного врага». Геша и метод свой разработал («психоарифметический») и научился, как «Великий сыщик», по почерку мгновенно определять характер⁴⁰. Каждый из подростков - большой выдумщик и фантазер. Он, если и «привирает, то самую чуточку» и делает это столь же виртуозно, как и персонаж детской книги - Барон Мюнхаузен. Так, например, пятиклассник Митяй сообщает «под страшным секретом, что он сын французского графа, потомок д'Артаньяна, отданный временно на воспитание в советскую семью»⁴¹.

Фантазийное мышление подростков - главный двигатель приключения в сюжетной интриге. Приключенческий аспект своих произведений писатель обязательно подчеркнет либо названием, либо подзаголовком: «+35° Приключения двух друзей в жаркой степи»⁴², «Было - не было. Совершенно невероятная история, происшедшая с двумя закадычными друзьями не в далекие сказочные времена, а в наши дни....». «И так у мальчишки всё приключения в голове», - констатируют диагноз взрослые и прячут от него книгу, источник этих фантазий. «Выдумщик этот Геша. Вечно у него какие-то тайны», - с недоверием смотрят на Гешу одноклассники, а глаза их «загораются жадным любопытством»⁴³. «Жадное любопытство» в другом рассказе станет поводом для побега от скучной повседневности на целину («Саня Петушков на целине») или на место археологических раскопок («+35° Приключения двух друзей в жаркой степи»).

Герои Великой Отечественной войны, мужественные люди, разведчики, сыщики, мушкетеры - парадный ряд идеалов подростка Квина. Если для детства фантазии типичны, если они захватывают ребенка и становятся для него важнее реальности⁴⁴, то у Квина это типологическое качество детства имеет свои подробности: реальность корректируется детьми в соответствии с их представлением (чаще книжным) о том, какой должна быть действительность. Поведение подростков при этом исключает аддиктивность любого проявления. Они всего лишь «оболтусы», и сами это знают. Взрослый мир (воспринимаемая подростком действительность) в глазах писателя не выглядит идеальным, а потому подвергается детской критике, но критика эта не деструктивна. Более критично к проявлениям авторитарной взрослой педагогики настроен автор, нежели его персонажи.

Таким образом, общий ход повествования прозы Льва Квина и его тональность говорят о том, что автор - не ангажированный писатель, по «пионерскому заказу» или «по творческому зову сердца» не пишет. Будучи «бойцом идеологического

⁴⁰ Квин Л. «Мальчишечьи тайны». - Барнаул, 1956. С. 67.

⁴¹ Квин Л. «Мы, которые оболтусы...» // Квин Л. «Сколько осталось до звонка?». Повесть, рассказы. - Барнаул, 1967. С. 28.

⁴² Квин Л. «+35° Приключения двух друзей в жаркой степи». - Новосибирск, 1965.

⁴³ Квин Л. «Мальчишечьи тайны». - Барнаул, 1956. С. 74-75.

⁴⁴ Чтение: новые аспекты исследования // НАО. - 2010. - № 102. - С. 269-315.

фронта» в силу своей профессии, Квин, безусловно, не свободен от советских идеологических штампов, но конформизму при этом не принимает. Пример Квина показателен в том отношении, что парадигма «счастливое детство» перестает быть единственным правилом для всех. Квин играет только на своем поле и по своим правилам. Может быть, поэтому в его книгах нет тенденциозности, нет навязчивых идеологий. Квину близка послевоенная литература 60-х, которая, продолжая разрабатывать тему военного детства (Ю. Богомолов «Иван»), осваивает новые формы ее изображения и показывает ребенка в ситуации войны. Среди них повести Ю. Козлова («Юрка Гусь»), Р. Погодина («Живи, солдат»), В. Голявкина («Полосы на окнах») и др. Писатель отказывается от схемы героического ребенка и изображения страданий детей в условиях тыла. Для него важнее уйти от трагических переживаний, помочь детям послевоенного времени адаптироваться к мирной жизни. Персонажей писателя отличают романтические черты: преданность мечте, верность идеалам, понимание дружбы как единения родственных душ. Настроение действующих лиц соответствует эмоциональному климату эпохи, читатели Квина имеют возможность узнать себя в них: «мы как герои, герои как мы». Местоимение «мы» превалирует над местоимением «я», как и число множественное над числом единственным: «Мальчишечи тайны», «Мы, которые оболтусы...», «Друзья идут в ногу», «Озорники», «Комсомольцы всегда в строю», «С нами не соскучишься!» и др. Подростков Квина беспокоят собственные возможности, поэтому они анализируют свои поступки, советуются с друзьями: «Как ты думаешь, Севрюга, со мной можно идти в разведку?» - спрашивает друга главный герой Петя Томилин⁴⁵. Разговор двух друзей построен по-мужски, здесь и дружеская солидарность, и поддержка, и уважение к мнению другого. Имея чувство собственного достоинства, они способны отстоять право на уважение к себе: «Я ведь тоже человек. Такой же, как все. Ну, может, только чуть поменьше ростом»⁴⁶, «Ах так, мы тебе не люди, а пятаки! В отместку я не стал брать билет. Так и ехал бесплатником почти до самой школы»⁴⁷. Петя Томилин - авторизованный персонаж, ему писатель доверяет повествование. Это, с одной стороны, усиливает эффект достоверности, а, с другой, создает единство эмоционального фона, что в свою очередь обеспечивает атмосферу дружелюбия и комфортности.

Вечная проблема детской литературы «отцы и дети» разрешается автором бесконфликтно, поскольку позиция детей выглядит убедительной в глазах взрослых, а у читателей она вызывает уважение. А вот взрослые, на взгляд маленьких сыщиков и повествователя, ведут себя неубедительно. «Они очень смешные и наивные, мама с папой, когда хотят что-нибудь утаить. Переглядываются много-значительно, перемигиваются, и только привлекают внимание»⁴⁸. «Странные люди родители. Ругают нас - они беспокоятся. Хвалят - тоже беспокоятся. Сами

⁴⁵ Квин Л. «Мы, которые оболтусы...» / Л. Квин // Квин Л. «Сколько осталось до звонка?». Повесть, рассказы. - Барнаул, 1967. С. 95.

⁴⁶ Квин Л. «+35° Приключения двух друзей в жаркой степи». - Новосибирск, 1965. С. 168.

⁴⁷ Квин Л. «Мы, которые оболтусы...» / Л. Квин // Квин Л. «Сколько осталось до звонка?». Повесть, рассказы. - Барнаул, 1967. С. 24.

⁴⁸ Там же. С. 13.

себе заботы придумывают» [там же]. Внешне невыразительные и незаметные (в структуре персонажа внешность не актуализирована автором) мальчишки Квина привлекают реальной самооценкой, чувством социальной справедливости, принципиальностью и честностью позиции, и она - вариант нормы, духовного здоровья - без надрыва и изломов. Персонажи писателя - действующие лица, т.е. проявляющие себя в поступках, а поступают они в соответствии с кодексом чести, который, как и этикет дружбы, входит в поэтику и определяет специфику квиновских рассказов. Нравственная доминанта образа подростка и хронотоп его детства светлый, не отягощенный материей быта, не замкнуты, а открыты навстречу будущему. В этом отношении он - духовный близнец подростка Анатолия Алексина. Два мира (взрослый и детский) создают двоемирие детства, но оно лишено враждебности.

Есть определенная креативность Квина в структурной организации «школьных историй». Школа и пионерское детство - привычная атрибутика подростковой прозы - у Квина занимают достаточно скромное место. Образ детства связан с позитивным авторским видением жизни. Очевидно, что в актуальную культуру автора не входит концепт «счастливое детство», канонический для советской классики. Повествование отличает «автобиографическое освещение», поступки персонажей оцениваются им с позиций личного жизненного опыта, его эстетического отношения к действительности. Героям генетически передается порядочность, интеллигентность, дружелюбие и человеческое обаяние автора, который в большинстве случаев доверяет своим персонажам повествование. А самое главное, как отметит критика, мальчишки ощутили у автора «неподдельный, такой же, как у них, неутомимый интерес к жизни ... такое же жизнерадостное мироощущение...». Духовное единение автора и его героев - результат авторского доверия и уважительного отношения как к детским персонажам, так и к их сверстникам читателям.

Проза Квина лишина назидательности, в ней нет набора штампов классики пионерского детства, идеализации или разоблачения пионерской действительности. Для подростка основными реалиями действительности были дом и школа. Обе реальности изображены Квином «дистанционно». Традиционно школа в изображении детских писателей обычно являлась главной площадкой, на которой разворачивались события сюжета, и была главным инструментом педагогики воспитания. Дом, семья в «пионерской литературе» по функциям назидательности не уступали школе. В разрез с традицией дом в прозе Квина - как светлое здание детства - спокойный и уютный, в него всегда возвращаются дети. Сюжетные коллизии развиваются, как правило, на фоне позитивных отношений между родителями и детьми. Да и у учителей, как оказалось, не только отрицательные, но и «положительные качества есть»⁴⁹. Важно здесь то, что автором найдены возможности счастливых отношений двух миров - учителя и ученика, родителей и детей. Авторская установка на позитив, авторский голос как камертон внутренней искренности, тайны внут-

⁴⁹ Квин Л. «Мы, которые оболтусы...» // Квин Л. «Сколько осталось до звонка?». Повесть, рассказы. - Барнаул, 1967. С. 25.

ренней архитектоники и игровая динамика интриги являются составной частью достоинств произведений для детей, гедонистических по реализации и «веселых» в интонационном звучании, а значит здоровье сберегающих.

Все это позволяет говорить о нерастраченной актуальности творчества писателя. Книги Квина и сегодня - достойный предмет детского чтения для сердца и разума и не менее достойный материал историко-литературного исследования.

Ефименко В.С.⁵⁰ **Радостные встречи**

В 1966 году я пришла на работу в городской Дворец пионеров заведующей политико-массовым отделом. При Дворце работали несколько клубов, кружков и студий. Литературную студию «Родничок» вел поэт Геннадий Петрович Панов. Для ребят устраивали различные мероприятия. Частыми гостями были алтайские писатели, в том числе Лев Израилевич Квин. Он и сам принимал активное участие в организации и проведении творческих встреч с писателями, Недели детской книги, подготовке литературно-музыкальных композиций и т.д. Особо запомнилась встреча с приглашенными им ленинградскими писателями Д.И. Леваневским, П.Н. Ойфой, Е.А. Вечтомовой, приезжавшими на Алтай в 1970-е годы.

Л.И. Квин помогал в организации встреч с передовыми людьми Алтайского края. Среди них Варвара Максимовна Бахолдина (трактористка № 2 Советского Союза, училась вместе с Пашей Ангелиной в академии им. Тимирязева), Алексей Георгиевич Мороз (алтайский «Штирлиц») и другие.

В те годы методистом городского Дворца пионеров по интернациональному воспитанию работала Людмила Андреевна Бондарева. А клубом интернациональной дружбы «Мир» руководил Черешнев Евгений Георгиевич. Члены клуба вели переписку с 14 странами мира. На занятиях присутствовал и Л.И. Квин. Он помогал ребятам правильно написать письма, чтобы они были разнообразными и интересными, подсказывал тематику.

КИД «Мир» переписывался, например, с Индирай Ганди, которая была на Алтае и в своих письмах ребятам писала, что Алтай напоминает ей её родину - Кашмир. После поездки на Кубу делегации учителей, в составе которой была директор Дворца Альбина Ефимовна Щипицина, ребята переписывались с Фиделем Кастро и кубинскими детьми. Л.И. Квин был инициатором встреч кружковцев со студентами Барнаульского индустриально-педагогического техникума, приехавшими в наш город из стран Азии и Африки.

Был при Дворце и клуб юных филатelistов. Устраивались краевые и городские выставки марок, конвертов, открыток с оригинальными марками, объединенные названиями «Их судьбы связаны с Алтаем», «Судьба семьи в судьбе страны», «Сыны Алтая и Отечества», а также индивидуальные выставки «О космосе»,

⁵⁰ Ефименко Валентина Степановна - педагог, ветеран труда, отличник народного просвещения, отличник Всероссийского добровольного пожарного общества.

«О транспорте» и т.д. Как заядлый филателист, Лев Израилевич входил в состав жюри и оргкомитета таких выставок. Он всегда помогал ребятам разрабатывать их темы, учил делать обзоры коллекций.

Репортажи о всех этих мероприятиях помещались в малоформатной газете «Барабан», которую выпускали юные корреспонденты клуба (руководитель Людмила Егоровна Рыбкина) при участии Льва Израилевича Квина.

Для ребят встречи с Львом Израилевичем были очень радостными и желанными. Они ждали их с нетерпением. Ведь он никогда не навязывал своего мнения, а всегда помогал ценными советами, делился полезной информацией, подсказывал и подбадривал, если было необходимо. Лев Израилевич был для них примером.

Зароченцева Т.П.⁵¹ Он был лучшим руководителем

Читая в 1950-е годы книги Льва Израилевича Квина «Мальчишечьи тайны» и «Город не спит» я даже не подозревала, что когда-нибудь буду работать под руководством этого замечательного писателя.

До февраля 1981 года в нашем крае не было организации, кроме Алтайского книжного издательства, где бы наши писатели могли получать какие-то деньги за свое творчество. В городе Новосибирске на тот момент уже существовала хозрасчетная организация Бюро пропаганды художественной литературы, и писатели, встречаясь с читателями на предприятиях, могли зарабатывать - одно выступление оценивалось в 15 рублей. Именно Лев Израилевич Квин, будучи ответственным секретарем Алтайской краевой писательской организации, решил и у нас создать БПХЛ. Он набрал штат из трех человек - Свинцов В.Б. (руководитель), Казаков В.Л. (уполномоченный), а на должность главного бухгалтера пригласил меня. Тогда мне было 29 лет. Очень хорошо запомнилась первая поездка в Новосибирское бюро пропаганды художественной литературы для обмена опытом работы. Ехали мы на писательской «Волге», в днище которой зияла большая дыра. Если бы это было летом, возможно и внимания не обратили, а на календаре февраль - ветер гуляет в салоне. Несмотря на это, Лев Израилевич всю дорогу шутил. Он был очень наблюдательным, внимательным, добрым, умным, заботливым человеком. Ни при каких обстоятельствах не повышал голос. Работалось с ним всегда легко. Лев Израилевич очень любил порядок и в работе, и на рабочих местах. На субботниках он не стеснялся мыть свой кабинет, окна, стены, пол и при этом всегда шутил и улыбался. Приходил он в Союз, так коротко мы называли свою писательскую организацию, ровно в 15 часов, к этому времени все его задания были нами выполнены. Вечером он собирал нас, составляли план работы на следующий день и так день за днем. Все было четко и понятно. Казалось, что ты защищен от всех неприятностей, да оно и на самом деле так было. Ко всем Лев Израилевич обращался на Вы. «Танечка, Вы сделали мне отчет?».

⁵¹ Зароченцева Татьяна Петровна - бухгалтер Алтайского бюро пропаганды художественной литературы, Алтайской краевой писательской организации.

Лев Израилевич занимался спортом, ходил пешком по городу.

Вспоминаю, как в то время строго рекомендовали наших литераторов в члены Союза писателей СССР. Квин собирал бюро организации, писателей для обсуждения рукописей. Например, он неоднократно говорил Владимиру Борисовичу Свинцову: «Вам, Володенька, рановато в Союз, надо поработать над собой еще». И Владимир Борисович не обижался, однако многим это было неприятно, они сердились, но в дальнейшем это давало положительный и качественный результат. Наверное, потому книги тех лет и тех писателей - и поэзию и прозу, можно с удовольствием читать и перечитывать.

Лев Израилевич работал не только на писательском поприще. С 1988 года он возглавлял Алтайское краевое отделение советского фонда милосердия и здоровья. Я тоже, чем могла, помогала одиноким, больным и престарелым гражданам, инвалидам, ветеранам войны и труда. Оказывали финансовую помощь также вдовам умерших писателей. Лев Израилевич Квин был председателем правления Союза писателей СССР. Я бывала на его встречах с читателями, он умел держать аудиторию, его можно было слушать бесконечно. Часто рассказывал о своей жизни, о Великой Отечественной войне, участником которой он был, о друзьях из Австрии, о своем творчестве.

Проработав 30 лет в Алтайской краевой писательской организации, где должность ответственного секретаря была выборной, лучшего руководителя, чем Лев Израилевич, я не помню.

Захаров В.С.⁵² Шедрость таланта

На сцене Алтайского краевого ТЮЗа в разные годы ставились пять спектаклей по пьесам Льва Израилевича Квина. Из этих пяти я был занят как актер в спектакле «Высоко в синем небе» (роль майора Нуждина) и в остросюжетной комедии для более юной аудитории «Кругом шпионы» (роль Штурмфюрера).

Первую читку своих пьес для коллектива исполнителей Лев Израилевич проводил сам. Он читал громко, ясно, эмоционально и, увлекаясь, иногда даже «играл» за своих персонажей. Безупречная дикция, «баритональный» голос, передающий все оттенки персонажей - этот голос я, кажется, слышу сейчас, когда вспоминаю облик этого прекрасного человека, талантливого драматурга, понимавшего театр и как чуткий зритель, и как автор успешно шедших на сцене драматических произведений.

Перед читкой пьесы «Высоко в синем небе» Лев Израилевич рассказал о том, как сестра Героя Советского Союза летчика-штурмовика старшего лейтенанта Ивана Гулькина передала дневники и письма героя ему, писателю Л. Квину, и что именно с этих писем, со страниц дневников, погибшего накануне Дня Победы летчика, и зародился замысел написать пьесу для театра о ярком и необыкновенном пути паренька из Барнаула в авиацию, в небо, о котором он мечтал с детства.

⁵² Захаров Виктор Степанович - режиссер, актер театра.

Подлинному Ивану Гулькину запретили даже думать об авиации из-за болезни глаз, но Иван сумел преодолеть и свой недуг, и заключений врачей, и неверие инструкторов летной школы. Лев Израилевич без пафоса, но тепло и проникновенно приводил удивительные случаи из жизни Ивана, читал отдельные строки из его дневников, которые поражали нас, актеров, острой наблюдательностью и силой духа юного совсем еще паренька.

В спектакле были заняты человек 20-25, в основном молодежная часть коллектива ТЮЗа, и после такого вступления все воспринимали пьесу (совсем не документально отражающую судьбу героя Ивана Гулькина), как рассказ о жизни очень близкого человека.

Во время работы над текстом пьесы, конечно, режиссер требовал изменить некоторые эпизоды, а какие-то сцены даже убрать, например, эпизод с имитацией полета Ивана Голубева (так звали героя пьесы) со стрелком-радистом в кабинете штурмовика Ил-2, подвела техника. И можно себе представить, как болезненно автор воспринимал вмешательство в текст пьесы и «вырезку» целых эпизодов. Но я не помню, чтобы Лев Израилевич устраивал скандал при нас, актерах. Безусловно, в кабинете главного режиссера были жаркие споры, но на репетициях Квин был сдержан и редко «напрямую», минуя режиссера, делал какие-то замечания. Он давал советы, как правильно носить форму, какой реквизит соответствовал военному времени. И если ему что-то не нравилось в игре актеров, то он об этом говорил режиссеру прежде всего. Режиссер Захар Исаакович Китай в процессе работы переводил жанр пьесы из «документальной драмы» в жанр, близкий к «плакатному»: добавились стихи поэтов-фронтовиков, близких по духу автору пьесы. Постановка имела успех и на премьере, и в последующие несколько лет жизни спектакля на сцене ТЮЗа, и на гастролях.

Исполнитель главной роли Ивана Голубева - актер Георгий Георгиевич Асатиани стал лауреатом премии Ленинского комсомола Алтая.

Лев Израилевич всегда был расположен дружелюбно к собеседнику, никогда я не видел его раздражительным. Он запомнился мне улычивым, открытым человеком, никакого высокомерия к нам, тогда 20-25-летним «тюзовским» актерам. Притом, что он был уже известным писателем.

Моя первая встреча с ним состоялась до репетиций спектакля «Высоко в синем небе». В ТЮЗе выпускался спектакль по пьесе-сказке С. Прокофьевской «Сапожник и Принцесса», в постановке режиссера Валентины Зайцевой. В спектакле были заняты молодые актеры, в том числе и я. Мы посчитали спектакль неудачным, плохо спретированым, пьесу слабой по сюжету и были против показа зрителям. Но на генеральную репетицию, вернее, на одну из генеральных репетиций пригласили Л.И. Квина. Главный режиссер театра В.И. Черник после репетиции собрал исполнителей, представил нам Льва Квина, и попросил писателя высказать свои впечатления как зрителя о спектакле. И вот что осталось в памяти от той встречи: взрывной, яркий и даже не пересказ увиденного, а целый «букет» впечатлений! Лев Израилевич соскачивал со стула, падал на колено, негодовал на зло, что проявлялось в сказке и восхищался актерскими работами, смеялся сам, рассказывая

о смешном. Мы, актеры, как будто в нем одном увидели весь зрительный зал, и сомнения наши отпали, мы с увлечением довели работу над сказкой до конца, и играли потом «Сапожника» несколько сезонов.

Моя вторая встреча с драматургом Л. Квином состоялась на спектакле «Кругом шпионы». Спектакль был решен в гротесковом стиле. Действие пьесы происходило во время Великой Отечественной войны в тылу у гитлеровцев. Действующие лица - подростки-партизаны и офицеры немецкой армии. У меня была роль невысокого чина из войск СС. Первую читку пьесы проводил сам Лев Израилевич, помню, мы часто смеялись, слушая текст, нам очень понравился сюжет. После чтения Квин попросил высказать свои впечатления и замечания, и что-то заносил в свою записную книжку. Спорил с нами, если был не согласен с чем-то, разъяснял, почему возникал тот или иной сюжетный ход и т.д.

Режиссером был Шабалин Виталий Иванович, режиссер с большим чувством юмора, и спектакль изначально был решен в комедийном ключе. Шабалин много придумывал смешных трюков. Мы, актеры, с удовольствием приносили свои «придумки» и фокусы. Удачным мы радовались, и нашу радость разделял с нами автор - Лев Квин. Он на премьере смеялся вместе со зрителями, благодарил нас всех - и актеров, и технический состав театра - за доброе и творческое содружество.

Надо сказать, что Лев Израилевич очень хорошо чувствовал детский зрительный зал. Он был очень щедрый человек, в пьесы вкладывал душу, искренность, желание рассказать интересное и важное для ребенка, и это всегда отзывалось в зрительном зале.

«Киднап - игра для крепких нервов» и спектакль «Мальчишка должен быть наказан» я видел как зритель. И как зритель, и как актер я всегда вспоминаю Льва Квина как человека, подарившего мне новый творческий импульс, открывавшего для меня новые страницы в жизни, в профессии, в осмыслиении окружающего мира.

Квин З.В.⁵³ 50 лет и 4 месяца. Срок порядочныЙ!

Дорогой мой, а ведь мы с тобой могли бы и не встретиться. Ты родился в Риге, я - в Москве. Да и граница была «на замке». Во время войны ты был на Северо-Западном фронте, в латышской дивизии, а я - в армейской газете «За родину» 2-го Украинского фронта. Но у Судьбы свои планы и порядки. Пока наша тяжело груженная истрапанная редакционная машина спешила по таким же истрапанным дорогам следом за наступавшими, а порой и отступавшими войсками, ты успел на своем Северо-Западном фронте схватить ранение, пролечиться в госпитале, отучиться на ускоренных офицерских курсах в Военной академии им. Фрунзе, эвакуированной из Ленинграда в тыл, подать рапорт с просьбой распределить тебя в родную латышскую дивизию.

⁵³ Квин Зоя Владимировна - вдова писателя Л.И. Квина.

Но Судьба оказалась шутницей. Она туда послала твоего однокашника по академии - он настойчиво просился в свою часть на Украинский фронт. Вот так мы и оказались на одном фронте.

Когда позже вспоминали те времена, вдруг обнаруживалось, что иногда наши пути совпадали. Как-то Квин с пленными оказался на пути большой группы немцев, пытавшихся прорваться из окружения, а нараввавшихся на наше свеженькое пополнение на марше. Через несколько часов наша машина следовала по этой же дороге.

Другой раз мы в одной деревне остановились рядом. Эту деревню я помню. А тебя, прости, - нет.

А вот в 44-м году, когда я была 8 марта на встрече женщин-фронтовичек, мы вполне могли бы познакомиться. Но и тут не случилось.

Измотавшись за два года в редакции - газету делали ночью, не всегда удавалось поспать днем, если было наступление войск, - я перешла в 7-й отдел по работе среди войск и населения противника.

После окончания войны часть войск с Запада перебросили на Восток помогать добивать Квантунскую армию. Майор Гуркин (он был начальник части) выпросил Квина. И вот тогда мы стали работать вместе, в одном коллективе. Это было в Будапеште.

Через наш отдел прошло много интересных людей - коммунистов-подпольщиков разных национальностей, возвращающихся в разные страны.

Лев Квин, зная несколько иностранных языков и имея опыт работы с молодежью в латышском подполье, по просьбе ЦК комсомола был нештатным референтом по работе с венгерской молодежью, а позже и Австрии. Мне же пришлось срочно научиться печатать на машинке. Выхода не было. А раз не было - скоропостижно, до головной боли - выучилась.

Как-то начальству потребовалось встретиться с членами венгерского правительства. Организовать эту встречу поручили майору Гуркину. И он с целью конспирации придумал устроить нашу свадьбу. Всем идея понравилась. Однако в мои планы замужество не входило. Война только кончилась и - здрасте вам! Я, можно сказать, и не жила еще вольной жизнью.

«Ах, как жаль!» - сказал Гуркин, уважая и даже любя нас обоих. «Ну что ж, давайте сыграем фиктивную свадьбу... Вот в сентябре и сотворим».

А в сентябре в Венгрии состоялись выборы и коммунисты проиграли. Тут уж конечно не до свадьбы. Но у нас с Левой было много общих обязанностей, и мы как-то постепенно начали «притираться» друг к другу. Свадьба все-таки состоялась. И совсем не фиктивная. Были приглашены министр иностранных дел Венгрии, мэр города Будапешта Ваш Золтан, военный комендант генерал Замерцэв и еще два генерала, которых я не знала. Все они вместе с Гуркиным в его кабинете и решали свои дела. Гостей было много - и русскоязычных, и иностранцев.

Через год, в 1946, у нас родился сын Анатолий. Но не думайте, что на этом Судьба-шутница успокоилась. А так как сотрудников не хватало, то я стала ра-

ботать по «срочным вызовам». Жили мы уже не в отделе, а на частной квартире. И когда меня вызывали в отдел, хозяйка присматривала за сыном. Хозяйки уже нет, а с ее дочерью я переписываюсь, до сих пор остались очень теплые отношения.

В Венгрии мы проработали еще некоторое время, пережив ужасную инфляцию, когда пенго (тогдашняя валюта) падал в цене каждый час, доходил до триллиона. Но все-таки стабилизировалась валюта довольно быстро, и стала называться форинтом.

Через несколько месяцев наш отдел перевели в Австрию. Однако вскоре Венгерский союз молодежи попросил Леву вернуться обратно. И началось наше «кочевье»: Австрия - Венгрия - Австрия - опять Венгрия и так далее. К счастью, у меня всегда была работа, то в советской газете на венгерском языке «Уй Со», то в Дунайском пароходстве, то еще где-то. В каждой стране у сына были няньки и говорить он начал то на венгерском, то на немецком, то, запутавшись окончательно, вообще замолчал.

Настало время, когда Судьбе надоели ее шутки, и мы остались в Вене. В Австрии уже не было тех американских солдат, которые воевали и с которыми у нас были дружеские отношения. Вместо них прибыли молодчики, не нюхавшие пороха. Шла холодная война. Страна была разделена на 4 части: американскую, английскую, французскую и советскую. Образовали Союзническую контрольную комиссию (СКК), куда плавно перешел наш отдел. Я так и работала, а Леву перевели в газету на немецком языке. Так продолжалось несколько лет.

А в 1950 году наступило время, когда мы могли ехать домой - в Россию. В Москве у меня была жилплощадь на броне. Леве предлагали пару мест. Он выбрал Бобруйск - газету танковой дивизии «Защитник Родины». В этой газете и мне нашлось mestечко.

В Бобруйске мы прожили несколько лет, там родилась дочь Наташа, Лева начал писать книги. Когда в 1953 году газету расформировали, у него уже были готовы рукописи двух книг - «Экспресс следует в Будапешт» и «В те дни». Должны были дать новое назначение, но оставаться в армии ему не хотелось. Москва удовлетворила просьбу об отставке. У нас возник выбор куда ехать. Я не хотела в Латвию, он не хотел в Москву. Наши близкие родственники погибли в годы войны. А у нас был девиз: «Хоть на Северный полюс, но всей семьей!»

Посоветовавшись в ЦК комсомола, где ему сказали, что на Алтае ожидаются «большие дела», и, посмотрев по карте СССР, где же Алтай находится, мы решили: Ну что ж. Если «большие дела» - это интересно!

Лева съездил в Барнаул посмотреть, что к чему. В «молодежке» (тогда газета называлась «Сталинская смена»), где он планировал работать, коллектив ему понравился. А «большими делами» - стало начавшееся в 1954 году освоение целинных земель.

В Барнауле у нас не было ни родных, ни знакомых, но перемещаться необремененные вещами мы привыкли. Взяв детей - Толю первоклассника и полутораго-

довалую Наташу - в декабре 1953 года мы поехали туда, как думали, ненадолго, а оказалось навсегда.

- О, какая красота! Сколько снега, а мороз-то какой! Вот это да!!! Такого мы еще в жизни не видели. Так мы отреагировали, увидев Алтай.

Лева оставил нас на вокзале, а сам пошел в крайком добывать машину. Машину дали, и мы благополучно добрались до гостиницы, где нас уже ждали.

В комнате стояло три кровати. На одной спал Лева с Толей, на другой я с Наташей, а на третьей молодой улыбчивый лейтенант - полпред с «Трансмаша».

Предстояло искать жилье.

Но Судьба молодец! Она подкинула нам поддома без хозяев, где мы прожили года два. Потом началось наше барнаульское «кочевье».

Уезжая на Алтай, Квин зашел в «Детгиз» и оставил рукопись «В те дни». Ее издали в 1956 году. А «Экспресс следует в Будапешт» он принес в Алтайское книжное издательство. И вышла она в 1955 году.

Это был почин. И с тех пор, произведения выходили из-под пера почти каждый год - книги, пьесы, переводы. И все это издавалось и становилось.

Работал он над произведениями своеобразно: сначала, будь то рассказ, повесть или пьеса, произведение складывалось в голове. В это время он занимался массой других дел. И только когда считал, что в голове все готово - садился за письменный стол. Писал он мелким неразборчивым почерком и в тот же день должен был отдиктовать, чтобы я напечатала на машинке, потому что на следующий день и сам с трудом мог разобрать свою рукопись. В удобствах не нуждался, писал, где придется - на подоконнике, на даче в углу на полу, последнюю книгу «Улица королевы Вильгельмины» (изданную посмертно) он написал в Севастополе у моря, сидя на скамейке.

Характер у Левы был вспыльчивый, но как у всех вспыльчивых людей - отходчивый. Он любил наблюдать людей, считая, что человек - это самое интересное, с его психологией, взглядами на окружающий мир.

Он был обязательным, организованным, трудолюбивым, не терпящим сплетен - в таких случаях он сразу выяснял обстоятельства. И все приходило в норму. За все годы, что мы прожили вместе, я никогда не видела его унылым или брюзжащим. Веселым - да, остроумным - да, не лез в карман за словом - да, душой компании, но не пьяной - да.

Мы прожили с ним 50 лет и ровно 4 месяца: 27 октября 1945 года нас зарегистрировали в Будапеште в советском консульстве, а 27 февраля 1996 года он скончался.

Я бы прожила с ним еще две таких, пусть нелегких, как все наше время, жизни. И все кажется, что он тут, во мне.

Козлов Ю.Я.⁵⁴ **Многим обязан ему**

Летом 1964 года я сотрудничал с газетой «Бийский рабочий», и как мы делали тогда, с утра до обеда бегал по городу в поисках «строчек» в очередной номер. Поиск привел меня в Управление дороги Новосибирск-Бийск-Ташанта. В коридоре я увидел стенд с фотографиями ударников коммунистического труда. Среди бравых работяг и немного смущенных служащих я разглядел портрет пожилого мужчины, причесанного явно пятерней. «Филат Тихонович Мальцев, ремонтёр», - прочел я подпись. У первого же сотрудника управления узнал, что Мальцеву исполнилось 90 лет и что он еще бодр и хорошо содержит свой участок дороги. Жил и работал Мальцев на 477 километре, близ Курая, в казенном доме.

В ту пору от журналистов требовалось найти необыкновенного работящего человека, чье имя еще не известно широко, но может служить примером для других. Мальцев подходил под это условие: он пережил трех царей, был чуть младше Ленина и старше Сталина, и трудился до седых волос, не выходя на заслуженную пенсию.

В сентябре я поехал к нему, и впервые увидел Чуйский тракт. Он поразил меня величием окружающих гор, красотой природы и назиданием - сколь мал человек на их фоне. Ехал я с шофером - чуйцем Бийского автотранса Николаем Беляевым. Где-то уже за Семой он вдруг запел песенку о Кольке Снегиреве, влюбленном в красавицу Раю. Я спросил, реальное ли это лицо - Снегирев? Беляев ответил, что его отец, старый чуец, был знаком с ним лично, но Николай погибнет, сорвавшись с машиной в Чую или Катунь, не помню теперь. История меня заинтересовала. Потребуется шесть лет, чтоб докопаться до истины.

Поговорив с Филатом Тихоновичем, я вернулся в Бийск, «отписался» за командировку, напечатал свой отчет в «Бийском рабочем», а время спустя - в «Алтайской правде», и бросился по адресам старых чуйцев искать следы Снегирева.

Так возникла серия рассказов- очерков «Есть над Чуей рекою дорога». Строкой выше я назвал несуществующий литературный жанр - «рассказ- очерк», но признаюсь, так оно и есть. Шоферы излагали мне свое видение события, думаю, не строго хроникально. Это давало и мне право добавить кое-что от себя в угоду сюжету и композиции.

В декабре 1970 года, работая уже в «Молодежи Алтая», я перечитал все свои сочинения о чуйцах и Снегиреве, чуть расширил их и с замиранием сердца понес в Алтайское книжное издательство. Повторяю, в декабре! А вскоре после нового года ко мне подошел поэт Геннадий Панов и сказал, что видел на столе редактора А.С. Треккова закрытую рецензию Льва Квина на мою рукопись.

- Лев Израилевич рекомендует ее к изданию, - сказал Геннадий. - Поздравляю. Если это делает Квин, книга обязательно выйдет.

И она вышла сразу после майских праздников. По резерву, через полгода после того, как легла на стол редактора.

⁵⁴ Козлов Юрий Яковлевич - журналист, член Союза писателей СССР.

Это был успех. И я обязан им во многом Квину.

А недавно я случайно наткнулся в своих бумагах на такую же закрытую рецензию Л.Квина, написанную в 1987 году на мою четвертую рукопись повести «Обыденка». Рецензент не оставил от нее камня на камне. Он даже постыдил меня за некоторое снижение качества писания и закончил: не годится, надо еще работать и работать; кому дано - с того спрос. Я переписал «Обыденку» заново. Не знаю, кто в издательстве рецензировал ее, но думаю, что все тот же Лев Израилевич. Он читал первый вариант, кому же другому дать на читку второй?

И повесть пошла. И неожиданно для меня дошла до МВД СССР и мне присудили единственную ежегодную премию в области литературы. Вслед за Казачинским, Вас. Ардаматским, Юлианом Семеновым, братьями Вайнераами, Николаем Леоновым.

Так что, в некотором роде Квин был моим поводырем. Наставником. Требовательным, умным, деликатным и беспощадным.

Он был великолепен перед читательской аудиторией. Говорил, не навязывая своих суждений, но облекал их в интересные формы, и убежден, те встречи помнятся людям до сих пор. Даже когда его поднимали на высокую сцену клуба или Дворца культуры, он умел оставаться в партере, где сидели его слушатели. Он не заносился, не строил из себя нечто богом отмеченное, но и не опускался на одну доску с гопниками, которых всегда водилось на Руси в больших количествах.

Квин любил вспоминать казусный случай в школе. Он отговорил свое, спрашивает: вопросы ко мне будут? И тут руку поднял мальчик:

- Что у тебя? Какой вопрос?

- Попить можно? - И показал глазами на графин перед Квином.

Лев Израилевич всегда находил язык, чтобы поговорить с мальчишками. В его творчестве видное место занимает подростковая повесть, рассказ. Он с уважением относился к тем, которые оболтусы, понимая, что время излечивает от неразумных поступков. Оболтусы понимали его, верили и охотно собирались послушать, когда он появляется в школе.

Квин с Кудиновым начали Шукшинские чтения. Первые, вторые проводили писатели Алтая. Когда молва о чтениях докатилась до столицы, оттуда ринулся легион актеров. Они «смяли» писателей, заняли все время и внимание на Пикете. Сцена - их среда обитания. Они на ней как рыба в воде, непринужденно выдают монологи из спектаклей за свои слова и чувства.

Квин очень переживал этот факт, разговаривал с работниками управления культуры. А ему отвечали: вон какие величины приезжают. Но ведь и Квин величина. Его книги выходили в Барнауле, Новосибирске, Москве. Его пьесы шли в театрах Сибири. Он был не местечковым литератором, а писателем в полном смысле этого слова. За что же такой плевок? От чиновника, который тем и тешится, что может запретить или помиловать, не создав ни одной ценности. Лев Толстой не жил в Москве. Лев Квин тоже не жил в Москве, но, как и всякий писатель, он был властелином человеческих душ. У каждого писателя есть свой читатель.

Всякий раз перед возвращением домой из частых командировок по линии Бюро пропаганды литературы, Лев Израилевич звонил домой:

- Зоя, буду сегодня к вечеру. Так что, готовь ужин.
Услышав этот разговор, Вильям Озолин сказал.
- Очень правильно делает. А то явишься, а у тебя на диване другой возлегает.
Он, конечно, же, шутил. И шутил, как всегда толково.

Перестройка оглушила нас всех. И не все ее перенесли. Уходили по два, по три писателя в год. И я не верю, что причиной кончины Льва Израилевича была пневмония и разрядившаяся батарейка сердечного стимулятора. Разгром страны, за которую Квин сидел в латвийской кутузке, до присоединения Латвии к СССР; страны, за которую он успешно воевал с фашистами позже, сломали в нем что-то жизненно важное, не известное пока широко.

КриВоносов Я.Е.⁵⁵ Когти Льва

В начале мая 1959 года из Барнаула выехала так называемая пропагандистская группа крайкома партии, предназначавшаяся для поддержания духа трудового энтузиазма на весеннем севе. Возглавлял ее лектор крайкома. В крытом брезентом кузове грузовика три недели качались: писатель Лев Израилевич Квин, художник Геннадий Тарский и я, менее года назад окончивший Московский библиотечный институт и состоявший в должности инспектора по клубным учреждениям краевого управления культуры. До этого мы не были лично знакомы. Тарский всего несколько лет назад приехал на Алтай после завершения учебы в Латвийской академии художеств, был молчалив, только смущенно улыбался. Лев Израилевич в свои тридцать семь лет был многоопытным ветераном борьбы с фашизмом, с которым вступил в схватку раньше большинства советских людей с юношеских лет в Риге, где к концу тридцатых годов установилась диктатура Ульманиса. Комсомольское подполье, тюрьма, из которой его освободили советские войска, Великая Отечественная война «от звонка до звонка». К тому времени он выпустил уже несколько книг, был принят в члены Союза писателей. Естественно, он солировал в нашем шатком домике. Вызвал Геннадия на разговор о Риге, где Квин родился и провел детство, а Тарский недавно учился. Из меня выудил рассказы о малоизвестных достопримечательностях Москвы, сообщив, что скоро в свои без малого сорок лет уедет туда учиться, на Высшие литературные курсы. Okазалось, мне было что вспомнить: на институтских каникулах я работал экскурсоводом в пионерском лагере, возил на автобусе детишек в Шереметьевский дворец в Останкино, в загородную усадьбу, где провел детство М.Ю. Лермонтов, в летнюю царскую резиденцию в Коломенском, подвизался в обслуге Всемирного фестиваля молодежи в 1957 году в Москве. Квин с юмором рассказывал о довоенном детстве, о том, как по ночам слушали по радио Москву, как на основе сообщений оттуда писали листовки и расклеивали их по городу. О днях победы в Вене, о журналистике в первые послевоенные дни. Но что для меня было загадкой тогда и

⁵⁵ КриВоносов Яков Егорович - краевед.

остается тайной сегодня: он избегал разговоров о своих боевых делах. Где воевал, в каких войсках - молчок.

Нам не повезло с погодой. Разверзлись хляби небесные. От самого Барнаула по презенту барабанил дождь. Пока переправлялись через Обь по pontонному мосту (автодорожного тогда еще не было), пока ехали по Новосибирской гравированной трассе, не беспокоились, но стоило свернуть на грунтовку, как вскоре врюхались в грязь. Пришлось толкать машину. Квин предусмотрительно был обут в офицерские сапоги. А мы с Геннадием сразу начерпали в свои ботинки. Я в ближайшем сельмаге приобрел кирзовые сапоги и кусок материи на портнянки. А Геннадий не сдавался до конца поездки, хотя заметно скис.

В одном месте нас выдернул из лошины счастливо подвернувшийся смешливый парень на ДТ-54. Я пошутил: «Ты пошто такой веселой?» (Словами из частушки). Тракторист ответил с ехидцей: то, что для вас, интеллигентов, мука, для нас подарок небесный. Сей в грязь, будешь князь. Квин уже в кузове откомментировал: «А мы едем им дух поднимать!».

Лев Израилевич подбадривал нас фронтовым кличем: прорвемся! Это был принесённый им из боев воинский завет и послание нашему поколению, символизирующий волю к преодолению. Впоследствии довелось убедиться, что этот завет имеет жестокие свойства. Много лет спустя, когда я был инструктором сектора культуры крайкома партии, который «курировал» писательскую организацию, Квин утверждался редактором альманаха «Алтай». В полагающейся тогда беседе с ним, мы сказали, что получаем жалобы писателей, особенно начинающих, на затяжки с ответом на присланые в редакцию альманаха письма с рукописями. Часто просто «ни ответа, ни привета». Через некоторое время Лев Израилевич сообщил: «почистил» портфель редакции. Раздал рукописи писателям, с просьбой тщательно проанализировать их. Произведения отосланы авторам, в большинстве случаев без обещания публикации. Я усомнился: не слишком ли это жестоко. Он ответил, что непременной составной настоящего таланта считает его пробивную силу. Гений прорвется!

Мы тогда проехали по селам трех районов: Краюшкинского (теперь Первомайский), Сорокинского (ныне Заринский), Кытмановского. Мне довелось неоднократно слушать выступления Квина перед детьми в школах, перед взрослыми в клубах и библиотеках. Он увлекательно рассказывал о новых книгах советских и алтайских писателей, о своем творчестве. С первых минут средствами юмора он умел преодолеть душевное расстояние между заезжим городским дядей и сельчанами, казалось, запросто общается с ними «свой в доску».

Неожиданно, он и мне помог. Одно из заданий, что я должен был выполнять, было обучение местных культработников использованию технических средств агитации на севе. Я возил с собой новое тогда, а теперь начисто забытое, чудо техники - эпидиаскоп. Кроме демонстрации диафильмов, он позволял показывать на экране рисунки, сделанные на бумаге. Вместе с работниками клубов мы выпускали световые газеты и демонстрировали их перед киносеансами. Рассказывали о ходе посевных работ в крае, районе, селе, хвалили передовиков, критиковали от-

стающих. Пояснительные тексты записывали на магнитофон. Они должны быть краткими и выразительными. Лев Израилевич послушал как-то один из выпусков, добровольно взялся редактировать их. Рисунки обычно делали или художник-оформитель районного Дома культуры, или школьный учитель рисования. Я пытался привлечь Тарского, но он сказал, что карикатуры не его призвание. Однажды мы коллективно старались над очередным номером светогазеты, веселились вовсю, придумывая дружеские шаржи и карикатуры, кабинет сотрясался от хохота. Присутствовавшие там Квин и Тарский не заметили, как заразились азартной игрой. Сначала писатель стал предлагать свои варианты. Потом и художник взялся изображать придуманное нами.

Геннадий в свободное время пытался уговорить писателя позировать для портрета, но тот всячески отлынивал. Возможно потому, что художник по терминологии тех лет был «суровым реалистом». В одной из деревень к нему привели в читальный зал библиотеки передовую доярку, довольно симпатичную. Некоторое время он изображал ее углем на большом листе бумаги, да отлучился покурить. Женщина кинулась посмотреть, как он её нарисовал. Произнесла: «Ведьма патлатая...» и сбежала «доить коров». Насколько мне известно, Квин и позже отказывался позировать. Как рассказал художник Ю. Кабанов, он тоже пытался запечатлеть его для потомства, но тот отшутился: «Рисуйте классиков алтайской литературы...»

Честно говоря, до этой встречи я прочитал всего одну его книгу - «Палатки в степи». Она запомнилась талантом писать необычно и занимательно о серьезном. И впоследствии с выходом каждой его книги приходилось убеждаться, что, несмотря на их веселость, часто детективный, приключенческий характер, они никогда не отличались пустым зубоскальством, развлекательностью. В них в добротной художественной форме всегда содержалось не назидательное и не прямолинейное нравоучение.

Он был одним из немногих алтайских писателей, кто мог безбедно прожить на гонорары, нигде не подрабатывая. Ему на счет «капали» отчисления от спектаклей, идущих в разных городах страны, перечислялись суммы за переводы детских книг из московских и зарубежных издательств. Поговаривали даже, что Квин «советский миллионер».

Постановки его пьес «Чудак-человек» в крайдрамтеатре, «Высоко в синем небе» в театре юного зрителя были несомненными событиями в культурной жизни Барнаула. Мне довелось еще в рукописи читать его остроумнейшую пьесу для детей «Киднап - игра для крепких нервов». Умерший американский миллионер завещал свое наследство родственнику - советскому пионеру. Мальчик с падкой на халяву мамой выезжает в Америку, чтобы вступить в свои права. Там и совершается киднап - похищение ребенка его родственниками. Но завещание оказывается своеобразным кукишем, миллионер был шутником. С постановкой пьесы, на мой взгляд, сильно не повезло. В ТЮЗе в восьмидесятые годы разразился кризис с режиссерами.

Лев Израилевич, засидевшись за писательским столом, прогуливался и к концу рабочего дня захаживал ко мне на работу «поговорить». Кроме «роскоши обще-

ния» я пользовался этими встречами с корыстной целью. Дело в том, что он был по неофициальной терминологии того времени «лидер чтения». В стране тысячи писателей, книги издаются миллионными тиражами. Что покупать, не напоровшись на макулатуру? Лев Израилевич часто ездил в Москву, общался с большим числом любителей чтения, знал, о чем нынче спорят. Кроме того, по указанию крайкома партии членов Союза писателей «приписали» к крупным магазинам, где они могли покупать дефицитные книги. Его советами, к примеру, пользовался взятый книгочей - секретарь крайкома партии, потом председатель крайисполкома, кандидат наук В.Т. Мищенко. После ухода на пенсию он возглавил коллектив ученых, подготовивший двухтомную Энциклопедию Алтайского края.

Однажды мы оказались в соавторах. Книжное издательство подготовило публицистическую книгу о проблемах трудового воспитания и дисциплины для подростков «Школа успеха». Своими раздумьями делились рабочий, директор завода, ученый, журналист. Квин написал рассказ - притчу о том, как недисциплинированность одного подпольщика стала причиной гибели другого. Я припоминал народные истоки и уроки трудолюбия и самодисциплины. Лев Израилевич пошутил, что нам остается теперь вместе написать что-нибудь под псевдонимом ЯковЛев.

Лев Квин был общителен, учтив и дружелюбен. Однако его товарищ по литературному поприщу, ветеран Великой Отечественной войны, Марк Юдалевич не для красного словца свою документальную книгу воспоминаний, где есть глава о Квине, назвал «Однополчане». С «молодых юных лет» комсомолец Квин вступил в ряды борцов, коммунист Квин был бойцом Второй мировой и «холодной» войн. Образно говоря, когда требовалось, мог из мягких кошачьих лап Льва, выпустить цепкие когти.

Кудинов И.П.⁵⁶ **Время опавших листьев**

Я погружаюсь в прошлое - как в сон.
Г. Франк

Знакомство с Львом Квином вышло двойным - и позже нас это позабавило. А получилось так. Зимой 1955 года, в середине декабря, после четырехлетней службы на Тихоокеанском флоте, вернулся я в Барнаул. Позади остались Русский остров (Школа оружия), вспомогательный корабль №26 (бывший японский эскортный эсминец «Хацудзакура», полученный флотом по reparации) и флагманский крейсер «Каганович», на котором больше двух лет прослужил я ответ-секретарем корабельной многотиражки «Вперед», вовсю печатаясь в те годы во флотской газете «Боевая вахта».

Вот с этим «багажом» и вернулся. А что дальше? Чем заниматься - вопроса не было: работать в газете! Но где, в какой газете? Да в какой угодно и где угодно -

⁵⁶ Кудинов Иван Павлович - член Союза журналистов, член Союза писателей СССР.

хоть у дьявола на куличках! - такое было желание. Чертовски хотелось работать, как скажет позже один известный политик, наш сибиряк, между прочим. И я, движимый этим чувством, не дожидаясь близкого нового года, сложил пачечкой вырезки из «Боевой вахты» со своими флотскими публикациями и отправился в краевую молодежную газету «Сталинская смена», тогда она была еще «сталинской» и размещалась на улице Горького, 39, в левом крыле первого этажа крайкома комсомола - теперь там, кажется, какой-то банк...

Принял меня редактор, Петр Васильевич Скиба. Внимательно выслушал. Полистал пачечку флотских моих опусов, прижал их ладонью, будто боясь упустить, и великодушно кивнул:

- Оставь. Посмотрим. А дня через два заходи, - глянул на календарик под стеклом на столе и уточнил: - Давай в пятницу. - И почти без всякого перехода спросил: - Ну, а где бы ты еще хотел работать, если у нас не получится?

Меня тронула его озабоченность, но и насторожили слова «если у нас не получится». Значит, может не получиться, и он, добрая душа, исподволь готовит меня к этому... но ведь может и получиться! Иначе зачем тянуть с ответом, мог бы сразу дать от ворот поворот - нет, отложил до пятницы. Однако посоветовал:

- Но ты, на всякий случай, зайди в сектор печати крайкома партии. Знаешь, где он находится? - Да, говорю, конечно, знаю, у меня даже стишок, написанный еще в школьные годы, начинался так: «Барнаул, здесь с детства мне знакомы Ленина проспект и здание крайкома». - Тем более! - улыбнулся Скиба. И предложил: - Давай так. Я сейчас позвоню в сектор и все утрясу, - он быстренько снял трубку, трижды крутнул диск телефонного аппарата (тогда Барнаул обходился еще трехзначными номерами), кто-то ему ответил, и Скиба, перекинувшись парой неких ритуально-пустых фраз, перешел к делу и разом все «утряс», положил трубку и весело посмотрел на меня: - Значит, так: завтра к девяти утра будь в крайкоме. Поднимешься на третий этаж, в сектор печати, там тебя встретит и приветит товарищ Квин, - именно так я рассыпал эту звучную и знакомую мне фамилию по недавно прочитанной книге. И удивился немало, чуточку был даже ошарашен тем, что завтра смогу увидеть автора приглянувшейся мне повести. - Ну, до пятницы! - напутственно кивнул Скиба. И я, благодарный за столь неслыханное внимание и поддержку, на крыльях вылетел из редакции, сбежал по крутым ступенькам на улицу Горького, повернул налево, потом еще раз налево, на улицу Анатолия, и вскоре был у проспекта Ленина, на противоположной стороне которого (угол проспекта и улицы Анатолия) высилось довольно солидное по тем временам четырехэтажное здание крайкома. Топаю по бульвару проспекта, предновогодние тополя в серебряно-белой опуши, снег под ногами поет и похрустывает, а из головы не выходит: «Надо же, как интересно! Оказывается, Квин работает в крайкоме...»

Нет, Квина я никогда не видел и ничего о нем не знал, но фамилию твердо запомнил, короткую и звучную, как звон корабельной рымды.

Три дня назад зашел в книжную лавку и увидел на стенде небольшую, в мягкой обложке и с интригующе броским названием книжку: «Экспресс следует в Будапешт. Приключенческая повесть. Лев Квин» - именно в таком порядке бросилось

в глаза. Книга была издана в Барнауле, что и подкупило меня окончательно, приобрел я ее без лишних колебаний - и в тот же день, можно сказать, в один присест проглотил полторы сотни с гаком страниц, открыв для себя новое имя.

Раньше, еще до призыва на флот, таким же образом познакомился я с поэтом Иваном Фроловым, знал наизусть его прекрасную «Кулунду», успел к тому времени прочитать повести Николая Дворцова «Мы живем на Алтае» и Анны Киселевой «Алтайские робинзоны», не говоря уже о повести «Маргарита Васильевна», опубликованной в альманахе «Алтай», автором которой был директор нашей Поваралихинской средней школы Василий Федорович Куликов...

И вот теперь - Лев Квин. Тогда я еще не знал, что повесть «Экспресс следует в Будапешт» - первая книга Квина. Это потом, спустя годы, мы будем подшучивать над ним - экспресс, мол, следовал в Будапешт, а застрял в Барнауле.

А тогда мне одно было ясно: завтра утром, в девять ноль-ноль, я должен явиться в сектор печати крайкома, где, по словам редактора «молодежки» Петра Скибы, встретит и приветит меня Квин. Но приветит ли? И поможет ли определиться в какую-либо из газет - городских, районных или, на худой конец, в заводскую многотиражку... Хотя в душе я надеялся, что автор столь занимательной и веселой повести «худого конца» не допустит.

И наутро, как штык, ровно в девять, я уже был в крайкоме. Поднялся на третий этаж. Отыскал дверь с нужной табличкой и шагнул в кабинет, опахнувший меня теплом.

Напротив окна за столом сидел суровый на вид человек - и я догадался: Квин. Он встал и вышел навстречу, пожал мне руку, но не представился - да в том, как видно, и не было нужды: коли явился к нему на прием, стало быть, знаю с кем имею дело. Он был высок, широкоплеч, брутально резкая складка над переносием выдавала в нем характер жесткий, но голос оказался приветливым и располагающимся мягким.

- Военная точность, - глянув на часы, похвалил он меня. И кивнул на стул: - Садитесь. А я уже информирован. Скиба звонил. Значит, вы служили на Тихом? Работали в корабельной многотиражке? Что ж, опыт дело хорошее. А в «районках» сотрудников недогруз - так что выбор у вас обширный, - обнадежил и как бы позвал он меня в даль несусветную. - Хотите в предгорные районы? - обернулся и ткнул пальцем куда-то в правый угол висевшей на стене за его спиной карты. - Вот вам Чарышский, Солонешенский, Алтайский... Желаете видеть степь - вот вам Кулунда, Благовещенка... Целина там распахана, как говорится, от горизонта до горизонта. Выбирайте. Но лучше запишите десяток районов - и хорошенъко подумайте, все взвесьте. А когда надумаете - заходите, и мы с вами конкретно все обмозгуем, обговорим и чин чином оформим.

Так я и сделал. Записал десять районов, теперь не помню каких, но, кажется, Кулундинский и Чарышский стояли первыми.

Однако в запасе моем и еще один шанс теплился. И в пятницу, как и было условлено, отправился я на улицу Горького, в «Сталинскую смену». Скиба встретил меня вопросом:

- Ну, хвастайся: был в секторе печати? Надеюсь, не впустую?
- Нет, не впустую, - осторожненько говорю. - Квин предложил десять районов на выбор, - последнее произношу так, будто сам под собою срубаю сук. Скиба посмотрел на меня как-то странно и недоверчиво переспросил:
- Кто, кто предложил? Какой Квин!.. Ты что-то путаешь, братец. Как мог Квин оказаться в крайкоме, если его уже две недели как нет в Барнауле.
- Но вы же сказали, Квин меня встретит... - обескураженно выдавил я, наверное, в тот миг натурально похожий на «прочих гостей» из гоголевской комедии, которые от избытка растерянности осталбенели в немой сцене.
- Да не называл я Квина! - засмеялся Скиба. - Я же говорил - встретит и приветит тебя товарищ Кин... Это инструктор сектора печати, душа-человек. А Квин, между прочим, до недавних пор был заместителем редактора нашей газеты. Но сейчас он в Москве - там у него новая книга выходит, в «Детгизе». Думаю, скоро он уладит издательские дела - и к Новому году вернется. Так что будет возможность познакомиться с настоящим Квином, - выделив слово «настоящим», хитренъко посмотрел на меня. И как-то разом, будто обрубив концы, перешел к главному: - А теперь о твоем деле, - при этих словах он взял лежащую перед ним пачечку газетных моих вырезок (наверное, подготовил заранее) и протянул через стол: - Держи. Могут еще пригодиться. Хорошие материалы - но все это прошлое. А нас завтрашний день волнует. Давай так, - неожиданно повернул. - Сколько там остается до нового года - всего ничего, мизер какой-то, потому и огород городить не стоит. Отыхай пока, - подчеркнуто буднично и как о чем-то давно и твердо решенном сказал. - А вот 3 января 1956 года изволь явиться на службу. Побудешь пока в отделе пропаганды, у Виктора Головинского, поработаешь с ним... Виктор отличный газетчик, ленинградец. Они там вдвоем с другим ленинградцем - Глебом Горышиным. Но Горышин сейчас болен, у него какие-то нелады с ногами... - Скиба, как мне показалось, чего-то недоговаривал. - Так что третьего января - прямиком в отдел. А с Головинским, думаю, вы найдете общий язык.

* * *

Так неожиданно и круто повернулась моя жизнь. И Квин тут не сбоку припека. Познакомились мы вскоре, где-то в середине января, и несколько необычно. Помню, как-то утром засели мы с Головинским за свои столы и занялись делами срочными: я вычитывал с машинки статью из цикла «Конкретная экономика» (рубрику эту, на правах моего куратора, подкинул Головинский), а Виктор спешно дописывал концовку очерка о залесовском председателе-тридцатицатицентнернике, у которого побывал накануне. Тогда, в середине пятидесятых, в стране развернулась очередная кампания, подвигнутая самим Никитой Сергеевичем: тридцать тысяч высококвалифицированных специалистов-аграрников добровольно поехали в глубинные села руководить колхозами. Одним из них и был герой очерка Виктора Головинского.

Сидим, углубленно работаем. Вдруг дверь распахивается, и в комнату бесшумно влетает невысокий и весьма симпатичный, по-офицерски подтянутый и как бы весь изнутри светящийся, улыбчиво-розовый человек.

- Привет! - делает он рукой отмашку и направляется к Головинскому, говоря на ходу: - Что это у вас такая жара, батареи перегрелись? Открыли бы форточку, - я подумал, что это сам домоуправ явился проверить наличие тепла, а «домоуправ» между тем поздоровался с Головинским и повернулся ко мне, обаятельно шурясь: - А мы, кажется, где-то встречались? - загадочно произнес и, подойдя ближе, руку протянул: - Квин.

Вот это было знакомство - настоящее! Посмеялись мы от души. И стало понятно, что Квин успел побывать у редактора, и Скиба, душа нараспашку, выложил ему всю подноготную моего похода в сектор печати крайкома, этой смешной, почти детективной, но скорее приключенческой (в духе самого Квина) истории с двумя созвучными фамилиями.

- Да ты не горюй, - успокаивал он меня, явно подтрунивая.- Кин еще более известная фамилия. Читал роман Виктора Кина «По ту сторону»?

Ответить я не успел.

- Кин, между прочим, не настоящая фамилия, а псевдоним, - опережающе и как бы походя вставил Головинский, не отрывая пера от бумаги.

- А настоящая? - быстро и весело глянул на него Квин.

- А настоящая Суровикин, - спокойно сказал Виктор, дописывая последнюю фразу и ставя точку в своем «председательском» очерке.

* * *

Давно сказано: каждому времени - свои песни. Завершался второй год целинной эпопеи - и новая песня уже вошла в обиход, привычно звучала по всей стране, маршево бодрая и призывная: «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я...» Стихи написал молодой московский поэт Эдмунд Иодковский, а на музыку их положил известный в то время композитор Вано Мурадели, автор еще одного, не менее «бодрого и призывного» шлягера «Партия - наш рулевой»...

Иодковского пару раз видел я в нашей редакции, нескладно высокого, худущего, в больших роговых очках. Он забегал к Ивану Фролову, литконсультанту «молодежки», со своими стихами. Надо сказать, Иван Ефимович нешибко жаловал заletных «лириков», как он их называл, многие из которых, по его мнению, ехали сюда лишь затем, чтобы застолбить актуальную тему и отметиться - дескать, и мы пахали... Но Иодковский, в отличие от многих, имел в своем поэтическом багаже известную песню - что само за себя говорило. Однако «новоселом» поэт продержался недолго - и вскоре уехал, оставив Ивану Фролову подборку своих «целинных» стихов. Одно из них, можно сказать, заглавное начиналось обжигающей, как степной суховей, строкой: «В Постпелихе хлеба поспели...» И чуткий к слову Иван Фролов, слегка потешаясь, мгновенно добавил к этой строке другую, бьющую, как говорится, не в бровь, а в глаз: «Но мы убрать их не успели!»

Двустишие мигом подхватили в редакции, строчки стали крылатыми. И порицательно-едкими по отношению к тем, кто по той или иной причине смахивал, дал слабину... Таких было немало! Но еще больше было других - которые в условиях трудных, подчас и вовсе невыносимых, сохраняли выдержку и

продолжали работать, совершая свой незаметный подвиг: пахали землю, выращивали хлеб, возводили в степи новые поселки, создавали семьи...

Вот в этой «буче, боевой и кипучей» оказался и Лев Квин. Более того, на Алтай он приехал загодя, в конце 1953 года, когда о «покорении целины» и речи еще не шло. И не один приехал, налегке, с рюкзаком за спиной, а всем семейством - основательно и навсегда.

Но как же он угадал, что именно здесь, на Алтае, ждут его события такого размаха, и угодил к их началу - как? - спросил я однажды Квина, когда мы изрядно и поработали рядом, и познакомились ближе. «Да никакой тут загадки, - сказал он, весело щурясь и привычным жестом касаясь двумя пальцами кончика носа. - Мы действительно знали - куда едем и какие события ждут нас в ближайшее время. А случилось все просто. Летом 53-го я демобилизовался, попрощался с чудесной Веной, приехал в Москву - и чуть ли не с поезда отправился на Новую площадь, в ЦК комсомола, где работал мой давний приятель... Вот он-то и надоумил меня ехать на Алтай. Сказал, что весной 1954 года развернется там, на Алтае, такие грандиозные работы по освоению целинных и залежных земель - небу жарко будет!.. Так вот все и решилось», - коротко заключил. «А Вена? - вернулся я его назад. - Как вы там оказались, если не секрет?» Он улыбнулся, обаятельно щурясь: «Да никакого секрета. Служба. Я же офицер. Четыре послевоенных года прослужил в Будапеште и столько же в Австрии».

Признаюсь, больше я никогда - за все сорок лет нашей совместной службы литературной - об этом его не спрашивал. Да и сам он всуе, насколько я знаю, не касался этой темы. Хотя мог бы, перефразируя классика, сказать, что вся его биография - в его книгах. Так оно и есть: во многих рассказах, повестях и особенно в романах «Город не спит», «Звезды чужой стороны» и «Ржавый капкан на зеленом поле», как в зеркале, отражается облик, характер, судьба самого автора, что делает романы еще более живыми и достоверными.

Но это скорее - сегодняшний взгляд.

А тогда, во второй половине одержимо-бурных 50-х, довелось мне быть свидетелем и видеть своими глазами начало литературной стези Льва Квина, человека необычайной энергии, моторного, как он сам говорил, легкого на подъем. Работать не покладая рук! - это о нем сказано. Так он и работал. Помнится, едва разошелся (в конце 1955 года) тираж первой его книги, а «Детгиз» уже подготовил и выпустил в 1956 году новую повесть его «В те дни». И тут же, почти одновременно, в том же году, на Алтае вышел сборник рассказов «Мальчишечки тайны».

А Квин между тем уже исколесил Кулундинскую степь, готовя цикл новых рассказов, живых, непридуманных, прямо с колес, что называется, но пронизанных все той же приключенческой страстью.

Книга «Палатки в степи» была издана «Детгизом» в 1957 году. И следом за ней, в том же 57-м, вышло еще две книги: сборник рассказов «Озорники» в Новосибирске и повесть «Тени исчезают на рассвете» в Барнауле.

Шесть книг за два года! Согласитесь, работоспособность невероятная. И как результат - иначе и быть не могло: в том же 1957 году Лев Квин стал членом Союза

писателей СССР, примкнув теперь уже полноправно к не столь еще «могучей кучке» известных на Алтае писателей - Ивана Фролова, Николая Дворцова, Николая Павлова (автора первого алтайского романа «Конструкторы»), Марка Юдалевича... И Квин среди них не затерялся.

Он был человек даровитый, незаурядный во всем: касалось ли это литературной работы, общения с людьми или той же филателии, которой он увлекался многие годы, или вдруг возникшего интереса к технике - быстро освоил автомобиль, а затем разгоревшейся страсти к телевидению, которое только-только зарождалось на Алтае, и Лев Квин тому немало способствовал...

Однако видимые эти разбросанность и всеядность не шли вразрез с его творчеством - книги всегда оставались для него главным занятием, не профессией даже, а, если хотите, судьбой. Ни дня без строчки! - это о нем сказано. Тому подтверждение и книги Льва Квина, которые продолжал он издавать с той же неизменной последовательностью, из года в год - в Москве, Барнауле, Новосибирске, Ташкенте, Будапеште... А точка была поставлена книгой (сорок девятой по счету, если верить статистике) «Улица королевы Вильгельмины: повесть о странностях времени», вышедшей в последний год его жизни, но, кажется, он ее уже не увидел и не успел подержать в руках...

Вспомним и еще одну интересную ипостась Льва Квина: он ведь столь же серьезно и переводами занимался. И не с подстрочниками работал, как часто это делают переводчики, а с живыми, оригинальными текстами, что позволяла ему полиглотская широта. Помимо русского, если не ошибаюсь, Лев Израилевич хорошо знал еще три языка - латышский, немецкий и венгерский. Книги в его переводах издавались, как правило, только в Москве и нас они обходили стороной, а сам он по этой части нешибко распространялся.

* * *

Год 1956 выдался високосным. И событий в нем поворотных случилось немало. Лицо для меня этот год стал знаковым - с него началась моя штатная работа в краевой газете.

А для всей страны выпало пережить момент небывалого потрясения.

В конце февраля завершил работу длившийся почти две недели XX съезд КПСС, на закрытом заседании которого выступил Хрущев со своим сокрушительно анти-сталинским докладом, разоблачая кульп личности чуть ли не самого Бога. Такого поворота никто не ожидал - и резонанс был невероятный! Казалось, враз и навсегда порушились незыблемо прочные устои - и дальше идти некуда.

Но мы продолжали жить и работать. Трудно было поверить во все случившееся, однако свежий оттепельный ветер уже коснулся наших душ, а сознание наше, как оказалось, давно готово к этому. И когда стало известно, что газета «Сталинская смена» должна переименоваться - никто, уверяю вас, ни один человек в редакции не уронил слезу и вздохом малейшим не пожалел об утрате «сталинского» логотипа. Мы приняли это как должное. А вскоре газета получила новое имя, простое и точное - «Молодежь Алтая». Название сразу и всем понравилось, начиная от ре-

дактора и кончая редакционными машинистками Лидой и Валентиной Андроновой. Здорово получилось! Это вам не какая-то безлико зашоренная «сталинская» смена и даже не узко местечковый «комсомолец» Кузбасса, как у наших соседей, а молодежь Алтая.

Энтузиазму нашему не было предела. Чертовски хотелось работать - и хорошо работать! К тому же и на летучке редакционной сказано было твердо: газета должна поменять не только название, но и свое лицо! Иными словами, иметь не общего лица выраженье, а свой облик, свое направление.

А делать газету в ту пору было кому! Тогда, в «целинные» годы, костяк «молодежки» составляли питерцы, так они величали себя: Виктор Головинский, Олег Петров, Глеб Горышин + Роза Копылова, маленькая, изящная и хрупкая, как японская миниатюра, но писавшая по-мужски жестко, смело и остро, поднимая такие проблемы, круги от которых расходились по всему Алтаю. Иногда после бурных ее публикаций в «верхах» начинало слегка штормить. Тучи сгущались над нашими головами. Казалось, вот-вот последуют выводы - и газету либо прикроют, либо, в худшем случае, снова переименуют в «сталинскую», а миниатюрно изящную Розу сошлют в Нарым, где болота трясинные, а то и вовсе на Колыму... Нет, не сослали! И газету не тронули.

Шла «оттепельная» весна пятьдесят шестого года.

Но даже и в этой великолепной питерской связке Виктор Головинский заметно выделялся. Он был по-пришински вдумчив и углублен, любил природу, ценил слово. Газетные очерки Виктора казались мне совершенством. Думаю, не случайно Головинского приметила и хотела «приютить» самая популярная в те годы газета «Комсомольская правда».

Помню приезд спецкора этой газеты Бориса Панкина (будущего главреда «Комсомолки», а еще позже, в канун бурных 90-х, чуть ли не последнего министра иностранных дел СССР - Бориса Дмитриевича Панкина), и они с Головинским, сидя друг против друга, едва не касаясь лбами, сдержанно, полушепотом разговаривали. Мой стол был от них в двух шагах, и я волей-неволей улавливал каждое слово, слышал, как баритонистый Панкин настойчиво убеждал Виктора не упускать шанса (речь, как видно, шла о переводе Головинского в «Комсомолку»), а тот, в общем-то не отказываясь, говорил, что служить в «Комсомолке» почтет за честь, но разговор об этом придется отложить до осени... поскольку весной и на все лето уходит он с геологами на Саяны, и не каким-то соглядатаем, а штатным рабочим - для него это важный шаг... Мне хотелось подтолкнуть Виктора: а разве переход в «Комсомольскую правду» менее важный шаг? Однако встревать в разговор ни под каким соусом я не посмел, а прислушиваться к их полушепоту не хотелось - и я потихоньку встал и вышел из кабинета. Тогда я и мысли не допускал, что ровно через шесть лет меня тоже позовут в «Комсомолку» - и я без лишних раздумий пойду.

Честно говоря, не хотелось терять доброго куратора, но до мая было еще далеко - и мы оставались пока рядом. Иногда к нам забегал Виктор Попов, начинающий прозаик и «законченный публицист», как он сам говорил, успевший к тому

времени поработать и на Тульском оружейном заводе, и в многотиражках Златоуста, а потом и на Дальстрое (вона куда его занесло!) спецкором газеты «Советская Колыма», оттуда и прикатил на Алтай...

Заходил он, в отличие от деликатно мягкого и по-офицерски собранного Льва Квина, как всегда, расхристанно шумно, весь нараспашку, ручкался так, что от его пожатий пальцы слипались. Потом вальяжно усаживался между нашими столами на скрипучий венский стул и начинал заводить нас какими-то едкими поучениями и умными афоризмами, коими был он напичкан доверху. Головинский слушал вполуха и отвечал равнодушно спокойно, не вступая в полемику: «Старик, мы литрабы - нас это не касается».

Наконец, и весна прошла - отшумели майские праздники. Мы с редакционным художником Степаном Ивановичем Савчуком выскочили на пару дней в целинный совхоз «Краснознаменский», чтобы сделать посевной репортаж - оперативный, живой, с рисунками и портретами интересных людей.

Вернулись, а здесь, в редакции, новость: Головинский ушел с геологами на Саяны. Там и затерялись его следы... Ленинградская связка поредела, а позже и вовсе распалась. Глеб Горышин уехал в Бийск собкором, хотя в штате нашей газеты таковые не числились, но для него Скиба сделал исключение. Однако Глеб Александрович недолго там пробыл.

Вернулся и вскоре засобирался в Ленинград - три законных послевузовских года отработал он добросовестно, а теперь у него были другие планы.

Шла вторая половина 1956 года. Стояла жара. Но Барнаул задыхался не столько от жары, сколько от метельно густого тополиного пуха. Белые сугробы лежали обочь тротуаров, хлопья пуха носились в воздухе, забивали прохожим глаза и рты... Вот из такой кутерьмы и вырвался я, весь в пуху, прибежал в редакцию - и увидел в коридоре, подле окна, одиноко стоявшего Олега Петрова. Он повернулся и посмотрел на меня какими-то странными, пустыми глазами, на нем лица не было. И я, ничего еще не понимая, подошел к нему и встал рядом:

- Олег, что-то случилось?

Он кивнул и, помедлив, сказал:

- Виктор погиб.

- Какой Виктор? - и вправду, я не понял.

- Головинский.

- Как погиб!.. - меня обожгло изнутри. - Где погиб?

- Там же... в Западных Саянах. Письмо мне пришло от матери Виктора.

Вот и все! Что-то резко оборвалось - и как в воду кануло. Это был не шок, а страшное потрясение. И в голове горячечно билось: эх, если бы Виктор не откладывал до осени, а сразу бы перешел в «Комсомолку»... Но!..

Вскоре уехал в Ленинград Глеб Горышин. Вслед за ним и Роза Копылова. И тут, как гром с ясного неба, еще одно событие: освободили от редакторства Петра Васильевича Скибу. Редакцию потихоньку тряслось.

Однажды я нос к носу столкнулся с Квином, и он, задержав меня, спросил:

- Ты что это хмурый?

- А чему радоваться, такой развал!.. - говорю.
- Выше голову! - подбодрил он меня. - Никакого развала.
- А что же это?
- Обновление, - сказал он, как мне показалось, весело.

И вправду, вскоре пришел новый редактор - Валентин Иванович Пивоваров. Остался в газете и Лев Израилевич, занимая, как и раньше, кресло замредактора. А вот в кресло ответсекретаря неожиданно для всех уселся «тульский оружейник», как с некоторых пор мы его называли, Виктор Попов, слегка подтянувшийся, но громкоголосый и шумный по-прежнему - свой в доску человек. Несколько позже появился уже хорошо известный в то время на Алтае прозаик Николай Дворцов. Продолжал работать литконсультант Иван Фролов.

И теперь газету не без оснований называли писательской - что газете явно шло на пользу.

Затем, укрепляя традицию, через горнило молодежной газеты пройдут Игорь Пантухов, Евгений Гущин, Геннадий Панов... Но это другое время - и другие песни.

* * *

Так сложилось, что нам с Квином выпало быть рядом и работать вместе (потом уже не в газете, а в писательской организации) на протяжении сорока лет. И, как обнаружится, соприкасались мы не только по долгу своей службы - у нас постоянное происходило как бы некий творческий взаимообмен.

Осенью 1959 года Лев Квин уехал в Москву на Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Это было прекрасное время. И я тоже не сидел сложа руки, вовсю в те годы осваивая новый для себя жанр фельетона. Газетные рамки «молодежки» становились тесноватыми, и я начал публиковать свои фельетоны в «Алтайской правде», а потом и в центральных газетах - «Комсомольская правда», «Советская Россия» и даже «Советский спорт»...

Казалось, вот он - готовый сатирик! Зимой 1960 года меня пригласили на Все-союзный семинар сатириков, созданный Союзом советских журналистов и редакцией журнала «Крокодил». Участников семинара, представлявших все пятнадцать союзных республик, собралось более двухсот. Семинар был трехдневный. Руководили им известные в то время писатели-сатирики. И как итог семинара - вышедшая вскоре в «Библиотеке «Крокодила» книжечка под названием «Оружием смеха», составленная из фельетонов, рассказов, юморесок и стихов двадцати молодых сатириков и юмористов. И я был горд, что среди этих двадцати счастливчиков оказался и мой фельетон - «Серенький козлик».

После окончания семинара, как загодя мы и условились, я отправился к Льву Израилевичу в гости. Жили Kviniy тогда всем семейством, не помню точно адреса, но, кажется, где-то в Останкино на съемной квартире - этакий временный, бывуачный быт. Но встреча была теплой. Не виделись мы больше года. Новостей и вопросов накопилось немало. Славная Зоя Владимировна накрыла столик на кухне - и оставила нас одних. И мы просидели дотемна, попивая чаек и закусывая великолепным венгерским сыром «под плесенькой», который сначала отпугнул

меня именно этой «плесенькой», а потом я распробовал и понял - какие венгры молодцы! Тогда я еще и знать не мог, что лет через двадцать и мне доведется иметь дело с венграми... Подогретые чаем и чуточку коньячком, прощались еще теплее, и Лев Израилевич, пожелав мне успеха, дружески подмигнул: «А сатира и юмор - дело серьезное. Так что держись!» - сказал он, напутствуя.

Памятую этот наказ, держался я крепко... и больше за всю свою жизнь не написал ни одного фельетона. Ибо захвачен был новой темой и новыми жанрами, которые требовали «суроевой прозы» и строгого реализма.

* * *

Нет, большими друзьями мы с Квином не стали. Но близкими по работе, со-ратниками, если хотите, да, были. Хотя случались и обиды взаимные, и какие-то недовольства друг другом, но все это решалось в частном порядке, слаживалось общими нашими делами, работой - во всяком разе, никаких подножек, заспинных ловушек и подлости (которые в нашем «литературном мире», увы, нередки) мы себе не позволяли и никогда запретным этим «оружием» не пользовались - об этом я говорю с полной уверенностью. Больше того, теплота в наших отношени-ях сохранилась надолго, можно сказать, навсегда. Помню, когда Лев Израилевич, закончив двухгодичные Высшие литературные курсы, снова вернулся в Барнаул, а я, поработав собкором «Комсомольской правды» и навсегда распрошавшись с штатной газетной работой, вскоре отправился по его следам на те же замечательные ВЛК, он, будучи в Москве, иногда в случае надобности забегал ко мне. Однажды это случилось накануне новогодних каникул, которые тянулись больше месяца. И Лев Израилевич попросил меня на это время приютить в своей персо-нальной «каюте» сына его Анатolia, вполне уже взрослого паренька, заверив, что человек он аккуратный и чистоту блюсти будет... Проживание посторонних в общежитии Литературного института, стоявшего, кстати, на пересечении двух «литературных» улиц - Добролюбова и Руставели, - было строжайше запрещено, но мне удалось все уладить. И Толя (теперь уже, разумеется, давно Анатолий Льво-вич) прекрасно, как он сам говорил, квартировал в моей комнате 222, на седьмом этаже, откуда, казалось, до Останкинской башни рукой подать...

А потом, когда сын мой Артем подрос и неожиданно для меня увлекся «со-бирианием марок», я рассказал об этом Квину, и он пригласил нас в гости - по-смотреть его коллекцию. Скажу вам, это богатство! Коллекция Л.И.Квина была одной из лучших не только в Барнауле или даже Сибири, но и среди всех со-ветских филателистов, многих из которых Лев Израилевич хорошо знал, пере-писываясь с ними, и они его, разумеется, тоже знали. Вот он и надавал Артему кучу советов, а потом еще и подтолкнул: «Кстати, в Барнауле есть кружок фила-телистов, - сказал он, - руководит им замечательный человек и лучший филате-лист страны Захар Борисович Гутчин. Вот и запишишься к нему и работай в полное удовольствие». Что Артем и сделал, с подачи Льва Израилевича, и никогда об этом не жалел.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

Лев КВИН.

УГОЛ и ОВАЛ

(Чья вина?)

Драматическая история в 2-х частях.

Режиссеры — З. А. Вайнштейн,
заслуженный артист РСФСР
Ф. А. Лещенко.

Художник — Н. С. Кабанов.
*Дорогому Денису Георгиевичу
Борису Гурбикову
при премьере с любовью
и уважением.*

14. X 62

*М. Квин
Ф. Лещенко*

Данилов — директор завода В. А. Пронин
Ковров — председатель гор-
исполкома Д. Г. Паротиков

Антонина — его жена Т. Г. Воронина

Кирилл — их сын А. Е. Фролов

Люлько — заведующий засл. арт. РСФСР
горкомсном А. К. Коковкин

Клава — его дочь М. И. Бурова

Шевцова — секретарь А. В. Дегадина
Коврова засл. арт. Грузинской ССР

Тетя Настя — пекарница Н. Ф. Шелехова

Сеня — молодой партизан Е. К. Колодько
Г. Т. Обухов

Пожилой партизан Н. И. Дуксин
В. И. Поплавский

Беляев В. И. Новацкий

Главный инженер Л. И. Двоеглазов

Сын Беляева В. И. Лушников

Ведет спектакль В. Д. Сазенков

Гл. режиссер театра З. А. Вайнштейн.

Сцена из спектакля «Угол и овал» Л.И. Квина.
В роли Коврова Д.Г. Паротиков. Алтайский краевой театр драмы.
г. Барнаул, 1962 г.

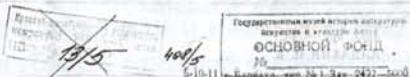
Зав. постановочной частью — Ядриков А. С.
Зав. электротехом — Татаринов Л. Н.
Зав. костюмерным цехом — Васев В. И.
Зав. столярным цехом — Пуников А. Ф.
Зав. буфеторским цехом — Кузнецова Л. А.
Зав. реквизиторским цехом — Водбозова О. В.
Ст. машинист сцены — Гришин В. И.

Касса театра работает ежедневно с 10 час. дня до 7 час. вечера
(в воскресенье — с 10 час. утра до 7 час. вечера)

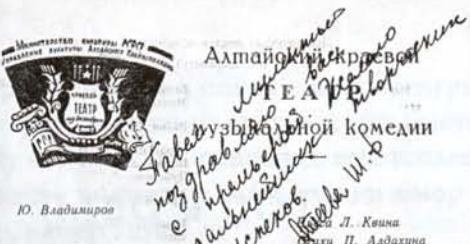
Принимаются заявки на коллективные посещения театра.

Тел. театра: 5-50-37, 1-16-27, 1-12-84.

Цена 5 коп.

5

ТОВАРИЩ ИКС

(Музыкальная комедия в 3-х действиях)

Режиссер-постановщик — засл. арт. РСФСР АЛДАХИН П. В.

Директор — засл. арт. БАССР СУПЕР А. Б.

Художник — КАБАНОВ Н. С.

Художник-мультиплликатор — ЗЛОБИН С. М.

Балетмейстер — ГРОМОВ Н. З.

Хормейстер — АТЕЕВА Т. Ф.

Концертмейстер — УНДЕР Ю. Р.

Асс. режиссера — БОГОРОДИЦКИЙ А. В.

1966

Сцена из спектакля «Товарищ Икс» Л.И. Квина.

В ролях А.В. Богородицкий, Ю.П. Жеребцов.

Алтайский краевой театр музыкальной комедии. г. Барнаул, 1966 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Лев КВИН.

ЧТО БЫЛО ЗАВТРА

СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНОЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ
(в 2-х частях)

Режиссер И. ТРОФИМОВА.

Художник В. ГРИШИН.

Гешка

Ленька

Мама

Папа
(о же Андрей)

Бабушка
(она же девушка,
она же тетка)

Катя
(она же Лена,
она же Катя)

Шлепа

Борик

Екатерина Андреевна
(бывшая Катя)

Колчаковец

Робот

А. АРЕФЬЕВА

Л. ПОЗНЯКОВА

Засл. арт. РСФСР
К. КАЙГОРОДЦЕВА

А. ВИНОГРАДОВ

Е. ПЕТРОВА

Л. КАУЛЬ

Л. ЯНОВСКАЯ

А. ШАФИРОВА

Л. РИМШЕВИЧ

П. ОСОКИН

Спектакль ведет Т. САПРОНОВА

Главный режиссер театра А. Н. ГЕРЕНБУРГ

Сцены из спектакля «Что было завтра» Л.И. Квина.
В ролях Гешки и Леньки А. Арефьева и Л. Познякова.
Алтайский театр юного зрителя. г. Барнаул, 1967 г.

ЛЕВ КВИН

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

Драма в двух частях

Постановка С. ШПАНОВА

Художник засл. арт. КазССР Б. АСТАХОВ

Музыкальное оформление М. СТАРИКОВА

Главный режиссер театра

СЕРГЕЙ ШПАНОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

ЮРИЙ	арг. Обухов Г. Т.
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ	арг. Мезрий Б. К.
ОЛЬГА	арг. Егорова А. М.
НАРКОМ	засл. арг. РСФСР Паротиков Д. Г.
ШЕВЦОВ	арг. Пономарев А. В.
КАНУННИКОВ	засл. арг. РСФСР Даоеглазов Л. И.
ТЕТЯ ПОЛЯ	арг. Шелякина А. М.
СЕРГЕЙ	арг. Поплавский Е. С.
КАТЯ	арг. Решетов В. И.
БОНДАРЕВ	арг. Горбухов Ю. Ф.
МИТЬКА	арг. Баканова Г. В.
1-ЫЙ КОСМОНАВТ	арг. Мельников А. Г.
2-ЫЙ КОСМОНАВТ	арг. Русакова Н. А.
ТЕТКА АВДОТЬЯ	арг. Горбухова Е. Т.
РЕДАКТОР	засл. арг. РСФСР Коковкин А. К.
ДИРЕКТОР	арг. Денисикова Т. Н.
МАРУСЯ	арг. Марина Л. В.

В массовых сценах заняты артисты театра.

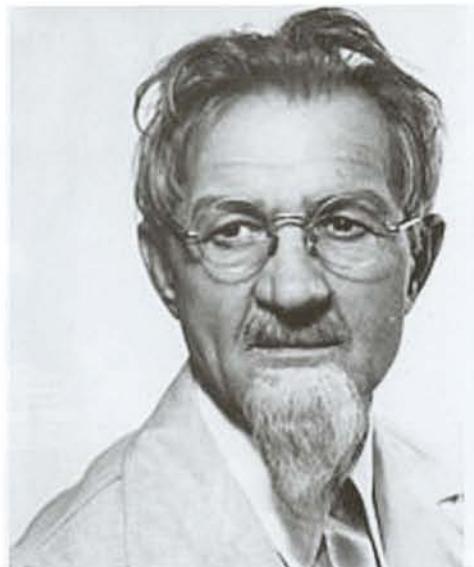
Спектакль ведет Н. ЧИГАРЕВА.

Людмила Петровна Лучкина в роли Кати
в спектакле «Чудак-человек» Л.И. Квина.
Алтайский краевой театр драмы. г. Барнаул, 1972 г.

Георгий Георгиевич Асатиани
в роли Ивана Гулькина в спектакле
«Высоко в синем небе».
Алтайский театр юного зрителя.
г. Барнаул, 1974 г.

Александр Петрович Виноградов
в роли Калинина в спектакле
«Высоко в синем небе».
Алтайский театр юного зрителя.
г. Барнаул, 1974 г.

Сцена из спектакля «Высоко в синем небе». В ролях Георгий Асатиани
и Виктор Захаров. Алтайский театр юного зрителя. г. Барнаул, 1974 г.

Сцены из спектакля «Высоко в синем небе» Л.И. Квина.
Алтайский театр юного зрителя.
г. Барнаул, 1974 г.

Л. КВИН.

РЕЖИССЁР *
З. А. РОФОР
ВОРОЛОВ
ХУДОЖНИК
Н. КЛЕМИНА
КОМПОЗИТОР
Г. ГОБЕРНИК *

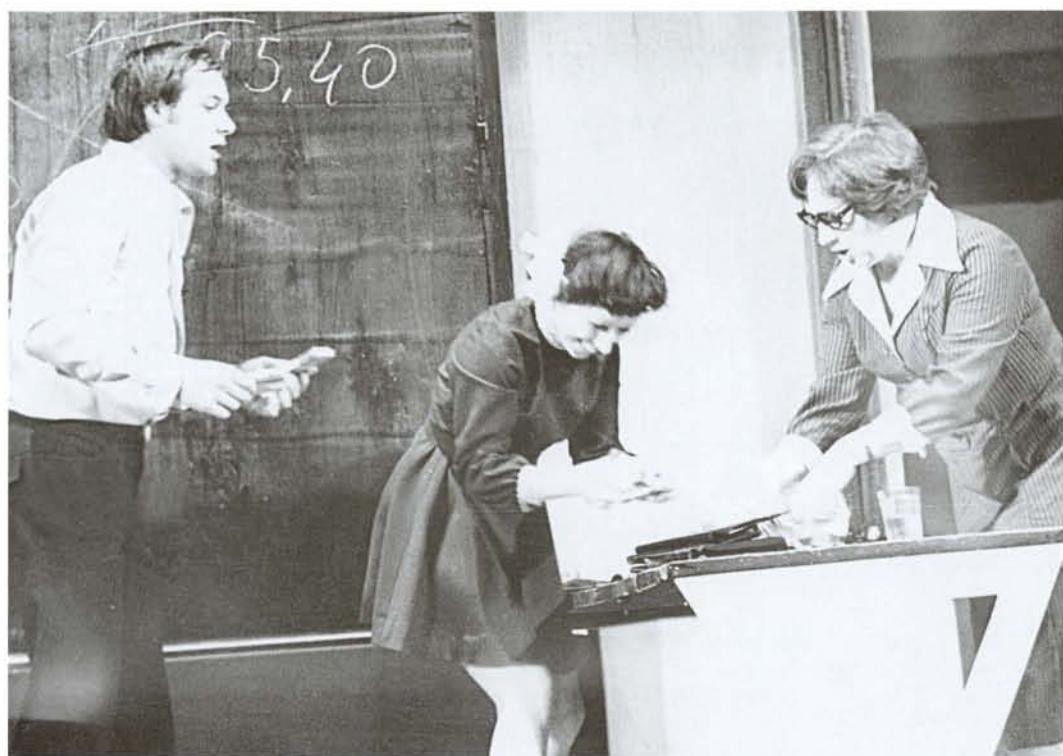
ВЕЗЁТ *

ГЛАВНЫЙ

РЕЖИССЁР

ТЕАТРА

Л. БЕЛОВ

Сцены из спектакля «Везет же людям» Л.И. Квина.
Алтайский государственный театр драмы.
г. Барнаул, 1977 г.

* * *

Семидесятые годы щедры были на события важные, интересные, а главное - по-настоящему п и с а т е л ь с к и е . Так, в самом хлебном 1972 году на Алтае прошла Декада советской литературы. Десант из ста человек во главе с первым секретарем Союза писателей СССР Георгием Мокеевичем Марковым высадился на алтайской земле - гости почти из всех союзных республик. И что ни писатель - то имя: Сергей Смирнов, Олесь Гончар, Евгений Долматовский, Алим Кешоков, Валентин Распутин, Роберт Рождественский, Мустай Карим, Егор Исаев, Раҳмат Файзи, Павел Нилин, Сильва Капутикян, Вольдемар Бранк, Илья Френкель, Михаил Бубеннов... Да разве всех перечислишь!

В большом зале краикома КПСС состоялось открытие Декады, на котором первый секретарь краикома Александр Васильевич Георгиев выступил с приветственной речью. Говорил он о громадных просторах нашего края, о хлебе, который - всему голова, о тружениках города и села, дела которых достойны романов... Назвал имена известных алтайских писателей. Но особая похвала досталась Квину. «Наши писатели все смелее пробуют перо в самых различных жанрах, - сказал Георгиев. - Мы считаем серьезной творческой удачей пьесу Льва Квина «Чудак-человек», которая поставлена краидрамтеатром. Прототип главного героя пьесы Юрий Кондратюк - техник по строительству элеваторов на Алтае был еще и талантливым теоретиком, одним из пионеров ракетной техники в СССР. Сценический образ Кондратюка привлекает своей целеустремленностью, кристальной чистотой, жаждой большого дела». Лев Израилевич сидел справа от меня, слегка взволнованный от столь высокой похвалы. Да и мне, как ответсекретарю писательской организации, было приятно слышать такую оценку. И я, тихонько пожав его руку, молча поздравил, он понимающе улыбнулся - настроение у нас было приподнятое.

На другой день, разделившись на группы, писатели разъехались по шести маршрутам во все стороны тысячеверстного Алтая. Каждый маршрут имел название: «Степь Кулундинская», «Хлеб Алтая», «Новь Алтая», «Зеленое золото Алтая», «Предгорье Алтая», «Горный Алтай». Случайно или не случайно, скорее последнее, мы с Квином составили «хозяйский» tandem и выбрали интереснейший маршрут - «Предгорье Алтая», пролегавший вдоль бурливой гривастой Катуни, сказочно чудного озера Ая и знаменитой своим радионом Белокурихи, заглядывая в Шебалинский маралосовхоз, а затем и в зверосовхоз «Лесной», где выращивались в «неволе» прекрасные соболи, норка и чернобурые лисы - пушнина алтайская на международных аукционах ценилась превыше всего...

Наша группа состояла из шести человек: поэты Александр Смердов (новосибирец), иркутянин Марк Сергеев, ленинградец Владимир Торопыгин, критик из Москвы Григорий Бровман и наш алтайский tandem - Лев Квин и я. Все мы хорошо друг друга знали, встречались и раньше не раз, а Григорий Абрамович Бровман вел у нас на ВЛК курс современной литературы. Поездка была изумительной. Июньская первозданная красота предгорного Алтая покорила нас, еще больше сдружила и, можно сказать, взяла в плен.

А когда все шесть групп снова собирались в Барнауле, наперебой и взахлеб делясь впечатлениями от поездок, Лев Квин и тут был изумлен: давний друг его латышский прозаик Вольдемар Бранк показал ему свою недавно выпущенную в Москве книгу, которую увидел он на книжном базаре в селе Мамонтово. Радовались оба - и автор, и переводчик этой книги с латышского на русский Лев Квин.

В этом же году из рук в руки Лев Израилевич передаст мне альманах (будущий журнал) «Алтай», а спустя четыре года, сменит меня на секретарском поприще. И летом того же 1976 года наш tandem активно будет заниматься организацией и проведением первых Шукшинских чтений на Алтае.

Жизнь не стояла на месте.

* * *

И вот уже декабрь 80-го. Москва. Преддверие Пятого съезда писателей РСФСР. Мы вчетвером - Евгений Гущин, Геннадий Панов, Николай Черкасов и я - загодя прилетели из Барнаула на замечательном Ил-18 и разместились в комфорtabельных номерах гостиницы «Россия» - «а из нашего окна площадь Красная видна». Квин и Каценштейн приедут завтра поездом. Лев Израилевич, кстати, самолеты не признавал - предпочитал поезда.

Но, вообще говоря, съезд съездом, а как писал Иван Фролов, «не в Москву за песнями поехали, а в столицу песни повезли». Правильно! Хотя песня у каждого своя. У Льва Квина только что вышел в «Детгизе» роман «Ржавый капкан на зеленом поле», мой роман «Окраина» неделю назад подписан в печать в издательстве «Современник», запланирована книга Евгения Гущина в этом же издательстве, Геннадий Панов готовит в «Молодой гвардии» книгу стихов «Тихий колокол». Так что не в Москву за песнями...

Девятого декабря - открытие съезда. Сидим всей шестеркой в зале Большого Кремлевского дворца. Нагнетаемый невидимыми вентиляторами свежий воздух бодрит, поднимая дух и настраивая на торжественно рабочий, если не праздничный лад. Трое из нас (Квин, Панов, Кудинов) - делегаты, трое (Гущин, Каценштейн и Черкасов) - гости съезда.

Председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Владимирович Михалков, постучав пальцем по микрофону, слегка заикаясь, отчего как бы выделяя и растягивая некоторые слова, объявил съезд открытым, вроде бы попутно предложив избрать президиум. И началось действие.

Гена Панов, улучив момент, повернулся к сидевшему рядом Каценштейну и тихо спросил: «Знаете, кто будет предлагать состав президиума? - Каценштейн пожал плечами. - А я знаю, - сказал Панов, заговорщически хитро глянув на Квина. - Николай Грибачев». И тут же Михалков, словно подслушав Панова, дал слово Грибачеву. И как только проголосовали за предложение Грибачева избрать президиум в составе 112 человек, Панов опять повернулся к Каценштейну и еще больше озадачил его: «Эвальд Эмильевич, можете проследить: список президиума откроет Федор Абрамов, а замкнет товарищ Яснов, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР». Все так и было. «А сейчас будут избирать секретариат съез-

да, - продолжал свой розыгрыш Панов, - и слово для предложения дадут Петру Проскурину».

И опять - как в воду смотрел! Каценштейн изумился: «Геннадий Петрович, и откуда тебе все известно?» А Квин подыграл: «Так он же ясновидец. Разве вы не знали?» Однако несведущему Каценштейну и в голову не могло прийти, что весь этот сценарий был еще за час до начала съезда обсужден и как бы отрепетирован на заседании партгруппы, и остроумному, памятливому Панову не составляло труда все, как говорится, по полочкам разложить...

Съезд продолжался четыре дня. А еще спустя два дня, нагостившись в Москве, мы вчетвером на том же Ил-18 улетели в Барнаул. Квин и Каценштейн, разумеется, уехали поездом.

Ах, какое было прекрасное время - мы жили и работали взахлеб!

* * *

А потом наступили страшные для нас, писателей, переворотные 90-е годы. И за восемь лет мы на Алтае потеряли одиннадцать человек. Из той нашей съездовской шестерки, увы, остался я один. Один лишь 1992-й унес трех замечательных алтайских писателей: Геннадия Панова, Георгия Егорова, Эвальда Каценштейна. Затем последовательно каждый год, вплоть до нулевых, ушли один за другим Николай Черкасов, Владимир Сергеев, Леонид Мерзлиkin, Лев Квин, Владимир Гердт, Виктор Попов, Иван Семоненков, Леонид Ершов... Я обрываю себя. Мне больно об этом писать. Хочется время остановить, но этого сделать нельзя. Сегодня мне не хватает этих людей... Я дописываю последние строки, изредка взглядывая в окно своего кабинета. И вижу наискосок, на перекрестьи двух улиц, огромный старый тополь, облетевший, голые сучья коряжисто распостерлись, и на одном из них трепещет несколько сухих замороженных листьев... Как же они уцелели? И я думаю: и все-таки жизнь - это чудо! Скоро придет новая весна - и тополь зазеленеет. Но это будут другие листья...

Кузнецова Т.Н.⁵⁷ Добрый и мудрый писатель

Еще когда я училась в школе, прочла роман «Звезды чужой стороны», но тогда и понятия не имела, что автор этой книги живет в Барнауле.

Об этом я узнала много позже. В 1973 году, когда впервые попала на краевой семинар молодых писателей.

Лев Израилевич остался в моей памяти как веселый и обаятельный человек, как замечательный рассказчик.

Несколько раз мне посчастливилось выступать вместе с ним. Надо отдать должное, он не чурался позвонить сам и пригласить на выступление перед читателями, например, где-нибудь на заводе. Его рассказы всегда вызывали искренний интерес. Так, например, во время одного из совместных выступлений Лев Израилевич

⁵⁷ Кузнецова Татьяна Николаевна - поэт, член Союза писателей России.

рассказал, что однажды, как ответственный секретарь Алтайской писательской организации был в командировке в Москве. В правлении Союза писателей СССР его предупредили, что в Барнаул к писателям едет ревизор. Когда Квин сел в поезд «Москва - Барнаул», его соседом по купе оказался мужчина средних лет, который с ходу сообщил, что едет в Барнаул, что никогда не бывал на Алтае и знает только, что «там живет Квин, который не пьёт вин». Лев Израилевич сообразил, что перед ним тот самый ревизор. И тогда он решил пошутить. «Знаете», - сказал он собеседнику, - «Я хиромант, то есть умею гадать по руке. Хотите, скажу, кто вы?» Попутчик согласился, а Лев Израилевич с самым серьезным видом посмотрел на его ладонь, якобы вглядываясь в линии руки, и сообщил, что этот человек как-то связан с писательской организацией, хотя и не является сам писателем, а потом сказал, что его имя начинается на букву «В».

Сказать, что мужчина был в шоке - это не сказать ничего. Тогда Лев Израилевич рассмеялся, объяснив ошарашенному попутчику, что он и есть тот самый Квин.

Еще одна история, рассказанная Львом Израилевичем, невольно заставила задуматься, «а все ли ладно в нашем государстве?». Он рассказал, что некоторое время тому назад к нему должны были приехать друзья из Австрии, где он воевал против фашизма. Узнав об этом, товарищи из КГБ отдали нужное распоряжение в ЖЭУ, к которому относился дом, где проживала семья Квина. Работники ЖЭУ взяли под козырек и в срочном порядке выкрасили двери на их подъезде. Все остальные двери, конечно, остались в том же состоянии, что и были.

Иван Павлович Кудинов и Лев Израилевич Квин были инициаторами первых Шукшинских чтений на Алтае. С легкой руки Льва Израилевича на чтения пригласили московского поэта Алексея Яковлевича Маркова, который слыл антисоветчиком и был изумительным рассказчиком. Именно от него многие наши литераторы узнали о судьбе Солженицына и о письме, которое опальный писатель направил вправление писательской организации СССР.

Для меня было большим потрясением узнать, что Лев Израилевич умер - у него было большое сердце. И сейчас, спустя годы, я понимаю, что Алтай потерял не просто интереснейшего писателя, но и великолепного человека - доброго и мудрого.

Луначев Б.Н.⁵⁸ Снизу – вверх

Об авторе прочитанной книги всегда думаешь, глядя на него снизу вверх. Так или иначе, представление о писателе связываешь с событиями, людьми, с героями и их антиподами в литературном пространстве его произведения, с собственным впечатлением от написанного. Особенно, если жил он давным-давно.

Сложнее, если автора можно встретить на улице, в магазине, в обстановке повседневного быта. Сложившиеся понимание и ощущения от прочитанного очень часто не совпадают с реальным образом сочинителя. Потому что очень хочется

⁵⁸ Луначев Борис Никитич - график, член Союза художников России.

угадать в нем ярко выписанные или бегло очерченные персонажи, представленные нам в книге.

С Квином было не так. Лев Израилевич с начала нашего знакомства и в последующие нечастые встречи в Алтайском книжном издательстве, пожалуй, дополнял устойчивый литературный образ энергичного, интеллектуального и романтического человека, живущего в его книгах.

Мне поручили оформить и иллюстрировать избранные произведения Льва Квина к его 50-летию. Примерно за год в издательстве наметили план визуально-конструктивного облика юбилейного тома, оговорили объективные сложности провинциального издательства. Нехватка хорошей бумаги, переплетных материалов, скромные возможности типографии. Мне вручили объемную рукопись, напечатанную на машинке.

Рукопись читать вообще непросто. Рукопись еще не книга, наилучшим образом приспособленная для изучения содержания и постижения смысла текста. Сегодня компьютер несколько смягчил различие между набранной рукописью и книжной страницей, но не совсем. Однако я как-то забылся, читая машинописные странички будущего издания «Звезды чужой стороны». Увлекали события, зримо разворачивающиеся эпизоды, убедительно выступали люди, совершая героические и просто мужественные поступки, трогали душу искренность и романтический настрой молодых героев. Складывалось устойчивое ощущение: писатель, если не сам непосредственно участвовал в тех событиях, но точно находился где-то рядом.

Квин не акцентировал внимание на ужасах, не смаковал отчаянье и безнадежность. В испытанияхвойной, в неизбежных конфликтах повседневности убеждал в правоте справедливости, вселял уверенность в неоспоримых преимуществах честности, добра над злом. Писатель-фронтовик, которому досталось горького и для души и для тела, в литературных образах воплощал желание чистоты, утверждал естественное подсознательное мечтание, пожалуй, каждого из нас об идеальном. Еще совсем недавно такое миропонимание казалось привычным, даже банальным в литературной интерпретации. А спустя сорок лет - веет теплом из прошлого.

Алтайское книжное издательство ушло в историю. Юбилейное издание к 50-летию Л.И. Квина почти раритет. Но не из-за его художественного оформления. Бумага для текста - низкого качества, для суперобложки не нашлось плотной мелованной бумаги. Для переплета из ледерина требовалась печать с применением штампа, а не с набора. Иллюстрациям повезло больше. Техника «тушь, перо, кисть» - не требует сложных методов репродуцирования в типографии. И все же приуроченная ко дню рождения известного иуважаемого писателя книга получилась неординарной. Лев Израилевич Квин остался доволен.

Как часто нынче приходится слышать нытье и жалобы, озлобленность по поводу минувшего времени. Посмотрите на фотографию Квина на фронтисписе книги, почитайте его биографию. Подумайте. Каким хотел он запомниться?

О том нашем прошлом, о прошлом Л.И. Квина, по-моему, точно сказала Ольга Бергольц:

*В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам...*

Малиновский Л.В.⁵⁹ Два Льва В сумме

Со Львом Израилевичем Квином мы пересекались, знались, общались и дружили на протяжении почти полувека. Нас сближала общность биографий, интересов и творческих моментов, не говоря о жизни в одном городе и о работе в одной области, которая менялась по времени и по обстоятельствам.

Судьба наша была очень разной - родились мы в разных городах, но общей была для нас судьба страны, мы оба во время Отечественной войны соприкасались с такой своеобразной областью военно-политической деятельности, как работа на преодоление и разложение германской армии. Но если Лев Квин был, как более взрослый, пропагандистом на фронте, то другой Лев был только слушателем соответствующих курсов в Ленинграде и встретился с немцами только в Прибалтике в 1945 году. Общим было для нас знание и употребление немецкого языка, для него как рижанина он был родной, для меня как москвича он был приобретенным, изученным, но результат был один, мы оба владели этим языком (а Лев Израилевич еще и латышским и венгерским).

Военная судьба занесла нас одновременно и за границу, но опять же с некоторой разницей - он работал в советской администрации в Австрии, а я - в Германии. Разница большая. Но среда была та же самая, многие мои товарищи по Ленинграду служили с ним в Австрии. Потом наши пути разошлись, но в итоге влились в один бассейн, мы оба оказались журналистами и оба - в Барнауле.

Работали мы в редакциях двух газет буквально через дорогу: Лев Квин в «Молодежи Алтая» на Короленко, а я - в немецкой газете «Арбайт» на другой стороне той же улицы, только он писал по-русски, а я - по-немецки. Тема же была общей: Алтай, целина, горы и прерии нашего края и его люди. И друзья-журналисты были те же, где было взять других?

Позднее наши пути снова несколько разошлись, мне не удалось стать на Алтае писателем, я уехал в Новосибирск и занялся там наукой, не порывая связи ни с немецким языком, ни с Алтаем. Приезжал в степь для сбора научного материала, писал об истории немцев Алтая, сначала в газетах, а по-

⁵⁹ Малиновский Лев Викторович - доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии.

том и в журналах, и в книгах. В 1970 году, не без помощи того же Квина, снова вернулся на Алтай, помню, как он возил меня по городу, показывал новый, растущий Барнаул, и помогал мне вновь освоиться на старом месте. В это время я начал сотрудничать с ним, печатал очерки и переводы в журнале «Алтай», который старший - Лев в это время редактировал. Там был напечатан единственный мой большой перевод повести об охотниках из ГДР - «Выстрелы на болоте».

Эти выстрелы не сделали из меня писателя, но сблизили нас еще больше, тем понятнее потому, что нас объединяла еще одна страсть - коллекционирование марок, филателия. Помнится, в бытность Льва Израилевича редактором телевидения (оно помещалось в то время в том самом доме, где он жил и где ныне висит памятная доска о его барнаульской жизни), мы вместе делали телепередачу о филателии, которая была не очень удачной: диктор актер Суров был не филателист и ему эта материя давалась с трудом. Мы же оба плавали там как рыба в воде, передача делалась по моему собранию марок, хотя коллекции Квина были не в пример богаче моих. Естественно, что мы встречались еще и в обществе филателистов, которое собиралось и устраивало выставки в клубе меланжевого комбината, через дорогу от нашего дома.

После моего возвращения в Барнаул в 1970 году наши встречи стали чаще, каждый раз, когда ко мне приезжали друзья из Германии, я приводил их в гостеприимный дом Квинов, и немецкая беседа затягивалась там на долгие часы. Кстати, маленько интервью со Львом Израилевичем я поместил в германском журнале «Семья и школа» еще в 1960 г., это был репортаж о жителях нашей улицы Советской, где мы были соседями, как было тут не воспользоваться именем и образом знаменитого соседа?

После безвременной кончины Льва Израилевича я продолжил дружбу с его семьей, до сих пор я состою «болельщиком» Зои Владимировны и ее многочисленных потомков, переживаю как ее успехи в области хорового пения, так и ее мелкие аварии на даче или на барнаульском гололеде. Кстати, именно она помогла мне начать в 1984 г. мою деятельность как садовода в университетском кооперативе, на почве которого выросла и моя семья, и моя дружба с соседями по дачному быту.

Много лет уже нет с нами «большого Льва», но на полках стоят его книги, а в душах сохраняется о нем добрая память, не только как о писателе и общественном деятеле, но и как о добром, отзывчивом и многогороднем человеке, памятником которому надолго послужит не только доска на Ленинском проспекте, но и его высокая культура, которая выделяла его на фоне наших писателей и всего Барнаула того времени.

Марков С.С.⁶⁰ **Воспоминания о Л.И. Квине**

Я знал и общался с Львом Израилевичем Квином много лет: с его появления в Барнауле в 1953 году и до его кончины. Правда, это было общение эпизодическое, почти ни к чему не обязывающее. И, тем не менее, в памяти остались светлые воспоминания об этом человеке.

Жизнь Льва Израилевича была связана с барнаульским телевидением. В 1981 году, когда мы готовились к 25-летию телевидения, Петр Васильевич Скиба, первый директор нашей студии, по моей просьбе написал 3 страницы для юбилейного доклада. Из этой рукописи я узнал, что в 1956 году Лев Израилевич Квин был приглашен на работу на Барнаульскую студию телевидения на должность заместителя директора. И это о многом говорит. На такой пост могли пригласить только неординарного человека! Действительно, у Льва Израилевича были великолепные организаторские способности и, конечно, они очень здорово сочетались с его литературным даром и его работой писателя. А в то время он уже начал печататься. В Барнауле вышла его первая книга «Экспресс следует в Будапешт». Помню, с упоением читал эту очень интересно написанную приключенческую повесть, в которой интрига сохранялась до самого конца повествования. По-моему, Виктор Самуилович Серебряный - редактор художественного вещания Алтайского краевого радио - сделал радиоинсценировку по этой книге Квина. Возможно, запись и сохранилась в архиве радио. Сделано это было очень здорово!

Сам я пришел работать на телевидение в 1959 году и не захватил Льва Израилевича на посту заместителя директора. Он тогда занимался уже непосредственно писательской деятельностью, позже занимал пост ответственного секретаря Алтайского отделения Союза писателей СССР, был редактором и членом редакционной коллегии сначала альманаха «Алтай», а затем и журнала «Алтай», входил в состав редколлегии журнала «Барнаул». Но и о телевидении не забывал. В те годы выходил сатирический телевизионный журнал «Ключий экран». Это что-то наподобие Всесоюзного киножурнала «Фитиль» Сергея Михалкова. В барнаульском тележурнале «Ключий экран» в юмористических и сатирических формах мы клеймили разные недостатки и пороки жизни нашего общества. Лев Израилевич был редактором этого журнала. Он очень талантливо, ярко, образно подавал все сюжеты журнала: и в игровых сценках-миниатюрах, и в публицистической форме, и в жанре фельетона и т.д. Были случаи, когда он мог один, я подчеркиваю - один, написать и составить весь выпуск журнала. А это целый час эфира! Это говорит о громадном таланте и способностях Льва Израилевича. Первыми ведущими журнала были мы с Марией Павловной Скоромной - директором Алтайского телевидения. Потом Марию Павловну сменил Леонид Иванович Двоеглазов - народный артист РСФСР. Старшее поколение телезрителей наверняка помнит наш дuet. Мы хорошо дополняли друг друга - возрастной Леонид Иванович и я, тогда совсем

⁶⁰ Марков Сергей Степанович - диктор телевидения, заслуженный работник культуры РСФСР.

молоденький - 20-ти лет или чуть-чуть больше. Это была интересная работа: приходилось заниматься и актерской деятельностью и читать разные сюжеты. Лев Израилевич следил за каждым выпуском «Колючего экрана». Тогда, естественно, никаких видеозаписей не было. Все шло в живом эфире. Репетировали утром и днем, а вечером шел эфир. Это было непросто, но мы справлялись, старались не подводить мэтра Льва Квина.

Знал я и о том, что наш главный режиссер и мудрый учитель Захарий Борисович Гутчин был большущим другом Льва Израилевича. Гутчин, Квин и еще профессор Варшавский - всем им светлая память - были до «умопомрачения» филателисты. Тогда в Барнауле был гениальный клуб филателистов, в котором они состояли. Я был свидетелем того, как они оживленно обсуждали свои коллекции марок, даже спорили о чем-то.

Были у меня встречи с Львом Израилевичем и в неформальной обстановке. Он был очень компанейский, с большим чувством юмора. За столом чувствовал себя раскрепощенно, веселил друзей очень современными, оригинальными шутками.

Лев Израилевич был человеком огромной эрудиции: знал несколько иностранных языков, по-моему, английский, французский, немецкий, латышский и венгерский. Его отличали не только эрудиция, но и душевное обаяние, и высочайшая культура. А еще ирония. Иногда мог «подкинуть шпилечки» и молодым, и немолодым. Лично ко мне он относился с огромным уважением и симпатией. Может быть потому, что я позже много раз вел с ним интервью и как с журналистом и как с писателем. Его часто приглашали к нам на телевидение. Встречи с ним всегда были очень интересными. Его слушали с открытым ртом, потому что рассказчик он был совершенно потрясающий.

Кроме того, так случилось, что я познакомился с девушкой, которая чуть позже стала моей женой, а она и Лев Израилевич жили в одном подъезде дома на Ленина 80. Еще и там с Львом Израилевичем мы встречались, иногда сидели на скамейке, разговаривали. Кстати, и сама студия телевидения находилась по соседству, на Ленина 78.

Одним словом, Лев Израилевич - фигура очень интересная, яркая, незабываемая. Я читал все его книги. Самыми интересными для меня стали «Экспресс следует в Будапешт», «Город не спит», «Звезды чужой стороны», «Ржавый капкан на зеленом поле». Моя жена позже работала в краевой детской библиотеке, где также проходили встречи и с Львом Квином, и с другими алтайскими писателями. Мы и там иногда виделись.

Воспоминания о встречах с Львом Израилевичем рождают во мне образ цельного и разносторонне талантливого человека. Его гениальная и человеческая, и писательская тень коснулись меня и моего творчества, я до сих пор благодарен ему и низко кланяюсь его памяти. Как написал Николай Некрасов в стихотворении «Памяти Добролюбова»: «Природа-мать! когда б таких людей ты иногда не посыпала миру, заглохла б нива жизни...». Это совершенно точно. Потому что такие люди, как Лев Израилевич Квин, создавали литературу Алтая, и о них мы должны помнить всегда.

Масленниковский С.И.⁶¹ **О Льве Израилевиче Квине**

В 1973 году я вел архивную практику со студентами Алтайского государственного университета. Государственный архив располагался на улице Олонской в здании бывшей церкви, там же был кабинет управляющего архивным делом крайисполкома. Тогда это был Бородкин Петр Антонович, краевед и член Союза писателей СССР. У него постоянно собирались поэты и прозаики, вели дискуссии. На «перекурах» я встречался с ними, знакомился, иногда принимал участие в спорах. Там я познакомился с Львом Израилевичем Квином. Меня сразу поразили его эрудиция, разносторонность интересов, исключительно грамотная речь. Встречи повторялись, знакомство упрочилось.

Было у меня хобби, я коллекционировал марки и монеты. Однажды, в обществе городских коллекционеров я встретил Квина. Оказалось, что он филателист, признан как авторитет среди членов общества. Наше знакомство перешло в приятельские отношения.

Многие собирали марки СССР, в том числе и я. Но Квин собирал и марки Прибалтики, Австрии, Венгрии, Германии, Франции. У него была поразительная память и склонность к языкам. Он знал латинский язык (родился в Риге), очень хорошо немецкий язык и редкий для нас венгерский язык. Лев Израилевич более пяти лет прожил в Венгрии, у него даже сын родился в Будапеште.

Он вел обширную переписку, скрупулезно собирая недостающие марки. Его экскурсы в филателию были интересны и исчерпывающи. Его консультациями пользовались все члены общества, а его коллекции были лучшие в городе. Лев Израилевич Квин был жизнерадостным и доброжелательным человеком. У него был хороший юмор, хорошее знание жизни. Он был большой труженик и написал много книг. Некоторые подписал и подарил моим сыновьям. Знание языков, литературы, истории делали его очень интересным собеседником. У него была большая библиотека, встречались редкие книги. Иногда я тоже ими пользовался. В своих книгах он представил как прекрасный рассказчик, все они воспринимались с большим интересом и пользовались спросом. У него были большие планы в творчестве. К сожалению, ранняя смерть в 1996 году не дала воплотить их в жизнь. Мы общались с Львом Израилевичем Квином более 20 лет. У меня остались некоторые марки, доставшиеся от него. Рассматривая их, я всегда с теплотой вспоминаю этого человека.

⁶¹ Масленниковский Сергей Израилевич - педагог.

Нечунаев В.М.⁶² **С любовью к Квину**

С писателем Львом Квином я познакомился еще мальчишкой в своей родной деревеньке Кислухе. Как-то забежал ко мне соседский Генка Астрелин. Глаза выпученные.

- Книжку мощную прочитал, понял. «Экспресс следует в Будапешт», понял. Лев Квин написал. Дух захватывает, понял.

- Даешь почитать?

- Дам.

Генка не наврал. И у меня дух захватывало, когда читал. Думал ли я, что когда-то увижу Льва Квина живьем, что буду общаться с ним? Конечно, нет. Ведь само его иностранное имя звучало как Марк Твен, Жюль Верн, Джек Лондон. Гордо, непостижимо, недосягаемо звучало это - Лев Квин.

Каково было мое удивление, когда позднее я узнал от учителей, что Лев Квин живет у нас в Барнауле. А Барнаул-то рядом. У меня там ближайшая родня - старшие сестры, брат. Ездил к ним часто. И вот выпал случай увидеть Льва Квина в библиотеке на встрече с читателями. О встрече я узнал случайно. Пришел к шапошному разбору. Зато Квина увидел. Он стоял подтянутый, с армейской выправкой. И улыбался. А ему громко хлопали. Я тоже хлопал, смотрел на него восхищенно. И завидовал. И мечтал о том, что тоже буду писателем. Буду писать о шпионах. Буду встречаться с читателями. И мне будут тоже хлопать.

Через несколько лет я ловил шпионов в Северном пограничном округе. Ловил их три с лишним года. И ни одного не поймал. Так что ни в армии, ни после демобилизации писать про шпионов мне не хотелось. Зато написалась книжка стихов «Красная линия». Первый мой поэтический сборник, с которым и поступил в Литинститут. В Литинституте я окончательно перестал завидовать Квину, не мечтал и не хотел писать романы. Со мной случилась метаморфоза. Я стал впадать в детство и писал забавные коротенькие стихи для детей. В родной Барнаул вернулся с кличкой «детский поэт».

И вот подошла мне пора вступать в Союз писателей. А кому подавать заявление? Кто ответственный секретарь краевой писательской организации? Лев Квин! С тремя рекомендациями и с семьёй тощенькими книжонками пришел к нему в кабинет.

- Хочу вступить в Союз писателей, - говорю.

- Я против, - Квин отвечает, - пишешь мало.

«Мал золотник, да дорог», - думаю про себя. Может сейчас какой-нибудь мальчишка говорит другому: «Книжку мощную прочитал. «Скворушкин дворец» называется. Василий Нечунаев написал, понял». Не одним же Квином жив читатель, думаю про себя.

- Лев Израилевич, я же не с Вами в союз вступить хочу, где уж мне уж. Я хочу быть в союзе с Мерзликиным, Черкасовым, Пановым.

⁶² Нечунаев Василий Маркович - поэт, член Союза писателей СССР.

Улыбнулся Квин:

- Ладно. Пиши заявление.

Заявление я написал. А потом и стихотворение, которое пошло по рукам, дошло, конечно же, и до Квина.

КЛИН И КВИН

В чистом поле за овином

Вышибали Квина клином.

Но случилась чертовщина:

Квин воткнулся вместо клина.

С той поры в народе бают -

Квина Квином вышибают.

Магическим оказалось стихотворение. Вышибло-таки Квина Квином. На писательском собрании, где меня рекомендовали в Союз писателей «за» проголосовали единогласно. Хоть голосование и тайное, но если ни одного «против», значит «за» голосовал и Квин.

В глазах Квина после собрания я заметно подрос. И подрос еще больше, когда Москва меня утвердила, и я стал членом Союза писателей, то есть односоюзником Квина.

Но полностью вырос в его глазах, думаю, после стихотворения «Любовь к Квину», эпиграфом к которому была строчка из стихотворения Владимира Казакова: «Всяк непредвзятый да поймет». Цитирую, заметив при этом, что Квин был человеком непьющим.

ЛЮБОВЬ К КВИНУ

Куплю.

Откупорю.

Плесну.

И - отодвину.

Не совместить любовь к вину

С любовью к Квину.

Всяк непредвзятый да поймет,

Кто любит Квина - тот не пьет.

Современному, глубоко продвинутому (или задвинутому) читателю может показаться странным несколько игривый тон моих заметок. Ведь пишу-то я о писателе именитом, о писателе-фронтовике, который и по возрасту мне в отцы годился. Время такое было. Хорошее, веселое время. Не было между писателями чванства, чинопочтания. Было уважительное друг к другу товарищество. В большой цене были шутка, пародия, эпиграмма. Чувство юмора ценилось. Л.И. Квин обладал этим чувством. Не случайно на «Юморинах», которые мы проводили в зале филармонии, он зачастую был ведущим.

Однако подходило к концу это добре время. Возникла горбачевская перестройка, а с нею ельцинские «радикальные средства». Все как по Салтыкову-Щедрину - пришло «Оно». «Оно» мало-помалу разрушило краевое книжное издательство, отдав писателей на милость дяде спонсора, содеяло угрюмство и мрак, лучших писателей вышибло из жизни.

В пору крушения КПСС и массового из нее бегства я спросил у Льва Израилевича, не собирается ли он выйти из партии.

- Нет, не собираюсь.

И потеплело у меня на душе. И не от пламенной любви к партии вовсе. Я в КПСС никогда ни одного дня не состоял. Потеплело оттого, что вот передо мной человек, который верен своим принципам. Противно было смотреть, как высекали из партии. Зачем вступали-то? Кто вас туда гнал?

Однажды угрюмбурчевской порою я шел пешком от кинотеатра «Чайка» до «Алтайской правды», пешком шел специально, чтобы посмотреть, как действуют «радикальные средства» на человеческие лица. Лица пасмурные. Ни одной улыбки. Ни одной. На обратном пути, на Ленинском проспекте встретил Квина. Наконец-то улыбка. Поздоровались. Поговорили о том, как стремительно «идет процесс».

Вот и все. Вскоре его не стало.

PS: Когда смотрю на то, в каком дохлом состоянии пребывает наша нынешняя писательская организация при громадном ее количественном росте, я все острее чувствую, как не хватает старых товарищей, не хватает Льва Квина. Лев Израилевич был личностью. С его авторитетом считались власти. Он обладал колоссальными организаторскими способностями. Его стараниями у нас было создано Бюро пропаганды художественной литературы. Не без его участия был выхлопотан для писателей дом на улице Анатолия 102.

Остертау Л.М.⁶³ **О человеке с добрым сердцем**

Лев Израилевич Квин был частым и желанным гостем ребят из школы № 27 города Барнаула. Приходил он и на встречи школьников с писателями Алтая, и на читательскую конференцию, проводившуюся по инициативе журнала «Уральский следопыт», в котором он печатался, и на праздники литературно-краеведческого музея школы. И все встречи были интересными, неформальными: писатель хорошо знал психологию своих юных слушателей и читателей, умел их, даже самых непоседливых, увлечь чтением отрывков из своих произведений (а в них происходят такие удивительные события!), повествованием о случаях из своей жизни. Его ответы на ребячий вопросы были то серьезными, то шутливыми, остроумными. И зал то напряженно затихал, то взрывался смехом.

⁶³ Остертау Людмила Михайловна - учитель русского языка и литературы, отличник народного просвещения РСФСР, основатель литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула.

Особенно ждали этих встреч музейщики. Кроме общения, бывали и подарки музею: книги с добрыми пожеланиями, фотографии, а иногда и рукописи.

Страницы повести «Мы, которые оболтусы...» написаны так мелко и неразборчиво, что один из кружковцев, пытаясь «расшифровать» запись, удивленно спросил, разбирает ли сам автор написанное, на что Лев Израилевич с улыбкой ответил, что сразу, пока помнит, что написал, еще как-то, а через день-другой... - и развел руками.

К работе юных исследователей Лев Израилевич относился серьезно, расспрашивал о поисках и находках, о переписке. Особенно заинтересовали его письма кружковцам латышского писателя В.Т. Лациса с рассказом о жизни на Алтае, где он, по его словам, начал «пробу пера».

Привлекли внимание и находки в Госархиве, связанные с работой В. Лациса секретарем сельсовета в селе Латвийском Бийского уезда, с его участием во Все-российской переписи 1920 г. (копии протоколов, заполненные рукой В.Лациса, по его просьбе были посланы в Латвию). Интерес Л. Квина к этим материалам был не случайным. Еще в юности, живя в Риге, он познакомился с книгами В. Лациса, позднее переписывался с ним и считал его своим наставником.

По просьбе кружковцев Лев Израилевич сделал для музея копии писем. В одном из них известный писатель дает высокую оценку повести Л. Квина «Город не спит»:

«Уважаемый Лев Израилевич!

Получил Ваше письмо и «Город не спит». Сердечное спасибо за Вашу любезность и внимание. Я сразу не мог взяться за чтение Вашего произведения: было много неотложных дел, да и здоровье неважное. Наконец, пару дней тому назад, я прочел Вашу рукопись. Прочел ее в один присест с начала до конца - уже это одно говорит о том, как она интересна и хорошо читается. В моей памяти опять возникли образы, переживания и события тех лет, о которых Вы пишете, в которых мне пришлось лично принимать активное участие, только в другом месте и в несколько другой обстановке. В Вашем произведении жив дух того времени. Вам удалось создать интересные, правдивые образы молодых подпольщиков и людей старшего поколения с их духовным миром, порывами и устремлениями. Сюжет выработан интересно и убедительно, язык книги хороший, красочен. Я получил большое удовольствие от чтения этой книги. Спасибо!

...

С сердечным приветом В. Лацис».

На одной из встреч Льву Израилевичу показали полученную из Омска фотокопию страницы латышской газеты «Сибирияс Циня» («Борьба Сибири») от 22 марта 1921 г. с фельетоном В.Лациса о жизни села Латвийского на Алтае, пожалели, что прочитать текст не могут. Писатель предложил перевести его и опубликовать в журнале (тогда еще альманахе) «Алтай», который он редактировал.

По совету Л. Квина в «Алтай» были напечатаны письма В.Т. Лациса ликкружковцам, неопубликованный набросок А.С. Новикова-Прибоя о Барнауле 1919 г. и другие материалы из фондов школьного музея.

Как-то Лев Израилевич застал в музее (а это всего одна комната) большую группу взрослых экскурсантов, человек 40. Было тесно. После ухода гостей в Книге почетных посетителей появилась такая запись, сделанная Л. Квином: «Еще два-три года такой работы - и требуйте смело, чтобы для музея предоставили отдельное здание (обязательно большое и со входом и выходом, чтобы два потока - входящий и выходящий - не мешали друг другу. Нет, шутки шутками, а дело большое и доброе!».

К 60-летию своего любимого писателя ребята подготовили поздравительный адрес, в тексте которого использовали названия его произведений, и подписались: «Мы, которые оболтусы». А в 3-5 классах провели викторину по его повестям, рассказам и пьесам.

В школьном музее хранится письмо Л. Квина - редактора литературных передач на барнаульском телевидении (студия тогда располагалась на Ленинском проспекте, 78).

В 1961 году Лев Израилевич предложил мне подготовить для ТВ цикл передач о советской поэзии 20-50-х годов. Рукопись первой передачи с указанием, какие стихи должны читать артисты, я ему отдала и через несколько дней получила от него машинописные тексты и «наказ»:

«Уважаемая Людмила Михайловна!

Посылаю Вам два экземпляра передачи. Первый - более черный - Вам надлежит вычитать, исправить все многочисленные ошибки наших машинисток (напр. «Борисов» вместо «Брюсов» и т.д.), а затем подписать каждую страницу в отдельности и в понедельник переслать мне с Вашими ребятами... Второй экземпляр остается у Вас, как Ваш основной экземпляр, по которому Вы будете вести передачу. Учите его, ориентируйтесь в тексте с закрытыми глазами...

Да хранит Вас великий бог телевидения и радиовещания! (Он у нас один, общий.)

С приветом, Л. Квин».

Я привела эту выдержку из письма как свидетельство о времени, когда ведущий телепередачу (она шла в прямой эфир, а не в записи) должен был соблюдать ряд строгих правил, и среди них те, о которых говорится в письме. Лев Израилевич недаром подчеркнул, что нужно подписать каждую страницу и выучить, так как отступать от утвержденного текста, что-то менять в нем не разрешалось. Конечно, заученность текста, боязнь отойти от него сковывали ведущего, мешали естественности рассказа, но это уже зависело не от редактора.

В трудные 90-е годы Л. Квин становится президентом Алтайского краевого отделения советского фонда милосердия и здоровья. От имени фонда он обращался во многие организации, ко многим людям с призывом не быть равнодушными к чужой беде. Пришел он и в нашу школу. Конечно, учителя и ребята откликнулись бы на такую просьбу, кто бы с ней к ним ни обратился. Но вдвойне, втройне важно, что к ним пришел известный,уважаемый человек. В короткий срок было собрано такое количество вполне хороших, часто новых вещей, что Лев Израилевич, приехав за ними, даже удивился. От имени фонда школа получила официальное письмо от 16.02.93 г.:

«Дорогие друзья!

Алтайское отделение фонда милосердия и здоровья выражает сердечную благодарность всем вам за оказанную с такой охотой помочь - сбор вещей для одиноких больных и престарелых граждан, для беженцев, оказавшихся в тяжелом положении вдали от родных мест.

Спасибо всем вам, большим и малым, за добрые сердца, за понимание, проявленное к людям, попавшим в беду, за помочь им не на словах, а на деле.

Подписано письмо президентом отделения фонда Львом Израилевичем Квином - неравнодушным человеком, человеком с добрым сердцем».

Познякова Л.И.⁶⁴ **Память**

Я вспоминаю Льва Израилевича, и передо мной появляется живой человек: обаятельный, излучающий доброжелательность и доверие с первых минут общения. Он был тактичным, интеллигентным. Часто приходил к нам в театр (театр юного зрителя), где ставились его пьесы, присутствовал в зале на репетициях.

Мне посчастливилось играть в двух его пьесах: «Что было завтра» и «Мальчишка должен быть наказан» - где я играла Леньку и мадам Паприку. В разное время ставились и другие его пьесы. Из 5-ти, написанных для детей, в нашем театре ставили 4. Особое место в репертуаре театра занимал спектакль «Высоко в синем небе» по пьесе Л.И. Квина, о подвиге Героя Советского Союза Ивана Гулькина. Эту роль играл Г. Асатиани, которому было присвоено звание лауреата Ленинского комсомола Алтая.

Эти спектакли с интересом смотрели зрители. Лев Израилевич хорошо знал детскую психологию и гордился, что его пьесы идут на сцене краевого театра, и что их с удовольствием ставят молодые режиссеры: З. Китай, В. Шабалин, Е. Гимельфарб.

Я не знаю подробностей жизни Льва Израилевича, но он был умудрен опытом, человек, который много знал. Однажды я с алтайской делегацией ехала на 17-й съезд профсоюзов. В нашем вагоне ехал Лев Израилевич, заходил к нам в вагон (в купе), почти все друг друга знали, рассказывал разные интересные истории, случай из жизни.

Мне запомнилась его улыбка, как озарялось его лицо, когда он смеялся.

Шли годы, и я его долго не видела. Однажды он пришел в театр и вручил мне свой сборник пьес «Кругом шпионы». Поздравил с Новым годом. Сборник с дарственной надписью:

«Милой Людмиле Ивановне с самыми добрыми новогодними пожеланиями с постоянной симпатией, и давними чувствами дружбы и доверия. Счастья Вам, дорогая мадам Паприка!

Лев Квин. 3 января 1996 г.»

⁶⁴ Познякова Людмила Ивановна - заслуженная артистка РСФСР.

Его пожелания меня взволновали, одухотворили и поразили тем, что он мог видеть душу человека. В скором времени он ушел из жизни.

Я беру в руки его книгу, и от нее исходит тепло. А от меня уважение и благодарность этому скромному большому писателю.

Романов В.Д.⁶⁵

Короткие Встречи с замечательным человеком

Самое первое знакомство с Львом Израилевичем Квином у меня произошло еще в школе. Как это было? В те годы я занимался в драматическом кружке во Дворце пионеров и летом мы ездили в пионерский лагерь «Крылатых» как инструкторы. Я впервые поехал инструктором в пионерский лагерь после 7-го класса, в середине 1970-х годов, вел там театральный кружок. И выбрал для постановки как раз произведение Льва Квина - рассказ «Толя плюс Катя». Сделал инсценировку. Причем тогда я и не подозревал о том, что в дальнейшем буду работать и общаться с автором. Через несколько лет, закончив школу и институт культуры, пришел на работу в театр - ТЮЗ. И вскоре нам на художественном совете предлагают прослушать пьесу Льва Квина «Киднап - игра для крепких нервов». Это было в 1983 году. Мы прослушали, пьеса была написана в классическом стиле. С одной стороны, правда, с другой - некая сказка. Однако художественный совет принял решение, пока эту пьесу не ставить. Проходит какое-то время, и на доске объявлений читаю распределение ролей на новый спектакль: Лев Квин. «Киднап - игра для крепких нервов». Оказалось, что пьесу все-таки взяли в работу. Мы пришли на первую читку. И режиссер Евгений Гимельфарб нам говорит о том, чтобы мы подготовились записывать свои роли. Для нас это было удивительно. Обычно, когда актеры приходят на читку пьесы, им текст либо сразу выдают, либо после прочтения пьесы. А нам выдали чистые листы бумаги, ручки и режиссер начинал диктовать. Я с произведением был уже знаком, и сначала казалось, что сюжет, герои, место действия остается без изменений. Но Евгений Юзефович переделывал пьесу прямо у нас на глазах. Как выяснилось потом, это был его стиль работы, он все пьесы переделывал под себя. В спектакле «Киднап - игра для крепких нервов» мне дали главную роль школьника Вовки Морковкина. Е.Ю. Гимельфарб продиктовал нам текст, мы записали свои роли, и спрашиваем у него, как отнесется Лев Израилевич к тому, что пьесу взяли в работу не в том варианте, в котором он ее принес в театр, а переделали. Режиссер отвечает, что мы ему не будем говорить, пока премьера не состоится, а после премьеры, тем более ошеломительного успеха, он точно не будет против. Позже я узнал о том, что поскольку пьеса была написана в классической манере, автор предполагал, что роль Вовки Морковкина будет играть актриса-травести. А тут вдруг молодой, высокий человек. Он был против этого. Но Льва Израилевича даже на прогоне спектакля не было. Специально устроили все так, что его пригласили только на премьеру, уже с полным зрительным залом.

⁶⁵ Романов Василий Дмитриевич - шеф-редактор ТВ ГТРК «Алтай».

Я обратил внимание на то, что на спектакле он сидел ошеломленный, но очень довольный. Когда премьера состоялась, были аплодисменты, овации. Изначально спектакль был задуман как некое эстрадное шоу, легкий, воздушный диверти-смент, с песнями и танцами, минимум оформления. И действительно, получилось все очень ярко. Для того времени это был революционный шаг. Уже потом, без зрителей, когда все закончилось, он подошел ко мне и поделился, что был против моего назначения на роль. Я, конечно, же, знал об этом еще до премьеры. А после спектакля Лев Израилевич сказал: «Теперь я вижу, что это Ваша роль». Мне - начинающему актеру - услышать такое от автора пьесы было очень приятно и важно.

В то время традиционно отмечали премьеры спектаклей не в банкетном зале, а выезжали куда-нибудь. После «Киднапа» мы поехали в совхоз «Комсомольский». Уже там Лев Израилевич разоткровенничался: «Конечно, победителей не судят. Поначалу я удивился, смотрю - персонажи мои, все, что должно происходить - мое, однако, в то же время, все иначе. Но, тем не менее, мне очень нравится». Так он оценил нашу работу.

Кроме этого спектакля у меня были и другие встречи с Квином. Раньше, когда мы еще учились в школе, в институте, часто ходили на творческие встречи с поэтами и прозаиками. Нам было очень интересно слушать настоящих писателей, общаться с ними - авторами уже изданных книг, которые можно было купить в магазине. На этих вечерах они читали уже опубликованные произведения, делились своими замыслами с присутствующими. Участником таких встреч был и Лев Квин. Я прочитал много его произведений. Но, наверное, любимым до сих пор остается рассказ «Толя плюс Катя». Простой язык, обычные герои этого произведения еще во время первого прочтения произвели на меня сильное впечатление.

В 1974 году на сцене театра юного зрителя я увидел спектакль «Высоко в синем небе» - о нашем земляке, Герое Советского Союза летчике Иване Гулькине. Постановка мне очень понравилась, тем более что главную роль там играл известный актер Георгий Георгиевич Асатиани. Но, когда я смотрел спектакль, не обратил внимание на то, что автором пьесы является Лев Израилевич Квин. Об этом я узнал, уже работая в театре. И, честно говоря, для меня это было открытием.

Я считаю, что и в настоящее время пьесы Льва Квина очень интересны для театра. Ведь профессия режиссера такова, что он любое произведение, несмотря на то, в какое время оно было написано, может переложить на современный лад. Тем более, темы, описанные Львом Израилевичем, и сегодня актуальны. Это произведения о Великой Отечественной войне, в том числе о Герое Советского Союза И.Т. Гулькине, именем которого названа одна из улиц нашего города; истории о любви. Ведь и сегодня персонажи, описанные автором, есть в нашей жизни, молодежь похожа на современную.

Когда я вспоминаю Льва Израилевича Квина, рисуется картинка - среднего роста, худой, очень правильный человек. Поначалу складывалось такое впечатление, что он будто рафинированный, вышколенный. А при близком общении он открывался как человек ироничный, с юмором. Вот это короткие, но самые яркие впечатления, которые у меня остались от встреч с этим замечательным человеком.

Скрипченко Е.В.⁶⁶ **Наш друг – человек с большой буквы**

Есть люди, которых забываешь, едва они выйдут из комнаты. А есть такие, о которых никогда не забываешь. И чем дольше их нет, тем ближе они к нам, тем чаще мы их вспоминаем. Таким человеком для нашей семьи (семьи Гутчиных) был Лев Израилевич Квин - писатель, общественный деятель, товарищ и друг.

Он часто бывал в нашем доме. С Захарием Борисовичем обсуждал и произведения уже написанные, и планы на будущее, всегда советовался с ним. Лев Израилевич много написал для детей. И иногда написанное вчера читал нашему сыну Евгению. Все мы с большим удовольствием слушали эти детские рассказы.

Моя творческая жизнь тоже была связана с Львом Израилевичем. Я исполняла его рассказы. Со сцены звучали «Дочкина свадьба» и «Велосипед с мотором». Эти два произведения я читала всегда. Был такой случай. Приезжаю в село Волчиху для встречи с учащимися СПТУ.

И директор спрашивает:

- А что Вы будете делать?

Я отвечаю, что буду читать со сцены рассказ нашего алтайского писателя А.И. Квина.

- А большой рассказ?

- Большой, - ответила я, - минут на 40-45.

- Ууу, - возразил он. Наши дети и слушать не будут.

- Будут, - сказала я и вышла в зал.

Начала читать. Дети притихли, хорошо слушали. А потом директор даже в моей путевке об этом написал. Я хочу сказать, если произведение интересное, такое как у Льва Израилевича, то конечно будут благодарные слушатели, даже если оно большое по объему. Необходимо отметить, что Лев Израилевич и сам исключительно хорошо читал свои произведения на публике: перед детьми, перед студентами, перед рабочей аудиторией.

Он был прекрасным семьянином: мужем, отцом, дедушкой. С него можно брать пример.

Это был интересный, интеллигентный человек, хороший организатор. Подготовленные им литературные праздники в селах и городах нашего края, куда выезжали алтайские поэты и прозаики, проходили с неизменным успехом. Я несколько лет ездила на Шукшинские чтения, на малую родину Василия Макаровича, в село Сростки. И если эту поездку организовывал Лев Израилевич, но будьте уверены, все было на высоте, все предусмотрено, без малейших неприятностей. Он продумывал все - и наличие транспорта, и порядок выступления, и программу концертов. В этом смысле для меня он является образцом. Человеком с большой буквы.

Л.И. Квин - участник Великой Отечественной войны, защитник Родины. Считаю, что его произведения занимают достойное место на литературном фронте Алтая. Светлая память Льву Израилевичу.

⁶⁶ Скрипченко Елена Васильевна - мастер художественного слова, заслуженная артистка РСФСР.

Целмс Н.С.⁶⁷
Общение с ним – Всегда радость
(Несколько запомнившихся встреч)

- Когда я приеду в Горно-Алтайск? - продолжает наш диалог Квин. - Когда достану визу в вашу Республику.

Квин чуть улыбается. Ясно, что пытается перевести разговор в юмор - кто общался с ним, знает и ценит это качество.

Но юмор не помогает. Тот, кто жил в 90-е годы, помнит, что происходило в стране. По ТВ, радио (оно еще есть) с утра до вечера ты слышишь про то, как плохо было в стране прежде и как хорошо сейчас - свобода, демократия - можешь ехать в любую страну, слово «виза» в постоянном обиходе, с суверенитетом тоже замечательно. Пример налицо: Горно-Алтайская область стала Республикой Алтай.

Да, на дворе 90-е, и реально это обстоит так: месяцами не дают зарплаты, затем процесс пошел - стали задерживать и пенсии. Закрываются предприятия: у нас в Горно-Алтайске все до одного, в Барнауле - через одно. Тысячи безработных. Есть и инновации. Руководители разных отраслей краев и областей называться стали не зав. отделами, а министрами. А уж когда одна из наших частных газет опубликовала цифры зарплат (выдавались без задержек!) наших министров - должна была ахнуть и Москва - в нашей республике они оказались поболее московских.

Что тут говорить? Мы и молчим. Мы идем по Ленинскому проспекту к дому писателя, где ждет нас вкуснейшая еда, которую только и умеет готовить его жена Зоя.

Дома я еще раз предлагаю вернуться к вопросу, у Льва очень обширный жизненный опыт: детство и юность прошли в буржуазной Латвии, затем Вторая мировая - в Красной, которая позже стала называться Советской армией, с 1953 года живет в Барнауле, журналист, писатель. От других коллег он отличался тем, что посещал европейские страны, ну а родную Латвию - в обязательном порядке. То есть очень хорошо знаком и с капитализмом, и со всеми прелестями родного социализма.

Начинаю разговор опять я, потому что не могу выработать своей личной позиции:

- Меня больше всего удивляет то, что народ абсолютно безмолвствует.
- Кто и когда о чем-то спрашивал народ? - вопросом на вопрос отвечает Лев.
- Не хочу революций...
- Назови, кто хочет. Как пишет Геродот, народ безмолвствует.

Больше уже мы никогда ни о чем не говорили.

И предположить нельзя было, что не пройдет и полгода, как этот крепкий, очень организованный, разумный человек уйдет из жизни.

* * *

Одна из первых поездок в горы. Все машины, как принято у нас, ломаются, сломалось что-то и в этой. Помогли отремонтировать соседские парни из моего дома. И вот едем...

⁶⁷ Целмс Наталья Сергеевна - журналист, педагог.

- Скоро Манжерок, там пионерлагерь, нужны, может, пионеры? Сверхплановая встреча писателя с юными читателями. А мне тут почти дом родной: месяц в году я провожу здесь.

- Нет, дела закончил вчера. Сегодня в свободном полете.

- Что будем изучать: озера, реки, пещеры, водопады?..

- Индустриализацию в Горном Алтае. Едем к Чемалу...

Лев водит машину очень надежно и спокойно: сказывается большой опыт шоффера и военная выучка.

Заводит разговоры, когда нет напряженки на дороге, не сводит глаз с бегущей рядом Катуни.

- Мощная река. Но прежде чем строить ГЭС, надо хорошо просчитать.

- В этом и есть все разногласия, когда думали строить.

Вот и Манжерок.

- Смотри на скалы над Катунью, - говорю я как хозяйка этой земли, живу здесь десяток лет.

- Что искать?

- На скалах стоят бараны. Стоят с утра и до вечера. Как статуи.

Все собираюсь найти знающего биолога и спросить про это. Своему отряду сказала, что бараны весь день стоят, не двигаясь, и смотрят на нас, а мы на них. Дети сразу сообразили: пойти завтра с утра на скалы.

- Так вы же их прогоните, распугаете, - говорю.

Утром вижу, собираются на скалы. Пообещала, если баранов разгонят, я их расставлю по скалам. Каждый будет вместо барана. Успокоились. Ребятишки были маленькие, второй - третий класс закончили и приехали в пионерлагерь.

Дети - забавный народ. Очередь за мной - рассказ от детского писателя. Недавно на встрече с детьми в библиотеке спрашивала: «Вопросы есть?» Девочка, маленькая, с бантиком: «Можно пойти попить?»

...День был такой прекрасный, что когда мы приехали в город, я спросила:

- Зачем мы ездили?

- Мы можем иметь выходной? - был ответ.

Спасибо за выходной!

* * *

Кончалась очередная, не помню какая, зима, строились планы на лето. Позвонил Лев Израилевич и сказал, что приедут его друзья из Австрии, он собирается показать им Горный Алтай, то есть я тоже, если не против, буду задействована. Ничего более радостного он сообщить мне не мог, потому что при первом потеплении солидный кусок стены в моем подъезде отвалился, размерзлась батарея, отремонтировать это силами жильцов было практически невозможно, мы вытаскивали горы грязи, но ровно столько, чтобы можно было выбираться на работу и обратно. Сходила я в ЖЭК. Пояснила ситуацию с иностранными гостями. Сами понимаете, реакция нулевая. Ну, думаю, схожу в горком партии, должны же люди думать о престиже страны. Написала маленькую просьбу о помощи. Никакого

даже смутного обещания не получила. А когда пришла на рабочее место (я работала во Дворце пионеров), мои коллеги прояснили ситуацию. Из горкома звонили и пытались узнать, кто, откуда и зачем едет. Директор наш сообщил, что знал, и спокойно продолжил свою работу. А коллектив творческих работников уже во всю изображал в лицах всю эту историю.

Стена, разумеется, осталась при своих интересах, с соседями мы сделали ее чуть поприличнее, своим гостям я сказала не обращать внимание на это, хотя наш гость по имени Роберт Рознер сделал свой вывод: «У вас нет нигде хозяина».

Однако, несмотря на правильный вывод, восторг от Алтая был у австрийцев непомерным.

Их письма, звонки после поездки - это хвала Алтаю, поклонение Алтаю. Думаю, что, увидев наш город сейчас, они бы свою любимую фразу об отсутствии хозяина не сказали. Город стал таким красивым!

Однажды, услышав от ребят из лицея, что они едут в Австрию, я дала руководителям делегации адреса наших бывших гостей. Потом по телевизору слышала рассказ преподавателя лицея Галины Васильевны Алейниковой, с какой царственной широтой встречали наши гости горноалтайцев.

Для интереса сообщу, что Роберт, инженер, выйдя на пенсию, в 70 с лишним лет пошел учиться в университет по специальности «управленец». Видимо, душа не вынесла смотреть на необустроенност, ее очень много на земле, а интерес к жизни посыпал его по всей Земле, и у него была такая привычка - писать письма своим знакомым отовсюду, я получала его послания из Аргентины и Намибии.

* * *

Еще мне нравится бывать на юбилеях Квина. На домашних юбилеях. Начинает всегда юбиляр:

- Говорить про юбиляра нужно много и только хорошее. Всем ясно? Начинаем...

В случае заминки опять юбиляр, предвосхищая:

- Ну, сын, что скажешь кроме того, что фамилия портит тебе всю жизнь?

Толя начинает и вправду жаловаться, что где бы он ни появлялся, ему сразу дают поручение выпускать газету. Жалуется по-настоящему, обоснованно, с аргументами.

Все молчат, а многомудрый отец подводит итог:

- Ну, кто может сказать, что дети не цветы жизни?

А юбилей катится дальше. И судя по реакции гостей вижу, что всем нравится и такой нестандартный юмор, и та искренность и даже легкость отношений, которая царит здесь и дает отдых душе.

* * *

С особым чувством вспоминаю случай далеких застойных времен, потому что его участники мне иногда попадаются в каждодневной жизни, и сквозь даль времен я вспоминаю их детские лица.

Перечислю для интереса: Таня Бирюлина (шк. № 1), Клава Бородулина (шк. № 6), Лариса Ляшенко (шк. № 4), Оксана Комаревцева (шк. № 6), Дима Валейшин (шк. № 1), Юля Скорнякова (Онгудайская шк.) и другие.

Итак, мы едем на краевую сессию научного общества. В Барнауле пересаживаясь на пригородный поезд, чтобы на десяток дней отбыть в «Сосновый бор».

Мы вышли из автобуса, навстречу нам - Квин с Зоей Владимировной.

- Мы-то на научную сессию, а вы куда?

Они по-пионерски, почти речевкой:

- Почти туда. Почти туда.

Провожают нас на поезд, вручают две коробки с тортами, снабжают пожеланиями побед и наград, машут вслед.

Перипетий за десяток дней было много, подарков тоже, торты съедены быстро, до официального ужина - барнаульские торты славились качеством.

И еще ребята иногда вспоминали пожелания писателя Квина - фронтовика, автора 50 (!) книг, жизнелюбивого и внимательного человека:

- Товарищи будущие ученые, «талант - это вера в себя, в свои силы». Это сказал Максим Горький. Вы поняли, что это о вас?

Цесюлевич Л.Р.⁶⁸ Встречи с Л.И. Квином

В Барнаул я приехал 25 декабря 1963 года. За спиной была Академия художеств в Риге, недолгая работа преподавателем в училище прикладного искусства в городе Резекне в Латвии и служба в Советской армии. Здесь в Сибири, на Алтае все было для меня новым. И город с явными восточными признаками, и климат с истинными морозами, и люди, и коллектив художников, в то время еще совсем небольшой, и то искусство, что здесь бытовало. Там, в Прибалтике уже в мои студенческие годы художественное творчество было гораздо свободнее, шире, смелее, уже во всю заявлял о себе так называемый «суровый стиль» с дерзкими и масштабными живописными решениями, образами, темами. Но оказалось, что не только Барнаул был для меня чем-то новым, но и я оказался новым для немногочисленного тогда общества творческой интеллигенции. Приходили в мою мастерскую, где я работал, журналисты, особенно из газеты «Молодежь Алтая», «Алтайская правда», из телевидения. И однажды в художественном фонде, так называли тогда Дом художника, мне сообщили, что приглашает меня к себе побеседовать писатель Лев Квин. Телефонов тогда в мастерских художников не было и в квартирах они были редкостью. Шофер привозил записки или при посещении фонда мастер передавал сообщения, что кому говорилось по телефону.

Я пришел по указанному адресу. Красивая, шикарно обставленная квартира на Ленинском проспекте, полки с книгами, большой массивный письменный стол. И встречает меня очень энергичный человек, спортивного телосложения, подтя-

⁶⁸ Цесюлевич Леопольд Романович - член Союза художников России.

нутый, уверенный и в неизменно радостном расположении духа - Лев Израилевич Квин. Приглашает меня сесть рядом с письменным столом, он - на своем писательском месте, и началась довольно продолжительная, очень оживленная беседа о том, что интересовало Льва Израилевича. А это - жизнь в теперешней Риге, деятельность писателей, поэтов, художников, интересовался, кто из них мне знаком, многих знал и он. Спрашивал о моих художественных пристрастиях, замыслах, вкусах. Вспоминал то время, как он до Великой Отечественной войны жил в Риге, где он и родился. Так оказалось, что мы с ним - земляки. Пытался, и довольно успешно, вести разговор на латышском языке. Я про себя отметил отличную слуховую память писателя и несомненный талант быстро схватывать новые для него слова, определения. Писатель - мастер слова, и значит мастер фонетических многообразий словесных выражений, даже музыкальной и колористической особенности языка разных народов. Явно удачно он схватывал интонации каждого из них. В частности - латышского. Освоить язык - значит ассимилировать мелодику того языка. А на нее уже ложится смысл слов.

А затем Лев Израилевич заговорил о Венгрии, где он был во время войны. И тоже владел венгерским языком, приводил мне слова и фразы по-венгерски. И тут он подошел к главному предлогу, почему, собственно, пригласил меня к себе - предложил иллюстрировать его новую книгу о военных событиях и судьбах людей, борющихся в подполье с фашистскими оккупантами в той стране, Венгрии - «Звезды чужой стороны». Сам кратко изложил сюжет своего нового романа и характеризовал каждого из главных его героев, даже в некоторой степени в лицах и позах передавал их, зрителю ему в его воображении, суть. Объяснял особенности того венгерского города, где имели место описанные события, сравнивал его с известными мне местами в Риге. Я согласился взяться за эту работу. Дал он мне в синей, выдавшей виды папке объемистую рукопись на машинке, и на этом наша первая встреча завершилась.

Объем работы в иллюстрировании этой книги был не очень большой - обложка, титульный лист, полуполосные иллюстрации к главам. Притом все в двух красках - черной и белой, бумага и тушь. Технические возможности Алтайского книжного издательства в те далекие 60-ые были весьма скромные.

Я несколько раз прочел рукопись, с увлечением принялся за иллюстрирование и весьма скоро принес свои рисунки Льву Израилевичу. Встретились мы с ним в той же уже знакомой мне квартире. Мои работы ему понравились. С первого же показа он одобрил их, и книга вышла в моем оформлении в 1964 году. Позже было ее переиздание в том же виде. Таким образом, Лев Израилевич приобщил меня к сотрудничеству с книжным издательством, и затем другие писатели поручали мне иллюстрирование их книг.

В дальнейшем наши встречи случались тоже довольно часто, потому что я стал писать статьи, очерки, репортажи о художественной жизни в крае и об алтайских художниках и приносил их Льву Израилевичу для публикации в альманахе «Алтай», где он был главным редактором. Всегда неизменно интересовался Лев Израилевич жизнью художников, новыми произведениями, творческими поисками. Как-то я рассказал ему, что пишу цикл декоративных пейзажей о Риге и о Балтий-

ском море - «Янтарный край». Он тут же загорелся желанием увидеть их. Пришел ко мне в мою, недавно полученную квартиру на Черемушках, на улице Антона Петрова. Моя двухкомнатная стандартная квартира явно изумила его. Смотрел, озирался и не мог понять, почему почти совсем нет мебели, а та, что есть - самодельная. Я объяснил, что это такой стиль художника сугубо личностный, но согласиться со мной он явно не мог. Я обратил его внимание, что ведь зато все стены в картинах, весь цикл «Янтарный край» помещался на стенах квартиры, как в музее. И тут его удивление сменилось радостью и даже восторгом оттого, каковы эти картины. Что живопись необычная, яркая, в своеобразных цветовых сочетаниях, столь характерно отражающая неповторимую особенность Прибалтики. И, узнав, что эти работы нигде еще не экспонировались, мгновенно предложил сделать выставку в Союзе писателей. И летом 1974 года эта выставка состоялась. Дом писателя тогда располагался на нижнем этаже торца жилого дома, на проспекте Строителей, в то время носящего имя улицы Новой. И открытие выставки по сути дела явилось встречей с коллективом писателей Алтая. Было довольно много людей, в большинстве - молодых. Был здесь уже знакомый мне Геннадий Панов, был и Василий Нечунаев. Присутствовал и старший из всех Марк Юдалевич. Сам Лев Израилевич представил коллективу меня, рассказал о тех местах в Риге, что были на картинах, об особенностях архитектуры того древнего города. Вел всю беседу. Но и Марк Иосифович временами вклинивал свои суждения, иногда и критические замечания. В завершение Геннадий Панов прочел несколько своих стихотворений.

Затем, уже в конце 70-х годов была запоминающаяся встреча со Львом Израилевичем, когда в Барнаул приехал известный московский поэт Валентин Митрофанович Сидоров, знакомый мне по ряду встреч в Москве. А тут он решил сам познакомиться с Алтаем, о котором от меня он много слышал и, конечно же, встретиться с писателями нашего края. Я привел Валентина Сидорова в Союз писателей. Лев Израилевич был тогда ответственным секретарем организации. И тут я был свидетелем продолжительной и интереснейшей беседы двух Мастеров слова. И опять главным в разговоре был никогда не унывающий и неизменно остроумный и энергичный Лев Израилевич. Его интересовало все, всегда задавал броские, существенные вопросы и тут же сам что-то добавлял к ответам собеседника. Основной темой была культурная жизнь Москвы и Алтая. Лев Израилевич вспомнил и о своей недавней поездке в Венгрию, рассказывал о военных годах и послевоенных, проведенных в этой стране, о местных писателях, их настроениях и о политических событиях, что там не столь давно имели место. С присущим ему юмором, Лев Израилевич поведал, что недавно побывал в автомобильной катастрофе. Как-то на загородной трассе сложилась аварийная ситуация и ему на своем «москвиче» пришлось резко свернуть на обочину, в результате чего автомобиль перевернулся вверх колесами. Невозможно забыть тот задорный голос Льва Квина, присущий только ему, когда он говорил: «Сижу вверх ногами, отдаю, машу руками, прохлаждаюсь...». Ни тени страха, ни упрека в чей-то адрес, ни огорчения.

В последующие годы мы многократно виделись и общались со Львом Израилевичем на форумах творческой интеллигенции в крае, на открытиях выставок, на городских праздниках.

Так и остался в памяти живой, цельный, неповторимый образ этого человека, писателя, гражданина - Льва Израилевича Квина.

Юдалевич М.И. Эпиграммы

Л. Квину⁶⁹

Его ругали за экспресс,
За исчезающие тени,
Теперь в палатку он залез,
Чтоб жить совсем без
приключений.

Померз немного Квин в палатке, -
Сказали критики:
«В порядке».

Льву Квину, автору повести «Тени исчезают на рассвете» и многих других⁷⁰

Книги целою лавиной
Извергаются из Квина.
Сколько здесь
произведений!..
Мы хотим, чтоб книги эти
Незаметно, словно тени,
Не исчезли на рассвете.

Анекдоты от Квина (Записал Крибоносов Я.Е.)

Тихо едешь - наказан будешь

Писатель Лев Квин, обзаведясь автомобилем, утверждал, что долго обходится без аварий потому, что ездит не спеша. Но однажды из этого правила получилось исключение.

Ехал он из Новосибирска по чрезвычайно перегруженной трассе, где обгон невозможен. Сзади пристроился большой грузовик, то ли МАЗ, то ли КамАЗ, который отчаянно сигналил, требуя прибавить скорость. Но поскольку Квин не желал менять свои правила езды, шофер грузовика в сердцах «клонул» машину писа-

⁶⁹ Публикуется по тексту: «Алтай». - 1959. - №12. - С. 148.

⁷⁰ Публикуется по тексту: «Литературный Алтай». - 1958. - Февраль. - С. 4.

теля. Когда остановились, выяснилось, что сделал он это мастерски, аккуратно. Только светильники раздавил.

Вышел из кабинки, подал писателю деньги на ремонт и посоветовал поскорее сворачивать с трассы, иначе «телепающие» сзади соберутся и отметелят.

Лев Израилевич последовал мудрому совету. Однако на посту ГАИ в Новоалтайске его еще и оштрафовали за непорядок с задним светом.

Гостеприимство наше и европейское⁷¹

Писатель Лев Квин в конце Второй мировой войны был нашими органами внедрен в австрийское Сопротивление фашизму. Об этом он написал книгу «Звезды чужой стороны». После войны не терял связи с теми, кому помогал в подполье. Однажды пригласил товарища с женой на Алтай, освободил комнату в доме, угощал, развлекал, как у нас принято, возил даже на своей машине в Горный Алтай. Через некоторое время поехал, тоже с женой, отгацивать. Их встретила группа участников Сопротивления. Поместили в гостинице за счет организации Сопротивления, выдали талоны на питание за счет фонда Сопротивления, познакомили с программой пребывания, утвержденной организацией Сопротивления. Товарищ, которого Квины принимали у себя, вручил им карточку, где было написано, что семья имярек приглашает их через три дня к себе на ужин.

Органы не обманешь⁷²

Пообещав сгоряча гостям-австрийкам свозить их в Горный Алтай, Лев Израилевич не подозревал, что встретит почти непреодолимое препятствие. Оказалось, что Бийск, который не объедешь, категорически закрыт для иноземцев. Ему посоветовали лететь самолетом, до Горно-Алтайска. А дальше как? Не навешивать же рюкзаки на гостей.

Не знаю как, но, видимо, за его военные заслуги перед органами - ведь они его засыпали в Сопротивление, поездка была разрешена, но со строжайшим наказом: «через Бийск пулей».

Когда Лев Израилевич рассказывал мне эту историю, мы с ним спорили. Он утверждал: все произошло не преднамеренно. А я подозревал: он в очередной раз озоровал, затеял рисковую и опасную игру. Мне знакома была эта черта его характера. Когда в стране была объявлена очередная кампания бдительности по принципу «болтун - находка для врага», он высмеял шпиономанию детской пьесой «Кругом шпионы!» В другой раз он написал детскую комедию в защиту «малолетних преступников» - «Мы, которые оболтусы...», чем вызвал критику на свою голову.

На этот раз он проезжал через Бийск, решил почему-то завернуть к магазину. Не успел припарковаться, откуда ни возьмись - машина ГАИ. Остановились в отдалении и, вышедший человек поманивает Квина пальчиком. На подошедшего писателя обрушивается отборный русский язык:

⁷¹ Публикуется по тексту: «Встреча». - 2003. - № 3. - С. 94-95.

⁷² Там же. - С. 95-96.

- Вам что было сказано?..

Квин, возвратившись к своей машине, застает гостя побледневшего и явно струхнувшего, жен - с вопросительными взглядами.

Бормоча что-то о ГАИ, он, в самом деле «пулей» вылетел из закрытого города. На Чуйском тракте, овеянный вольными алтайскими ветрами, австрийк оклемался и даже проявил способность к юмору, всю дорогу похихикивал:

- Ке-ге-бе... ке-ге-бе...

Один Квин⁷³

Алтайский писатель Л.И. Квин был необычайно активен. Он издавался в Барнауле и Москве. Его пьесы шли в театрах края и страны. Был редактором альманаха «Алтай». Избран руководителем краевой писательской организации. Тогда-то и придумана была поговорка: куда ни кинь - везде Квин.

Привет Горбачеву⁷⁴

Л.И. Квин рассказывал, что антиалкогольную кампанию переживает без проблем. Имея сад, научился делать вина из ягод и фруктов. На период брожения соков он надевал на бутыли резиновые перчатки, они раздувались и покачивались, будто махали кому-то. Это называлось: «Привет Горбачеву!» или «Передайте Горбачу: нам и это по плечу!»

⁷³ Публикуется по тексту: «Встреча». - 2009. - № 1. - С. 48.

⁷⁴ Там же.

СПИСОК ОТДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ, ПУБЛИКАЦИЙ, ПЕРЕВОДОВ Л.И. КВИНА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

Отдельные издания

1. **Экспресс следует в Будапешт:** (Приключенческая повесть) / [художник В. Заборский]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1955. - 168 с.
2. **В те дни:** (Повесть в рассказах: для детей среднего школьного возраста) / [художник А. Калякин]. - М.: «Детгиз», 1956. - 168 с.
3. **То же** / [художник В. П. Коняшев]. - Переиздание. - Новосибирск: Книжное издательство, 1961. - 132 с.
4. **Мальчишечьи тайны:** (Сб. рассказов) / [художник Р. Овивян]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1956. - 128 с.
5. **Озорники:** (Рассказы для детей) [художник А.А. Туркин]. - Новосибирск: Книжное издательство, 1957. - 96 с.
6. **То же** / [художник М. Терещенко]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1959. - 92 с.
7. **Палатки в степи:** (Рассказы: для среднего и старшего школьного возраста) / [грав. Ю. Авдеева]. - М.: «Детгиз», 1957. - 110 с..
8. **То же** / [художник М. Терещенко]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1958. - 124 с.
9. **То же.** - Ташкент: Еш гвардия, 1960. - 116 с.
10. **Тени исчезают на рассвете:** (Повесть) / [художник А. Дерявский]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1957. - 148 с.
11. **Город не спит:** (Повесть: для старшего школьного возраста) / [художник Р. Тофтуд]. - М.: «Детгиз», 1960. - 254 с.
12. **Друзья идут в ногу:** (Рассказы) [художник С. Карпов]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1960. - 116 с.
13. **Привет, Иошка!** (Рассказы о ребятах современной Венгрии: для детей среднего школьного возраста) / [художник С. Калачев]. - Новосибирск: Книжное издательство, 1962. - 96 с.
14. **Что принесет утро?:** (Повесть: для старшего школьного возраста) / [художник В. Богаткин]. - М.: «Детгиз», 1962. - 272 с.
15. **Город не спит:** (Роман) / [художник А. Дерявский]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1963. - 524 с.

16. **Икс, Игрек, Зет:** (Повесть о делах мальчишечьих, веселых и разных) / [художник С.В. Калачев]. - Новосибирск: Книжное издательство, 1963. - 156 с.
17. **То же** / [художник Ю. Капустин]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1968. - 152 с.
18. **Угол и овал. (Чья вина?):** (Драматическая история в 2 частях с прологом). - М.: ВУОАП, 1963. - 86 л. - Ротапринт.
19. **Звезды чужой стороны:** (Роман) / [художники И. Цесюлевич, Л. Цесюлевич]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. - 316 с.
20. **То же** / послесл. И. Кенде; [художник В. К. Колесников]. - Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. - 328 с.
21. **То же** / послесл. И. Кенде; [художник А. Курдюмов]. - переиздание. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985. - 288 с.
22. **Idegen csillagok alatt (Звезды чужой стороны)** (перевод на венг.). - Будапешт: «Kossuth Konvikado», 1970. - 232 с.
23. +35. **Приключения двух друзей в жаркой степи:** (Повесть: для детей среднего школьного возраста) / [художник Э.С. Гороховский]. - Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1965. - 168 с.
24. **Побег Сани Петушкова:** (Веселые рассказы о мальчишках) / [художник Д. Стапрэнс]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. - 164 с.
25. **Семьдесят неизвестных:** (Рассказы: для среднего школьного возраста) / [художник П. Павлинов]. - М.: «Детская литература», 1965. - 160 с.
26. **То же.** - Изд. 2-е - М.: «Дет. лит.», 1967. - 158 с.
27. **Что будет вчера, что было завтра:** (Совершенно невероятное происшествие в 2 частях: пьеса для ТЮЗов). - М.: ВУОАП, 1965. - 82 л. - Ротапринт.
28. **Незадача с задачей:** (Рассказы: для младшего школьного возраста) / предисловие автора; [художник Э.И. Галкина]. - М.: «Дет. лит.», 1966. - 64 с.
29. **Сколько осталось до звонка?:** (Повесть, рассказы) / [художник В. Туманов]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1967. - 222 с.
30. ...**Начинают и проигрывают:** (Повесть: для старшего школьного возраста) / предисловие автора; [художник Э. Гороховский]. - Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1968. - 272 с.
31. **То же.** - 2-е издание, исправленное и дополненное - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1975. - 264 с.
32. **Кто мне поверит? (Наследный принц):** (Драма в 2 ч.: для детей школьного возраста). - М.: ВУОАП, 1969. - 80 л. - Ротапринт.
33. **Мы, которые оболтусы....:** (Повести: для детей среднего школьного возраста) / [художник Л.А. Серков]. - Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1969. - 288 с.
34. **Толя плюс Катя:** (Повесть и рассказы / [художник Т. Ашкинази]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1970. - 244 с.
35. **Звезды чужой стороны:** (Роман); **В те дни:** (Рассказы); **Угол и овал:** (Драм. история) / вступительная статья Н. Дворцова; [художник Б. Лупачев]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1972. - 432 с.

36. **Чудак-человек:** (Драма в 2 частях). - М.: ВУОАП, 1973. - 92 л. - Ротапринт.
37. **Было - не было:** (Совершенно невероятная история, происшедшая с двумя злакодычными друзьями не в далекие сказочные времена, а в наши дни и достоверно записанная с их собственных слов Львом Квином: повесть) / [художник Б. Храбрых]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1974. - 104 с.
38. **Высоко в синем небе:** (Пьесы) / [художник Н. Смирнов]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1976. - 224 с.
39. **Три жизни Николая Струкова:** (Документальная повесть для среднего и старшего школьного возраста) / [фото Е. Шлея; цветные фото Н. Калинина; оформление Б. Шляпугина]. - М.: «Дет. лит.», 1977. - 128 с. - (Герои нашего времени).
40. **Горький дым костров:** (Документальные повести для старшего школьного возраста) / [художник Г. Бурков]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1978. - 248 с.
41. **Везет же людям!:** (Повести для старшего и среднего школьного возраста) / [художник Б. Храбрых]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1979. - 344 с.
42. **То же.** - Изд. 2-е - М.: «Дет. лит.», 1985. - 304 с. - (Библиотека приключений и научной фантастики).
43. **Ржавый капкан на зеленом поле:** (Роман для старшего возраста) / [художник И. Ушаков]. - М.: «Дет. лит.», 1980. - 304 с. - (Библиотека приключений и научной фантастики).
44. **Ржавый капкан на зеленом поле:** (Роман и повести). - переиздание. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1982. - 648 с.
45. **Ржавый капкан на зеленом поле** (на армянском языке). - Ереван.: изд. «Еревик», 1988.
46. **До шестнадцати...:** (Рассказы для сред. и старшего школьного возраста) / [художник А. Толмачев]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1984. - 128 с.
47. **Характеры и судьбы:** (Документальная повесть о людях Алтая) / [художник В.И. Еврасов]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1988. - 464 с.
48. **Кругом шпионы!:** (Пять веселых пьес для ребят) / [художник А. Емельянов]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1990. - 334 с.
49. **Избранное:** (Романы и рассказы) / послесловие Ю. Мосткова; [художник А. Курдюмов]. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1992. - 600 с.
50. **Живы будем - не помрем!..** / вступительная статья В.А. Возчикова. - Бийск: НИЦ БИГПИ, 1995. - 96 с. - (50-летию народного подвига. 1941-1945).
51. **Улица королевы Вильгельмины:** (Повесть о странностях времени). - Барнаул: АОЗТ «Полиграфист», 1996. - 350 с.
52. ...Начинают и проигрывают. - М.: «Вече», 2006. - 318 с.

Публикации в периодических изданиях и сборниках

1. **Негодяй.** Фельетон // «Сталинская смена». - № 71 - 04 июня 1954. - С.4.
2. **Люди комсомольской стройки** // «Сталинская смена». - № 30 - 11 марта 1955. - С. 2-3.
3. **Трусишка.** Рассказ. // «Сталинская смена». - № 46 - 17 апреля 1955. - С. 4.

4. **Бином Ньютона.** Ответственное задание. Рассказы. // «Юность». - № 2. - 1955. - С. 37-43.
5. **В те дни.** Рассказ. // **Золотые искорки.** Повести, рассказы, очерки, стихи для детей. Выпуск № 4 - Новосибирск, 1955. - С. 3-80.
6. **Экспресс следует в Будапешт. Приключенческая повесть. Начало.** // «Комсомолец Кузбасса». - № 25-26, 28. - С. 4.
7. **Обитатели «замка грез».** Рассказы. // «Юность» - № 3 - 1956.
8. **Труба центрального отопления.** Рассказ. // **Золотые искорки.** Рассказы, стихи, очерки для детей. Выпуск № 5. Новосибирск, 1956. - С. 50-54.
9. **Аквариум и море.** Рецензия на повесть Захарова Б. Крутая волна. // «Молодежь Алтая». 29 марта 1957.
10. **На снежной колее.** Рассказ. // «Алтай» - № 10. - 1957. - С. 207-216.
11. **Приключения и литература. Особенности жанра.** // «Комсомольская правда». № 138. - 14 июня 1958. - С. 2.
12. **Ящики.** Рассказ. // «Алтай». - № 11. - 1958. - С. 296-300.
13. **Сад на целине.** Рассказ. // **Так поступают пионеры.** М.: «Детгиз», 1958.
14. **Творческие планы.** // «Литературный Алтай». - Февраль 1958. - С. 1.
15. **По горячему следу.** Юмореска. // «Алтайская правда». - 01 апреля 1958. - С. 4.
16. **Занимательно можно писать обо всем.** // «Литература и дети». - 07 декабря 1958. - С. 4.
17. **Экзамен. Марина вступает в бой.** Рассказы. // «Сибирские огни». - № 3. - 1959. - С. 12-34.
18. **Друзья идут в ногу.** Рассказы. Вступительное слово автора. // «Юность». - № 4. - 1959. - С. 4-22.
19. **Побег Сани Петушкова.** Рассказ. // **Советской страны пионер.** М.: «Детгиз», 1959.
20. **Город не спит.** Главы из повести. // «Молодежь Алтая». - №№ 195-203. 3-14 октября 1959.
21. **Велосипед с мотором.** Рассказ. // **Орленок.** Сборник для детей. Барнаул, 1959. - С. 149-165.
22. **Листовки.** Отрывок из повести «В предутренней мгле». // «Вечерний Новосибирск». - № 172. - 21 июля 1960. - С. 3.
23. **Происшествие в «Форуме».** Главы из повести «Что принесет утро?». // «Семья и школа». - № 12. - 1960. - С. 10-14.
24. **За воротами крепости.** // «Крестьянка». - № 7. - 1960.
25. **Двое на комбайне.** // **Клад.** 1960.
26. **Az UF - mikroba.** // Nepszabadsag. - 02 октября 1960. - С. 9.
27. **Ko nesis rits?** // Riga Balss. - № 86. 11 апреля 1961. - С. 2-3.
28. **Двое на комбайне.** Рассказ. // **Россия. Книга о Родине.** - М., 1961. - С. 472-480.
29. **Первая легальная.** Глава из повести «В предутренней мгле» // «Алтай». - № 17 - 1961. - С. 93-110.
30. **Тетушка из Сомбателя:** Из рассказов о ребятах современной Венгрии. // «Алтай». - № 19 - 1961. - С. 77-90.

31. **Что принесет утро?** Отрывок из повести. // «Молодежь Алтая». - № 249-250, 253, 257 - 16-17, 22, 27 декабря 1961.
32. **Встреча с легендой** // «Алтай». - № 4 (23). - С. 75-78. Очерк о герое Гражданской войны А.Е. Рое, соратнике И.А. Кочубея.
33. **Парень что надо.** Рассказ. // «Алтай». - № 3. - 1962. - С. 91-100.
34. **Задача.** // Всегда готов. 1962.
35. **Трое в ночном небе.** Отрывок из романа «Звезды чужой стороны». // «Алтайская правда». - № 298. - 21 декабря 1963. - С. 3.
36. **Угол и овал (Чья вина?)**: Драматическая история в 2-х частях с прологом. // «Алтай», - № 1 (24). - 1963. - С. 24-74.
37. **Беглецы.** Результаты проверки письма в редакцию. // «Алтайская правда». - № 70. - 23 марта 1963. - С. 3.
38. **Звезды чужой стороны.** Роман. // «Сибирские огни». - № 6-9 - 1964.
39. **Звезды чужой стороны.** Отрывок из романа. // «Советская Сибирь». - № 28. - 02 февраля 1964. - С. 3.
40. **В.О.Г.** Рассказ. // «Алтай». - № 4. - 1964. - С. 32-43.
41. **Сюрприз из мешковины.** Отрывок из рассказа. // «Молодежь Алтая». - № 1-2. - 01 января 1965. - С. 1, 4.
42. **Орден в коробочке. Марика.** // «С добрым утром». - 1965.
43. **Семьдесят неизвестных.** Рассказ. // «Уральский следопыт». - № 8. - 1965.
44. **Семьдесят неизвестных.** Рассказ. // «Алтайская правда». - № 36-37. 13-14 февраля 1965. - С. 3.
45. **Под носом у гестапо.** (О создании романа «Звезды чужой стороны»). // «Алтайская правда». - № 78. - 03 апреля 1965. - С. 4.
46. **Черствость.** Рассказ. // «Алтайская правда». - № 167 - 17 июля 1965. - С. 3-4.
47. **Что будет вчера, что было завтра.** Отрывок из комедии «Нет, нет, это не ошибка». // «Алтайская правда». - № 309. - 31 декабря 1965. - С. 2.
48. **Палата «Грги».** Отрывок из повести «...Начинают и проигрывают». // «Молодежь Алтая». - № 75-77. 16-17, 19 апреля 1968. - С. 2-3.
49. **Сюрприз из мешковины.** Рассказ. // **Сквозь годы и грозы.** Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1968. - С. 178-192.
50. **История одной любви:** Из дневника, найденного за шкафом. Рассказ. // «Алтай», - № 2. - 1969. - С. 98-109.
51. **Севрюга, Серега, Сергей.** Повесть. // «Уральский следопыт». - № 1-2. - 1967.
52. **Дважды два.** Рассказ. // «Уральский следопыт». - № 5. - 1969. - С. 52-56.
53. **Idegen csillagok alatt** (Valahol Magyarorszagon) (Звезды чужой стороны) (перевод на венг.) // Orszagvilag. - № 13-20 -1970. (№ 13-15, 18, 20 - С. 12-13; № 16 - С. 23; № 17, 19 - С. 12) (Будапешт).
54. **Толя плюс Катя.** Рассказ. // «Молодежь Алтая». - 19-20 февраля 1970.
55. **Дважды два.** Рассказ. // «Алтайская правда». - 07 марта 1970. - С. 4.
56. **Было - не было.** Повесть. // «Молодежь Алтая». - № 252-253, 257, 260. - 19, 22, 26, 31 декабря 1970; № 2, 4-7, 10-15, 18-19, 21-36. - 5, 7-9, 12, 15-16, 19-22, 27-28, 30 января, 2-20 февраля 1971.

57. **Чудак-человек:** Драма в 2-х частях. // «Алтай». - № 4. - 1972. С. - 19-51.
58. **Первое знакомство.** Отрывок из повести «Плюс 35 градусов». // «Ленинец». - № 92. 31 июля 1973 . - С. 2-3.
59. **Первый фельетон Вилиса Лациса** // «Алтай». - 1973. - № 1 (64). - С. 92.
60. **Инструкцией не предусмотрено. Марина вступает в бой.** // Твои ровесники: повести и рассказы. - Новосибирск, 1974. - С. 152-186.
61. **Высоко в синем небе:** Дневник пилота в двух частях. Пьеса. // «Алтай». - № 1. - 1975. - С. 33-60.
62. **Счастье - не залетная птица:** Очерк о председателе Соколовского поссовета народных депутатов Алтайского края Н.Т. Струкове. // «Алтай». - 1974. - № 1. - С. 3-16.
63. **То же.** // От Кулунды до Кош-Агача. Барнаул, 1975. - С. 123-145.
64. **Три жизни Николая Струкова.** // «Уральский следопыт». - № 5-6. - 1975.
65. **Счастье - не залетная птица:** Очерк о председателе Соколовского поссовета народных депутатов Алтайского края Н.Т. Струкове.// «Земля моя, Алтай». - Барнаул, 1977. - С. 218-240.
66. **Информационное сообщение о пленуме крайкома КПСС.** Изложение выступления ответственного секретаря краевой писательской организации Л.И. Квина на пятом пленуме Алтайского краевого комитета КПСС о работе писательской организации с творческой молодежью. // «Алтайская правда». - 05 февраля 1977. - С. 3.
67. **Азы науки и уроки жизни:** Очерк о заслуженном учителе РСФСР, директоре Воронихинской средней школы Ребрихинского района В.М. Варно. // «Алтайская правда». - № 205. - 01 сентября 1977. - С. 3-4.
68. **Везет же людям.** Пьеса. // «Уральский следопыт». - № 7. - 1978.
69. **Ржавый капкан на зеленом поле:** (Роман). // «Сибирские огни». - 1979, № 8. - С. 3-70; № 9. - С. 77-146.
70. **Обед в Инсбруке.** Главы из романа «Ржавый капкан на зеленом поле». // «Алтайская правда». - 01 мая 1979.
71. **Доброта или слабые нервы?:** Из записной книжки писателя. // «Алтайская правда». - № 226. - 02 октября 1979. - С. 3.
72. **До свиданья, фестиваль!** (Об итогах литературного фестиваля «Алтайская осень», посвященного 250-летию Барнаула). // «Алтайская правда». - 13 ноября 1979.
73. **Алтай ждет гостей.** (Беседа с ответственным секретарем краевой писательской организации Л.И. Квином о предстоящих Днях советской литературы на Алтае. Вела Л. Двоеглазова. // «Алтайская правда». - 09 июля 1982.
74. **Пять минут:** Размышления писателя о дисциплине, о долге, об ответственности за порученное дело. // «Алтайская правда». - 14 мая 1983.
75. **То же.** // «Школа успеха». - Барнаул, 1988. - С. 14-18.
76. **Киднап - игра для крепких нервов:** Сцены из первой части комедии. // «Алтай». - № 4. - 1983. - С. 34-51.

77. **Интернационализм советской литературы.** К 50-летию со дня революционного восстания австрийских рабочих. // «Алтай». - № 2. - 1984. - С. 109-111.
78. **Поезд специального назначения.** Главы из романа «Звезды чужой стороны». // Цена победы. Барнаул, 1985. - С. 200-260.
79. **Чувство долга:** Очерк о совместной работе на уборке урожая учителей, учащихся и хлеборобов совхоза «Бийский». // «Алтайская правда». - 11 января 1985.
80. **Нужен литературный музей:** О проблемах создания литературного музея в Алтайском крае. // «Алтайская правда». - 25 апреля 1986. - В соавторстве с Бородкиным П., Гущиным Е., Кудиновым И., Юдалевичем М., Гришаевым В.
81. **Ящики.** Рассказ. // *Грустная пятница*. - Барнаул, 1986. - С. 58-63.
82. **Черный хлеб разведки:** Документальная повесть о чекисте Алтая М.И. Асельборне. // *Революцией призваны*. - Барнаул, 1987. - С. 168-187.
83. **Горький дым костров.** Документальная повесть о разведчиках И. Фризене и М. Асельборне. // Квин Л.И. *Характеры и судьбы*. - Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1988. - С. 139-230.
84. **Будем милосердными!** // «Алтайская правда». - 14 мая 1989. Размышления председателя правления Алтайского отделения фонда милосердия и здоровья Л. Квина.
85. **Фальшивка (Не смирюсь никогда!):** Драма в 2 действиях // «Алтай». - 1990. - № 2. - С. 121-157.
86. **Ляпы идут косяком.** Юмореска. // «Алтайская правда». - 05 мая 1991. - С. 13.
87. **Человек, который растворился в воздухе.** // «Барнаул». - № 2, 1993.
88. **В редакцию журнала «Алтай»** // «Алтай». - № 2. - 1993.
89. **Барнаульцы! Знаете ли вы, где у нас в городе была Заячья слобода?:** об одном малоизвестном стихотворении Николая Глазкова [Барнаульские зайцы] // «Барнаул». - 1994. - № 2. - С. 168-169.
90. **А почтовый индекс где?** Конверт от письма Ивану Ползунову в моей коллекции // «Барнаул». - 1994. - № 2. - С. 170-172.
91. **Проздравили...** // «Молодежь Алтая». - 1994. - 29 апр. (№ 18). - С. 10. Отклик на статью А. Васильева «Пингвины в степях Украины» о журнале «Барнаул».
92. **Известный рижский городской сумасшедший** // Библиотека «Писатели Алтая». - Барнаул, 1998. - Т. 1: Справочный том. - С. 185-194.
93. **Хэппи-энд.** История одной любви: Из дневника найденного за шкафом // «Алтай». - 2001. - № 4. - С. 44-54.
94. **Чертова дюжина, или Одна тысяча сорок три слова от автора:** несостоявшееся предисловие к несостоявшейся книге «Чертова дюжина» // «Барнаул». - 2002. - № 1. - С. 73-75.
95. **Кто убил лебедей?** Рассказ // «Барнаул». - 2006. - № 2. - С. 46-54.
96. **Ежовые рукавицы. Труба центрального отопления.** Рассказы. // «Это мой мир». - 15 декабря 2009. - № 23. Вкладыш.
97. **«В.О.Г.»** Рассказ. // «Это мой мир». - 25 декабря 2009. - № 24. Вкладыш.

Переводы

1. Салениек Э. **Белочка Майга.** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1966, 96 с.
2. Салениек Э. **Тайна на шестерых.** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1969, 126 с.
3. Салениек Э. **Рыжий. Страшный зверь.** Рассказы. Перевод с латышского. // «Алтай», № 3, 1972. - С. 62-75.
4. Бранк Вольдемар. **Маленький человек на большом пути.** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1972, 192 с.
5. Салениек Э. **Белочка Майга.** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1973, 240 с.
6. Лагздынь В. **Цепная реакция.** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1976, 94 с.
7. Вия Унмале. **Бригантины и капитаны.** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1980, 160 с.
8. Ринкуле-Земзаре Д. **Изобрази себя.** Перевод с латышского. // Даугава, № 6, 1982, Рига.
9. Ринкуле-Земзаре Д. **Вот какие мы!** Перевод с латышского. // М.: «Детская литература», 1983, 144 с.
10. Гельд В. **Пламя черной свечи.** Перевод с немецкого. // «Алтай». - № 1-4. - 1992.
11. Май Шёвалль и Пер Валё. **Человек, который растворился в воздухе.** Шведский детектив-триллер. Перевод с немецкого. // «Барнаул». - № 2-3, 1993.
12. Добро пожаловать, Вас ждет смерть. Барнаул: Издательский центр «Инис», 1994, 346 с. - Содержание: Дж. Д. Макдональд. **Добро пожаловать, Вас ждет смерть** (перев. с англ.); В. Гельд. **Пламя черной свечи** (перев. с нем.).
13. **Пламя черной свечи.** Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1995, 434 с. - Содержание: М. Шёвалль и П. Валё. **Человек, который растворился в воздухе** (перевод с англ.); В. Гельд. **Пламя черной свечи** (перев. с нем.); Д. Гамильтон. Экс-жена зовет на помощь (перев. с англ.).

Литература о жизни и творчестве

1. Юдалевич М.И. Экспресс следует в Будапешт. (О первой книге Квина Л.И.). // «Алтайская правда». - № 227, 24 сентября 1955. - С.4.
2. В те дни. Аннотация на повесть. // «Молодая гвардия». - № 1. - 1956. - С. 235.
3. «Мальчишечки тайны». Аннотация на повесть. // Там же. - С. 235-236.
4. Омбыш-Кузнецов С. Книги приключений и фантастики. // «Сибирские огни». - № 2. - 1956. - С. 181-183.
5. Никульков А. Веселая книжка. (О книге Квина Л.И. «Озорники». Новосибирск, 1957). // «Советская Сибирь». - № 97, 24 апреля 1957. - С. 4.
6. На «литературном понедельнике». // «Алтайская правда». - № 275, 23 ноября 1957. - С. 3.

7. Малюкова Н. О Геше - любителе книжек с приключениями. // «Сибирские огни». - № 1. - 1957. - С. 184-185.
8. Мостков Ю. О большом и важном. // «Сибирские огни». - № 12. - 1958. - С. 178-179.
9. Никульков А. Воспитывать строителей и борцов! // «Литературная газета». - 10 июня 1958.
10. Атамановская Н. В поисках положительного героя. // «Алтайская правда». - № 42. - 19 февраля 1958.
11. Савицкая Ю. С чего начинается целина. // «Пионер». - № 2 - 1958. - С. 76.
12. Мусатов А. В долгу (в том числе о книге Квина Л.И. «Палатки в степи»). // «Литература и жизнь». - № 102. - 03 декабря 1958.
13. Носов Н. О литературе, о критике, о том, как трудно быть детским писателем (упоминание о Квине Л.И.). // «Литература и жизнь». - № 106. - 09 декабря 1958.
14. Баруздин С. Жизнь, школа и детские книжки (Упоминается книга Квина Л.И. «Палатки в степи»). // «Комсомольская правда». - № 283. - 03 декабря 1958. - С. 3.
15. Проведем большой производственный разговор (в том числе о книгах Квина Л.И.) // «Литературный Алтай». - Февраль 1958. - Стр. 1.
16. Казанцев И. Рассказы о целинниках. // «Литературный Алтай». - Февраль 1958. - С. 2-3.
17. Юдалевич М.И. Эпиграмма «Льву Квину» // «Литературный Алтай». - Февраль 1958. - С. 4.
18. Никульков А. Воспитывать строителей и борцов! // «Литературная газета». - 10 июня 1958.
19. Пустовойт П. Благодарная тема. // «Учительская газета». - 26 июля 1958.
20. Лане Г. Без ярких образов. // «Алтайская правда». - № 99. - 26 апреля 1958. - С. 4.
21. Попов В. Жизнь и схема. // «Молодежь Алтая». - 13 мая 1958.
22. Рассказы Л. Квина. // Радио, телевидение. - № 12-14 марта 1959. - С. 4.
23. Казанцев И. Ближе к жизни. // «Алтайская правда». - № 46. - 24 февраля 1959. - С. 3-4.
24. Жарова Т. Одно из имен. Заметки о творчестве Л. Квина. // Детская литература. 1959 года. М., 1959. - С. 150-164.
25. Юдалевич М.И. Эпиграмма Л. Квину. // «Алтай». - № 12. - 1959. - С. 148.
26. Ореховский А. Ярче писать о нашем современнике. // «Алтайская правда». - 23 сентября 1960.
27. Еришов Л. Мы с ними встречались. // «Молодежь Алтая». - 19 июля 1960.
28. Abel Peter «Avendeg aki mar nem vendeg. Beszelgetes Leon Kvin szovjet iroval» // Nephadsereg. - 22 ноября 1960. - С. 15.
29. Гайдашевская Т. Интересная встреча. // «Советский учитель». - № 7. - 30 апреля 1961. - С. 3.
30. Юдалевич М.И. Неоплаченный долг алтайских писателей (в том числе о пьесе Квина Л.И. «Угол и овал») // «Алтайская правда». - № 302. - 27 декабря 1961 - С. 3.

31. Ореховский А. И целиной, и торными тропами. // «Алтай». - № 17. - 1961. - С. 138-145. О сборнике «Друзья идут в ногу» - С. 138-140.
32. Квин Л.И. (Биография). // Витман А.М., Оськина Л. Советские детские писатели. Биобиографический словарь. (1917-1957). М., «Детгиз». - 1961. - С. 180.
33. Побожий В. Промахи в занимательной повести. (О романе «Город не спит»). // «Сибирские огни». - № 8. - 1961. - С. 189-191.
34. Александрова Т. «Угол и овал» (Заметки с театральной премьеры) // «Алтайская правда». - № 250. - 21 октября 1962. - С. 3.
35. Лане Г. Утро принесло свободу. (О романе Квина Л.И. «Город не спит»). // «Алтайская правда». - № 139. - 14 июня 1963. - С. 3.
36. Мамадаков М. У нас в гостях писатель (О встречах с алтайскими писателями, в том числе с Квина Л.И.) // «Молодежь Алтая». - № 237. - 01 декабря 1963.
37. «Писать о тружениках, писать для тружеников!» // «Молодежь Алтая». - № 53. - 16 марта 1963.
38. Орлов М. Впереди еще много книг. // «Алтайская правда». - 14 апреля 1963.
39. Николаев Г. «Сервус, Иошка!» // «Молодежь Алтая». - № 112. - 08 июня 1963.
40. Помыканов Б. «А я сама не читаю...» (Упоминается книга Квина Л.И. «Город не спит») // «Молодежь Алтая». - № 196. - 02 октября 1963.
41. Юдалевич М.И. Больше книг - хороших и разных. // «Алтайская правда». - 10 марта 1963.
42. Толстых А. Встреча с друзьями. // «Сибирские огни». - 1963. - № 7. - С. 185-186.
43. Казанцев И. Писатели Алтая служат народу. // «Алтай». - № 2 (25) - 1963. - С. 3-10, о книгах Квина Л.И. - С. 7-8.
44. Мостков Ю. Что вы знаете о «Таобоско»? (О книге Квина Л.И. «Икс, Игрек, Зет». Новосибирск, 1963.) // «Советская Сибирь». - № 60. - 11 марта 1964. - С. 3.
45. Лев Квин. О книгах и о себе. // «Алтайская правда». - № 281. - 28 ноября 1964.
46. Иванова М. Звезды чужой стороны (Новый роман Л. Квина) // «Молодежь Алтая». - 06 марта 1965.
47. Юбилейная афиша (О спектакле по пьесе Квина Л.И. «Товарищ Икс» в Алтайском краевом театре музыкальной комедии). // «Алтайская правда». - № 273. - 26 ноября 1966.
48. Чернышов Г. «Товарищ Икс» (Об одноименном спектакле по пьесе Квина Л.И. в Алтайском театре музыкальной комедии). // «Алтайская правда». - № 290. - 17 декабря 1966. - С. 4.
49. Штокман И. Свой парень Иошка... // «Молодежь Алтая». - 09 июля 1966.
50. Лев Израилевич Квин. Памятка читателям 5-8 классов. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство. - 1966. - 7 с.
51. Яновская Ф. Весело о серьезном. // «Сибирские огни». - № 12, - 1966. - С. 181-182.
52. Мотяшов И. Уважение к читателю. // «Сибирские огни». - № 4. - 1967. - С. 167-177.

53. Мотяшов В. Ответ «красивому» капитану. (О рассказе «Мираж») // «Детская литература». - № 3. - 1967. - С. 4-7.
54. Юшманова Н. Учитель! Слово-то какое. // «Уральский рабочий». - 18 июня 1967.
55. Юдалевич Б.М. Как родился спектакль. (О спектакле «Что было завтра» по пьесе Квина Л.И. в Алтайском театре юного зрителя). // «Молодежь Алтая». - № 95. - 14 мая 1967 - разворот.
56. Ищуков И.Г. Товарищи по оружию. «Звезды чужой стороны» - новая книга Льва Квина. // «Книжное обозрение». - № 22. - 27 мая 1967. - С. 3.
57. Квин Л.И. // Писатели Алтая: биобиографический справочник / Алтайская краевая библиотека; составители М.Г. Вохрышева, Л.С. Панкратова. - Барнаул. - 1967. - С. 35-43.
58. Кенде И. О том времени, о тех встречах. // Квин Л.И. «Звезды чужой стороны». Новосибирск. - 1967. - С. 323-326.
59. Юдалевич Б.М. Петух и его товарищи. (О повести Квина Л.И. «Мы, которые оболтусы...»). // «Алтайская правда». - № 110. - 14 мая 1968. - С. 3.
60. Верховцев А. Саша Мусатов - друг лейтенанта Елинека. (О книге Квина Л.И. «Звезды чужой стороны»). // «Советский воин». - 07 января 1968.
61. Коган А.Н. «Писатели Алтая». (О биографическом справочнике). // «Алтай». - № 1. - 1968. - С. 125-127. - О Квине Л.И. - С. 126.
62. Казанцев И. До звонка и после звонка. (О книге ««Сколько осталось до звонка?»») // «Алтай». - 1969. - № 1. - С. 106-109.
63. Шишов В. Родное, близкое, свое. Омск, Западно-Сибирское книжное издательство, Омское отделение. - 1969. - 106 С. - О романе «Звезды чужой стороны» - С. 14.
64. Васильева Ф. Дело из архива. // «Сибирские огни». - № 4. - 1969. - С. 187-188.
65. Кречетова О. Только чуть поменьше ростом // «Алтайская правда». - 17 февраля 1971.
66. Серебряный В.С. На рубеже зрелости. // «Молодежь Алтая». - № 98. - 17 мая 1972. - С. 3-4.
67. Серебряный В.С. Дорогами мальчишечьих тайн: (К 50-летию Л.И. Квина). - «Алтай», - № 2. - 1972. - С. 78-80.
68. Дворцов Н.Г. Писатель и жизнь. К 50-летию писателя Квина Л.И. // «Алтайская правда». - № 92. - 20 апреля 1972. - С.3.
69. Дни советской литературы на Тюменцевской земле. (В том числе о Квине Л.И.) // «Ленинец». - № 92. - 29 июля 1972. - С. 1.
70. О награждении писателя Л.И. Квина Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1972. - № 17. - С. 285.
71. То же // «Алтайская правда». - 20 апреля 1972.
72. Юдалевич М.И. Жизнь и книги. К 50-летию писателя Квина Л.И. // «Молодежь Алтая». - 20 апреля 1972.
73. Бутаков А.Т. Алтайскому книжному издательству - четверть века. // «Алтай». - № 1. - 1973. - С. 108-115. - О Квине Л.И. - С. 109.

74. Природа подвига. Интервью с писателем Квином Л.И. // «Алтайская правда». - 29 декабря 1973.

75. Квин Лев Израилевич // «Писатели Алтая»: биобиблиографический справочник / Алтайская краевая библиотека; составители. М.Г. Вохрышева и др. - Изд. 2-е, исправленное и дополненное - Барнаул: Алтайское книжное издательство. - 1974. - С. 34-44.

76. Березюк И. Приключения и философия. (О книге Квина Л.И. «...Начинают и проигрывают». Барнаул, 1975) // «Алтайская правда». - № 276. - 22 ноября 1975. - С. 4.

77. Фатин И. Люди переднего плана. (Об очерке «Счастье - не залетная птица»). // «Алтайская правда». - 20 сентября 1975.

78. Павлючук Э. «Было - не было»: мнение читателя // «Молодежь Алтая». - 06 ноября 1975.

79. Никульков А. Зрителям повезло. (О спектакле «Везет же людям» по пьесе Квина Л.И. в Новосибирском театре юного зрителя). // «Вечерний Барнаул». - 15 декабря 1976.

80. Квин Лев Израилевич // «Русская литература Сибири 1917-1970 гг.» Библиографический указатель. - Новосибирск. - 1977. - Ч. 2. - С. 152-154.

81. Курбатов В. Год и вся жизнь: (Взгляд на алтайскую литературу 1976 года). // «Сибирские огни». - 1977. - № 4. - С. 172-187. - О пьесе «Высоко в синем небе» - С. 176-177.

82. Павлючук Э. Повесть о мужестве. // «Алтайская правда». - 20 октября 1977.

83. Павлючук Э. Жизнь как подвиг. // «Молодежь Алтая». - 22 декабря 1977.

84. Мар Н. В Соколове, на Алтае... // «Литературная газета». - 18 октября 1978. - С. 11.

85. Мостков Ю. Рецензия на книгу Квина Л.И. «Горький дым костров» // «Сибирские огни». - 1979. - № 11. - С. 189-191.

86. Ведерников В. Дни и годы Арвида Ванага. Заметки о романе Льва Квина «Ржавый капкан на зеленом поле». // «Алтайская правда». - № 31. - 06 февраля 1980. - С. 3.

87. Леонидов С. Рецензия на роман Квина Л.И. «Ржавый капкан на зеленом поле» // «Литературное обозрение». - 1980. - № 9. - С. 75.

88. О присвоении почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» Квину Льву Израилевичу - ответственному секретарю Алтайской писательской организации. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР // «Ведомости Верховного Совета РСФСР». - 1980. - № 34. - Ст. 1085. - С. 761.

89. О награждении писателя Квина Л.И. орденом «Знак Почета»: Указ Президиума Верховного Совета СССР - 19 апреля 1982 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». - 1982. - № 17. - Ст. 279. - С. 237.

90. То же. // «Алтайская правда». - 20 апреля 1982.

91. Льву Израилевичу Квину 60 лет // Алтайская краевая писательская организация. - Барнаул, 1982. 1 л. в обложке.

92. Квин Л.И. Мир, открытый заново: Беседа с писателем Л. Квином накануне юбилея, вела Л. Кошкарева. // «Алтайская правда». - 20 апреля 1982.

93. О творчестве Л.И. Квина. // Очерки русской литературы. В 2-х т. Т. 2. Советский период. - Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение. - 1982. - С. 425, 492, 495-496, 595-596, 614.
94. Березюк И. Звезды родной стороны. (К 60-летию Л.И. Квина) // «Алтай». - 1982. - № 1. - С. 97-102.
95. Путь литератора. К 60-летию ответственного секретаря Алтайской краевой писательской организации Л.И. Квина // «Литературная Россия». - 16.04.1982. - С. 20.
96. Попов В.Н. Писатель своей темы. // «Молодежь Алтая». - 20 апреля 1982.
97. Мостков Ю. Цельность многообразия. // Сибирские огни. - 1982. - № 5. - С. 161-170.
98. То же. // Мостков Ю. О писателях и книгах. - Новосибирск. - 1986. - С. 37-69.
99. «Алтай»: Литературно-художественный и общественно-политический ежеквартальный альманах Алтайской краевой писательской организации: Указатель содержания. 1947-1978 гг. - Барнаул, 1982. Именной указатель. - С. 82-91.
100. Квин Л. // «Сибирские огни»: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Указатель содержания. 1965-1980 гг. Новосибирск. - 1982. - С. 133.
101. Аксенов Н.Ф. Участникам Дней советской литературы. // На крыльях дружбы: Дни советской литературы на Алтае. (Составитель О.Н. Шевчук). - Барнаул. - 1983. - С. 10-18. В т.ч. о Квине Л.И. - С. 17.
102. Забелин П. Арвид Ванаг действует, повествует. // Истоки и источники. - Барнаул. - 1983. - С. 43-59.
103. О делах мальчишечьих, веселых и разных: Памятка для учащихся 4-8 классов. Букл / Алтайская краевая детская библиотека имени Н.К. Крупской. Составители Л.И. Паршукова, Н.Я. Ефонова, З.И. Шахова. (Писатели-юбиляры). Барнаул. - 1983. 1 л.
104. Березюк И. Дело мастера красит: Обзор произведений писателей Алтая, в том числе Л. Квина, опубликованных в альманахе «Алтай» № 4 за 1983. // «Алтайская правда». - 11 марта 1984.
105. Родионова Н. Не только развлекать, но и воспитывать // «Алтай». - 1984. - № 4 - С. 116-120. - О сборнике рассказов «До шестнадцати...» - С. 119-120.
106. Лев Квин: Краткая биография // Цена Победы. - Барнаул, 1985. - С. 199.
107. Литература об Алтайском крае. Библиографический указатель. - Барнаул, 1986. - Именной указатель. - С. 217-235.
108. Квин Лев Израилевич. // «Алтай литературный». Барнаул. - 1987. - С. 6.
109. Горн В.Ф. О книге «Характеры и судьбы». // Горн В.Ф. По которой речке плыть...: Литературно-критические статьи. - Барнаул, Алтайское книжное изда-тельство. - 1988. - С. 81-84.
110. Иллюстрации художника В. Еврасова к книге Л. Квина «Характеры и судьбы». // «Алтай». - № 2. - 1988. Обложка, с. 2.

111. *Храмцова Н.* Семья просит помощи: В Барнауле прошел объединенный пленум общественных организаций края. На пленуме учреждено краевое отделение Советского фонда милосердия и здоровья, председателем избран Л. Квин. // «Алтайская правда». - 31 декабря 1988.
112. *Хомич Э.П.* Четыре повести с пятью героями // «Алтайская правда». - 8 ноября 1989.
113. Квин Лев Израилевич // «Писатели Алтая»: биографический справочник / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова; составители Н.Е. Борисова и др. - Изд. 3-е, исправленное и дополненное - Барнаул, 1990. - С. 62-67.
114. *Бутаков А.* Солдаты победы: по страницам альманаха «Алтай» - № 2 // «Алтайская правда». - 1990. - 1 августа (В т.ч. о драме Л. Квина «Фальшивка: (Не смиришь никогда)».
115. Пламя черной свечи. (О новом романе в журнале «Алтай» - перевод с немецкого, подготовка текста и комментарий Льва Квина.) // «Алтай». - № 6. - 1991. - С. 176.
116. *Попов В.Н.* Тот самый молодой человек... К 70-летию Льва Квина. // «Алтай». - № 2. - 1992. С. 77-83.
117. *Попов В.Н.* Тот самый молодой человек. Слово о друге. Писателю Л.И. Квину 70 лет. // «Алтайская правда». - 1992. - 15 апреля.
118. *Мостков Ю.* Писатель и его книги. // Квин Л.И. Избранное. Барнаул, 1992. - С. 591-600.
119. *Возчиков В.А.* Память - категория нравственная // «Алтай». - 1995. - № 4-5. - С. 297-302. (О серии книг алтайских писателей, посвященной 50-летию Великой Отечественной войны, в т.ч. о книге Л.И. Квина.)
120. *To же* // *Возчиков В.А.* Память - категория нравственная: литературные размышления. - Бийск, 1998. - С. 3-16.
121. *To же* // *Возчиков В.А.* Взгляд: литературовед. и пед. исслед. - Бийск, 2001. - Т. 1: Обращение к душе и совести. - С. 175-188.
122. *Свободная И.Н.* Человек мира сего. (Записки музейного работника по материалам личного фонда народного артиста России Дементия Гавриловича Паротикова.) // «Барнаул». - №3 . - 1995. - С. 158-171. О Квине Л. - С. 170.
123. *Возчиков В.А.* Если слово - работа души. // Квин Л.И. «Живы будем - не помрем». Бийск, 1995. - С. 5-10.
124. Лев Квин хорошо относится к красивым фотомоделям, сожалеет об отставке Чубайса и любит перечитывать Чехова. Прямая линия газеты «Свободный курс» с писателем Квином. /Подготовил Д. Негреев. // «Свободный курс». - 1996. - № 7 (15-22 февраля). - С. 17.
125. *Бутаков А.* Шесть книжек о войне // «Барнаул». - 1996. - № 3/4. - С. 188-190. (В т.ч. о книге Л. И. Квина «Живы будем - не помрем».)
126. *To же* // «Алтайская правда». - 1996. - 5 марта.
127. Его книги, его дела остаются людям. Некролог. // «Барнаул». - № 1. - 1996. - 2-я с. обложки.

128. Лев Израилевич Квин: 1922-1996 гг.: Некролог. // «Алтайская правда». - 1996. - 29 февраля.
129. Умер Лев Квин: Некролог // «Вечерний Барнаул». - 1996. - 29 февраля.
130. Юдалевич Б.М. Литература (Алтайского края) // «Энциклопедия Алтайского края». - Барнаул, 1997. - Т. 1. - С. 258-281. О Квине Л. И. - С. 275.
131. Кузнецова Н.А. Квин Лев Израилевич (1922-1996). // «Энциклопедия Алтайского края». - Барнаул, 1997. - Т. 2. - С. 174.
132. Яновский Н.Н. Квин Лев Израилевич (20.04.1922 - 27.02.1996) // Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: Биобиблиографические сведения. - Новосибирск, 1997. - С. 77-78.
133. Квин Лев Израилевич (1922-1996). // «Писатели Алтая». - Барнаул, 1998. - Т. 1. - Справочный том. - С. 185-186.
134. Бутаков А. Вдохновение и рынок. // «Алтай». - № 3. - 1998. - С. 138-144. О Л. Квине. - С. 139, 143.
135. Кудинов И.П. Год жизни: повесть в дневниках // «Барнаул». - 1999. - № 2. - С. 5-65. О Квине Л. - С. 13, 23-25.
136. То же. // Кудинов И.П. Избранное. - Барнаул, 2000. - С. 323-416. - О Квине Л.И. - С. 336, 353, 355-356.
137. Калашникова Н. Было - не было...: в Барнауле на доме № 80 на проспекте Ленина установлена мемориальная доска памяти писателя Л. Квина // «Вечерний Барнаул». - 1999. - 19 мая.
138. Соколова Г.И. Квин Лев Израилевич (1922-1996). // Барнаул: энциклопедия. - Барнаул, 2000. - С. 139.
139. Квин Лев Израилевич // Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Отдел специальной документации: путеводитель. - М., 2001. - С. 690.
140. Юдалевич М.И. Фонвизинский Тришка был прав. (Об энциклопедии «Барнаул») // «Алтай». - № 2. - 2001. - С. 170-173. О Л. Квине - С. 172.
141. Кудинов И.П., Свицов В.Б., Юдалевич М.И. Литературное Беловодье: история писательской организации Алтая. Барнаул, 2001. - О Квине Л.И. - С. 14, 26-27, 33, 38, 47, 49-51.
142. То же. // «Барнаул». - № 3. - 2001. - С. 8-31. О Квине Л.И. - С. 14, 17, 19, 20, 23.
143. То же: (отрывки). // Формула жизни: альманах литературного творчества студентов и преподавателей БПГУ им. В.М. Шукшина. - Бийск, 2006. - Выпуск 6. - С. 3-12. - О Квине Л.И. - С. 4, 7, 8.
144. Серебряный В.С. 80 лет со дня рождения писателя Л.И. Квина (1922-1996) // Страницы истории Алтая. 2002 г.: календарь знаменательных и памятных дат. - «Барнаул». - 2001. - С. 26-32.
145. Бутаков А. Многих славный путь. К 55-летию журнала «Алтай». // «Алтай». - № 6 - 2002. - С. 160-161. В том числе о Л. Квине. - С. 160.
146. Ишутина Е.Н. Вечер памяти Л.И. Квина (в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая). // Вестник культуры Алтайского края: информационный бюллетень - Барнаул, 2002. - № 2 (6): июнь. - С. 73.

147. Серебряный В.С. Память людскую. // «Барнаул». - 2002. - № 1. - С. 69-72.
148. Чупринин С. Квин Лев Израилевич. // Чупринин С. Новая Россия: мир литературы: энциклопедический словарь - справочник - М., 2003. - Т. 1: А-Л. - С. 610-611.
149. Кривоносов Я.Е. Тралы-вали. Байки из мира алтайской культуры. // «Встреча», - 2003. - № 3. - С. 83-97. - Из содержания: Гостеприимство наше и европейское; Органы не обманешь. - С. 94-96.
150. Квин З.В. Фиктивный брак длиной в полвека / Беседу с женой писателя А.И. Квина вел А. Скоморохов // «Московский комсомолец на Алтае». - 2003. - 30 апреля - 7 мая (№ 18). - С. 14.
151. Юдалевич М.И. Прошлое литературы Алтая // «Барнаул». - 2004. - № 4. - С. 110-117. - О Квине А.И. - С. 114-115.
152. Квин Л. И. // Чудесных детских книг творцы: библиографическое издание / Алтайская краевая детская библиотека им. Н.К. Крупской; составитель А.И. Жулина. - «Барнаул», 2005. - С. 17-19. (Серия «Писатели Алтая - детям»).
153. Квин Лев Израилевич // Литературный Алтай (конец XIX - начало XXI вв.): справочное издание / составители Н.Т. Герцен, В.А. Шнайдер. - Барнаул, 2006. - С. 67-72.
154. Лев Израилевич Квин (20.04.1922-27.02.1996): краткая биографическая справка. // «Барнаул». - 2006. - № 1. - 3-я с. обложки.
155. Ответственные секретари АКПО Союза писателей России (в т.ч. А.И. Квин) и годы их работы. // «Барнаул». - 2006. - № 2. - 2-я с. обложки.
156. Хронология книжных фарватеров: год вступления в Союз писателей СССР - России (постановка на учет в Алтайскую краевую писательскую организацию) и даты жизни поэтов, прозаиков, драматургов (в т.ч. А.И. Квина). / Подготовила Овсянникова О.П. // «Барнаул». - 2006. - № 3. - С. 142-143.
157. Квин Лев Израилевич // «Художники Алтайского края»: биобиблиографический словарь. - Барнаул, 2006. - Т. 2. В работах художников В.И. Еврасова, Б.Н. Лупачева, Н.М. Фролова.
158. Овсянникова О.П. Алтайское Беловодье. // Овсянникова О.П., Свицов В.Б. - Барнаул: А.Р.Т., 2007. - 71 с. - О Квине А.И. - С. 6, 71.
159. Квин Лев Израилевич. // «Писатели Алтая»: биобиблиографический словарь / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова; составители А.М. Ковалева и др. - Барнаул, 2007. - С. 177-185.
160. Квин З.В. В калейдоскопе времен // За науку. Барнаул, 2007. - 21 июля. Из воспоминаний вдовы алтайского писателя Квина А.И. о годах Великой Отечественной войны.
161. Ишутина Е.Н. С чувством личной ответственности за мир. // «Это мой мир». - 25 декабря 2009. - № 24. Вкладыш.
162. Ишутина Е.Н. Личный фонд писателя Льва Израилевича Квина (1922-1996). // Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Барнаул, 2009. - С. 45-46.

163. Кривоносов Я.Е. Времен минувших анекдоты. // «Встреча». - 2009. - № 1. - С. 41-50. - Из содержания: Один Квин; Привет Горбачеву. - С. 48.
164. Тихонов В.Е. Реальные дела писателей Алтайского края. // «Барнаул». - № 3-4. 2010. - С. 165- 168. (В том числе о Квине Л.И.)
165. Алтайский государственный театр музыкальной комедии. 1959-2009. «Барнаул». - 2010. - О Квине Л.И. - С. 26.
166. Хомич Э.П. Мальчишечьи тайны писателя Льва Квина: дискурс классики детства. // Язык, литература и культура в региональном пространстве: Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой. Барнаул, 6-9 октября 2010 г. - «Барнаул». - 2011. - Вып. 2. - С. 210. - 216.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАШЕНИЙ

АлтайТИСИЗ - Алтайский трест инженерно-строительных изысканий.

АНИИТИМ - Алтайский научно-исследовательский институт технологии машиностроения.

АОЗТ «Полиграфист» - Акционерное общество закрытого типа «Полиграфист».

ВЛКСМ - Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

ГАИ - Госавтоинспекция.

ГлавПУР - Главное политическое управление.

ГМИЛИКА - Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая.

ГЭС - Гидроэлектростанция.

ЖЭК - Жилищно-эксплуатационная контора.

ЖЭУ - Жилищно-эксплуатационное управление.

КГБ - Комитет государственной безопасности.

КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза.

НИЦ БиГПИ - Научно-издательский центр Бийского государственного педагогического института.

ПУ ЦГВ - Политуправление Центральной группы войск.

РДК - Районный Дом культуры.

РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СПТУ - Среднее профессионально-техническое училище.

ССР - Советская Социалистическая Республика.

СССР - Союз Советских Социалистических Республик.

СТМЛ - Союз трудовой молодежи Латвии.

ТЮЗ - Театр юного зрителя.

ЦК ВЛКСМ - Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	5
<i>Основные даты жизни и творчества Л.И. Квина</i>	7

ЧАСТЬ 1

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА ПИСАТЕЛЯ Л.И. КВИНА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

<i>Автобиография Квина Льва Израилевича</i>	13
<i>Отчет о творческой командировке писателя Квина Льва Израилевича</i>	15
<i>Творческая заявка</i>	16
<i>Лев. Квин. О чем пишут писатели</i>	16
<i>Музыкант И. Отзыв о повести Л. Квина «Дорога через ночь»</i>	17
<i>Штейман И. О повести Л.И. Квина «Дорога через ночь»</i>	18
<i>Хавкин О.А. Лев Квин. «Семьдесят неизвестных». Рассказы</i>	19
<i>Письмо Л.И. Квина В.О. Лагздиню</i>	20
<i>Письмо В.А. Пелихова Л.И. Квину</i>	21
<i>Рецензия на пьесу Льва Квина «Киндап - игра для крепких нервов»</i>	22
<i>Отзывы о произведениях Л.И. Квина</i>	22
<i>Читатели детской библиотеки имени А.П. Гайдара г. Новосибирска</i>	22
<i>Читатели Ребрихинской районной детской библиотеки</i>	23
<i>Стихотворение Квину Л.И. от пионеров школы-интерната г. Камня-на-Оби</i>	25
<i>Стихотворение Квину Л.И. от книголюбов АлтайТИСИЗа</i>	25

ЧАСТЬ 2

ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ

<i>Дворцов Н.Г. Писатель и жизнь</i>	27
<i>Юдалевич М.И. Не только мальчишечьи тайны</i>	30
<i>Березюк И.И. Звезды родной стороны (К 60-летию Л. Квина)</i>	33
<i>Мостков Ю.М. Писатель и его книга</i>	42
<i>Серебряный В.С. В память людскую. О жизни и творчестве писателя Льва Израилевича Квина</i>	47
<i>Возчиков В.А. Мудрый художник детства</i>	63

<i>Хомич Э.П.</i> Детская проза Льва Квина: чтение для сердца и разума.....	66
<i>Ефименко В.С.</i> Радостные встречи	73
<i>Зароченцева Т.П.</i> Он был лучшим руководителем.....	74
<i>Захаров В.С.</i> Щедрость таланта	75
<i>Квин З.В.</i> 50 лет и 4 месяца. Срок порядочный!	77
<i>Козлов Ю.Я.</i> Многим обязан ему	81
<i>Кривоносов Я.Е.</i> Когти Льва.....	83
<i>Кудинов И.П.</i> Время опавших листьев.....	86
<i>Кузнецова Т.Н.</i> Добрый и мудрый писатель.....	99
<i>Луначев Б.Н.</i> Снизу - вверх	100
<i>Малиновский Л.В.</i> Два Льва в сумме.....	102
<i>Марков С.С.</i> Воспоминания о Л.И. Квине	104
<i>Маслениковский С.И.</i> О Льве Израилевиче Квине	106
<i>Нечунаев В.М.</i> С любовью к Квину.....	107
<i>Остертаг А.М.</i> О человеке с добрым сердцем.....	109
<i>Познякова А.И.</i> Память.....	112
<i>Романов В.Д.</i> Короткие встречи с замечательным человеком.....	113
<i>Скрипченко Е.В.</i> Наш друг - человек с большой буквы	115
<i>Целмс Н.С.</i> Общение с ним - всегда радость	116
<i>Цесюлевич А.Р.</i> Встречи с Л.И. Квином.....	119
<i>Юдалевич М.И.</i> Эпиграммы	122
<i>Анекдоты от Квина (Записал Кривоносов Я.Е.)</i>	122
 Список отдельных изданий, публикаций, переводов Л.И. Квина	
и литературы о нем	125
Отдельные издания.....	125
Публикации в периодических изданиях и сборниках.....	127
Переводы.....	132
Литература о жизни и творчестве	132
Список основных сокращений	142

ЛЕВ КВИН: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Оформление *В. Котеленца*
 Технический редактор *Г. Заркова*
 Верстка *Н. Алексеева*

Подписано в печать 5.12.2012 г. Формат 70x100/16.
 Гарнитура Wagnock Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл.-печ. л. 13,61. Тираж 600 экз. Заказ № 3593.
 ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

ЛЕВ КВИН
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

Лев Квин (1922-1996) – писатель и драматург, при жизни которого вышло более 50 книг в различных отечественных издательствах и за рубежом. Он оставил глубокий след в алтайской литературе, обрел известность как драматург, пьесы которого шли в разных городах страны, снискал признание товарищей по писательскому цеху как общественный деятель, избирающийся членом правления Союза писателей РСФСР, занимавший пост секретаря Алтайской краевой писательской организации. В основу этой книги легли материалы музейного личного фонда писателя, дополненные воспоминаниями коллег, друзей и близких.

